

829(374)

С 47

Николай СЛЕПЦОВ

821(574)

С47

Николай СЛЕПЦОВ

Душевная повесть

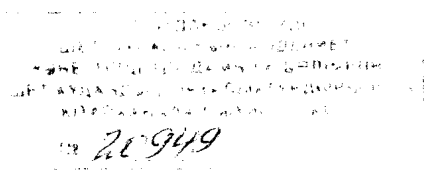
Караганда, 2018

Николай Андреевич СЛЕПЦОВ: Душевная повесть

ОО «Издательский дом «Классик»

Караганда, 2018, стр. 180

Николай Слепцов, самобытный поэт и писатель из поселка Агадырь, предлагает на читательский суд свою книгу «Душевная повесть», последнюю в его творческом багаже-по крайней мере, на данный момент. Всего у него тринадцать авторских работ, изложенных как в прозе, так и в стихах. А настоящим произведением он подводит своеобразный итог собственной писательской деятельности, стремясь обобщить все написанное ранее и заодно высказать то, о чем умоячал ранее. Иными словами, начистоту, от души! На то она и душевная, эта повесть его долгой жизни...

ГЛАВА 1

Садясь за эту книгу, в который раз соображал, о чем я в ней буду говорить и что я в нее положу. Заголовок по виду и по названию обязывал не иначе как глаголить о себе, О себе, о своей жизни с подобным названием или близким к нему, как помнится, говорила «Исповедь» Жан-Жака Руссо.

Ну, с величиной, как Руссо, жившим как бы не все триста лет назад, равняться мне, простому агадырскому питекантропу, надо просто иметь совесть. Если только извлечь какие-то уроки из его повествования... Ничего в том плагиатского, думаю, не будет. Руссо подробно рассказывает о своей жизни от малолетства до глубокого повзреления. В этом рассказе рассматривается все его окружение от матери с отцом со всей родней, со слугами и учителями. Однако в одном из своих высказываний Руссо недвусмысленно заметил: «Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы, и этим человеком буду я. Я один. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-либо другой из виденных мною; осмелюсь думать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то, по крайней мере, не такой, как они. Хорошо или дурно сделала природа, разбив форму, в который она меня отлила, об этом можно судить, только прочтя исповедь».

Руссо тут имел в виду не иначе как настоящую душевную исповедь, потому и не взял я её в кавычки, олицетворяя и название своей книги с таким же названием. Далее Руссо делает такое пространное отступление: «Пусть трубный глас Страшного суда раздастся когда угодно, я предстану пред верховным судьей с этой книгой в руках. Я громко скажу: «Вот что я делал, что думал, чем был, с одинаковой откровенностью рассказал я о хорошем и о дурном. Дурного ничего не утаил, хорошего ничего не прибавил. И если что-либо приукрасил, то лишь для того, чтобы заполнить пробелы моей памяти. Может быть, мне случилось выдавать за правду то, что лишь казалось правдой, но никогда я не выдавал за правду заведомую ложь. Я показал себя таким, каким был в действительности: презренным и низким, когда им был, добрым, благородным, возвышенным, когда был им. Я обнажил всю свою душу и показал ее такую, какой бы видел сам Всемогущий. Собери

вокруг меня неисчислимую толпу подобного мне, пусть они слушают мою истину, пусть краснеют за мою низость, пусть сокрушаются о моих злополучиях. Пусть каждый из них у подножья твоего престола в свою очередь с такой же искушенностью раскроет сердце свое, и пусть потом хоть один из них, если осмелится, скажет тебе: «Я был лучше этого человека».

Это высказывание Руссо я уже приводил в одной из прежних книг, но, думаю, читатель простит меня за возврат к нему и в этой новой моей книге. Мне просто хочется следовать мыслям Руссо, но уже с позиции моего времени. Комментировать классиков я не собираюсь, только замечу, что ничего подобного я о себе никогда не думал, когда писал нечто биографическое. У меня тоже в этой книге есть некая душевная исповедь, но она никак не может родниться с исповедью Руссо.

Пока моя «Душевная повесть» бродит в моих мозгах, дальнейший ее путь окажется долгим и длинным. Надо ее будет показать каким-то издателям, редакторам, а они уже, если она заслуживает, направят ее в типографию, и только потом ее увидит мой немногочисленный читатель, какого у меня насчитывается не более двух десятков. Именно такое количество своих книг я и заказываю в издательстве.

А зачем, скажите, размениваться на ту же сотню, а то и всю тысячу, когда у меня друзей и родни набирается не более этого? Куда мне девать остальные? Если бы издательство да направило бы мои книги в торговую сеть, то было бы совсем иное дело. Возможно, мне возвратилась бы какая-то тенгушка, какая пенсионеру вовсе не помешала. Но такого счастья в моей практике не бывало. Издательство выдает мне на руки мои экземпляры книг, что я заказывал, заплатил, что требовалось, а там, Ванька, кувыр-кайся со своими книгами, как медведь в берлоге, что я, по правде, и делаю. Раздаю книги друзьям и родне и даже дарю в поселковую библиотеку. Библиотекарша удивляется и благодарит.

А выглядят мои книги удивительно красочно. Гляжу я на них, люблюсь обложками, какие вытворяет не иначе как гений карагандинской типографии «Арко», какой я кланяюсь и по сей день. Не знаю, какой она сделает «Душевную повесть», только прежние мои восемь книг по наружной красоте можно выставлять даже на международную выставку. Таких красивых внешне книг я не встречал, пока не знаю, кто в миру может их делать так красиво и так изысканно.

О своей «Душевной повести» распространяться не буду, поскольку она еще не родилась. Надумал я ее родить только теперь, когда разменял свою восьмерку. В восемьдесят, думаю, не о книгах думают и не о каком-то творчестве, а вовсе о другом, что предназначено старикам. А им, как показывает жизнь, больше предназначено читать что-то из старых авторов времен очаконских и покорения Крыма, когда творили Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Некрасов, Гончаров, Белинский да Щедрин с прочей командой XIX века. Если не лежит душа к чтению, то нянчить правнуков никто не откажется.

Меня же черт надрал наваливать на меня поэтическую дурь и что-то писать прозаическое. Делать нечего, я схватываю стихи и то, что приходит в голову. Вот пришла в голову и эта «Душевная повесть», какой я увлекся и растележил не знаю на какой период. Что мне дано в мои восемьдесят - не представляю, а заначку для «Душевной повести» я уже сделал. Как там дальше будет идти жизнь, пока я не имею представления, но, думаю, что-то личное, что-то душевное там все равно должно быть.

В этом плане начал читать что-то из современников моего поколения и моего времени и наткнулся на строки известного как бы не пятьдесят лет назад писателя Валентина Овечкина, автора «Районных будней». «Надо лезть за томами для боевой публицистики в самую глубинку жизни. И надо нам, конечно, писать гораздо больше, чаще подавать свой голос на страницах газет и журналов. Надо, чтобы и читатели не молчали, - заявляет писатель. И добавляет:

- Пишем, пишем, а статьи наши уходят, как вода в сухой песок».

Моя женка, наверно, имея в виду эту воду и сухой песок, на днях сказала мне:

- Слушай, Франсуа-Мари Аруэ, ты, брат, вроде неплохие статейки пишешь, где-то и актуальные, а по газетам тебя вижу совсем редко...

Что сказать моему личному редактору и дражайшей супругнице?

- Ну, донна Режина, ты мне имя самого Вольтера присвоила, сравнять с каким могут только гении. Я же просто пешка, пробивающаяся в дамки, агадырский писака, каких по Казахстану вагон и маленькая тележка. Их я вижу по газетам и в журналах, а на меня издатели просто поднимают ногу. То ли я крайне бездарен, то ли из меня и впрямь что из Обломова Лев Яшин, говорящее, что мне надо завязываться писаниной да найти себе другое хобби, то ли мне надо по-другому подходить к творчеству.

- Но ты же, Абдрахман, что-то пишешь, что-то рожает, значит, в тебе есть писательская жилка. Как бы ни было, Антуан, в твоей писанине я часто нахожу интересную фактуру, на мой взгляд, достойную газетно-журнальных страниц, только тебя в большинстве почему-то отвергают. Или в твоих материалах слаба литературная огранка, или ты поднимаешь слишком узкие, малозначащие темы. При коммунизме, помнится, райкомы да обкомы всегда держали на прицеле ту или иную критическую статью, заметку, а газеты так постоянно резюмировали: «Меры приняты», «Вопрос решен», «Ошибка устранена», «Вопрос на контроле», «Нет равнодушию», «Правда восторжествовала», «Критика принята», «Лицом к проблеме» и другие. Нынче подобное встречается редко. Как считаешь, Гумерсиндо, люди изменились, время или сама печать стала иной?

- Думаю, Антуанетта, все вместе.

- А вот скажи, Ачеваль, почему нынче над газетами нет единого хозяина, как это было при коммунизме? Вспомни нашу старую достопочтенную «Союзпечать», киоски которой стояли чуть ли не на каждом углу. В них всегда можно было выбрать любую газету, а то и журнал, газету свою районную, областную и республиканскую. Ладно, то время ушло и покрылось мглой, только теперь не лучше с республиканскими изданиями. Где они в наших киосках, и где они, эти самые газетные киоски? Ты их видишь, Бузумбай Калкенович? В одиннадцатитысячном Агадыре один каким-то образом затесался, но ты найдешь в нем «Казахстанскую правду», «Новое поколение», «Эпоху», «Литер», журналы «Нива» и «Простор», областную «Индустриальную Караганду»? И не увидишь! В городах наверняка схватишь, а на периферии в селе, поселке, на станции да разъезде? Продавцы предложат тебе «СПИД-Инфо», анекдоты, кроссворды, криминальщину. Хозяин киоска с печатной продукцией предложит тебе игральные карты, китайские сумки, лезвия для бритвы, надувные шары, мужские подтяжки, прочий шурум-бурум... Как считаешь, дон Педро, терпимо ли такое положение?

- В том-то и дело, матушка Алейда, что нетерпимо, но что поделаешь? Ведь рыночная экономика на дворе, где всюду главенствует частник. Ну, а частник - он и в Африке частник. Частнику, донна Химена, разве прикажешь, чем торговать? Серьезную продукцию он к своему киоску и на выстрел не допускает. В городе он набирает ходовую продукцию и уже у себя

доміі реализует по своим ценам. Ц народ берет ее, потому что за нею в город не наездишься. Говорят, дело стоиттого, никто еще не разорился и по миру не пошел, даже больше — на машинах раскатывают. Всю эту писчую продукцию, как «Казправда», «Новое поколение», «Литер», «Эпоха», «Индусгриальная Караганда», «Нива» да «Простор», нынче враз не выпишешь, а иот разово что-то из них купить то, что тебе ближе и интереснее всего... Помнишь, Чичерита, до развала Союза мы выписывали с тобою что-то около пятнадцати изданий всего-то на какие-то девяносто рубликов. Пенсионер тоже не отставал и на свои сто двадцать пенсионных раскошеливался на пять-шесть изданий, раздевавших его всего лишь на какую-то тридцатку. Вспомни, Винченция, что мы читали: «Литературную газету», «Неделю», «Труд», «Аргументы и факты», «Агадырскую новь», «Джезказганскую правду», «Советский экран», «Здоровье», «Работницу», «Простор», «Ленинскую смену», «Советскую женщину», «Сибирские огни», «Человек и закон»...

- Ты, Абдрахман, и сейчас разоряешься на что-то для тебя интересное. В Караганде вот достала для тебя, Касымбек, январский номер «Простора». Прочитай в нем довольно интересную вещь Ивана Щеголихина «Не стану я искать побед». С первых же строчек речь Иван Павлович ведет о том, кто издаст его только что написанную книгу. У такого большого писателя и заботы об издательском деле, а потом, Калдыбек Саттарович, я не представляю, что будешь делать ты со своей новой книгой. Мне кажется, Мохаммед-оглы, что завелся в Агадыре свой писака - невелико событие. Ладно бы тебя знал наш читательский мир, так он ведь смотрит на тебя, как на пустое место!

Подумал: может, и правда, мой домашний редактор Гульчатай, Винченция, Химена, Алейда и Бог знает кто еще из любимых сериалов моей супружницы Раисы Ильиничны? Я безоговорочно уступаю дорогие мне футбольные матчи и прочие спортивные баталии моей жизненной спутнице ради ее сериальных героинь, какие, хоть нехотя, приходится обзирать и мне. После я называю женку этими именами, она с удовольствием откликается и, кажется, благодарна мне за это. Не остается в долгу и моя Алейда, именующая и меня именами, какие ей приходят в голову. Так я стал для нее и Абдуллой, и Ачевалем, и Антуаном, и Абдрахманом, и Касымбеком, и Калдыбеком Саттаровичем, и Мохаммедом-оглы. Думаю, хватит у нее фантазии и на другие имена.

Насчет моей пустой писанины моя Гульчатай, наверно, права, только сделать с собой я ничего не могу. Писательское хобби я не ищу, больше оно меня само находит, чему я безоговорочно подчиняюсь. Обозревая сие наваждение, мысленно прикинул: это хобби как-то даже продляет мне жизнь. Не знаю, как у прочего писательского мира, только дурные мысли часто и густо будят меня даже среди ночи, из-за чего мне приходится тихонько подниматься, чтобы не шевелить мою Гульчатай, просто тихонько перешагивать через нее и идти в другую комнату к своему журнальному столику, включать там ночной светильник и писать то, что диктовала моя старческая голова. Женка к таким моим ночным вояжам за наши пенсионные годы привыкла и упреков делать мне не стала, только однажды сказала:

- Вот послушай, Сагентай-оглы, насчет твоей писанины. Газеты берут тебя редко, в журналы ты боишься туркнуться из боязни, что тебе скажут: дед, найди себе другое хобби, марки коллекционируй или значки, ибо слово человеческое - это дар Божий, а по Гумилеву и вовсе слово - это Бог, обращаться с каким и должно по-божески. О литературном труде, уважаемый любитель пера, у нас немало сказано. Почитайте хотя бы Александра Фадеева: «Художественное творчество - это один из видов человеческого труда, специфический вид труда, где необходимо, как и в других областях труда, настойчиво овладеть мастерством своего дела... Больше, уважаемый коллега, читайте классику и современных авторов страны и мира, не гнушайтесь и журнальных публикаций: они более доступны, нежели через другие издания. Вспомните, коллега, «Современник» Некрасова и Белинского: нам надо сообща стараться, чтобы каждый номер «Современника» был полон жизни и честного направления...». Те же заботы, наверно, и у наших журналов. Твой семисотстраничный фолиант там обрезали и не отважились сказать тебе в глаза, роман это или бред поддатого дедугана.

- Наверно, Карлотта, нынче без башлей и чирей не сядет. Мы же с тобой пенсионеры со стажем, где нам их взять?

- А у Николая Островского, когда он писал про своего Павку Корчагина, башли кишмя кишели? Да он, может, даже и не знал, как три рубля выглядят. Остается, Амантай, надеяться на потомков, они и могут обратить внимание на то, что писали их предки, жизнь такое уже знает.

- Но, Доминика, нас-то уже не будет...

- Будут другие и вспомнят тебя добрым словом. Нынче же, Карлос Эскаэдро, будем радоваться тому, что газеты выходят, несут известия о делах у нас в области, в стране и в мире, информацию о хороших людях, о наших немалых проблемах, донимающих нас по вине даже больших людей, обязанных служить своему народу честно и благородно, но не делающих это. В газетах проскакиваешь и ты, Тюлебай, а это уже какой-то плюс тебе лично.

- Я хочу, Алейда, напечатать хоть одну свою книгу. У меня сколько их валяется в заначке, ты не знаешь? Так без малого добрый десяток!

- Я твою кухню, Серикпай, не обозревала и не знаю, что ты творишь днями-ночами. Есть книги, так пытайся их просунуть, скажем, в журнал «Простор» или «Нива». У нас в республике два известных литературно-художественных журнала для пишущих на русском языке, вот и сделай ходку хотя бы в один из них. Книги твои они не возьмут, а вот отдельные вирши взять могут, если у них есть какая-то направленность, а то и просто живая жизнь...

Надо, наверно, и впрямь последовать советам моей Гульчатай. Чего я теряю? Пусть в журналах редакторы позанимаются моими книгами, авось что-то им и приглянется. Для пробы на первый случай надо налечь на стихотворную фактуру, их в журналах видно больше всего. Может, что-то и тиснут, а это поднимет настроение, да и мой рейтинг в Агадыре повысится. Читают же агадырцы «Простор» и «Ниву»? Не такие уж они затурканные неучи. В Агадыре аж три школы, немало в них и учителей, каким сам Бог велел читать наши республиканские журналы. Если учителя будут знать своего агадырского доморощенного писателя-поэта, то это уже будет какой-то плюс к моей фамилии. И на Гульчатай будут смотреть, может, даже с какой-то завистью. Мне от этого, конечно, будет приятно.

По правде же, никак не хочется быть обычной серостью. Вот хочется мне хоть чем-то выделиться! Когда слесарил в депо целых три пятилетки, часто и густо висел на доске почета. Приятно? Еще бы! Такова, наверно, у человека натура - не хочется быть маленькой серой мышкой.

За жизнь свою я, правда, и не стремился как-то выделиться в лидеры или в какую-то известность. Топал вместе со всеми по жизни, был женат, вырастил сына, какой нынче уже сам готовится на свой гражданский «демель» со своего железнодорожного транспорта. А в первые годы работы в

депо я так даже окончил «вечерку» и получил аттестат зрелости, какого у меня не было все из-за той же целины. В десятый класс я, в общем-то, ходил и вроде неплохо успевал, учился то есть, но тут подросла целина и призыв Хрущева: «Все на целину!». Я как комсомолец и ринулся на призыв партии и правительства, бросив школу и свой десятый класс. Кто мне это бегство мог запретить? Я был в доме старшим, матушка на целине пахала с самого 1954 года, а я так ринулся туда лишь на следующий год. Ринулся, прошел краткосрочные курсы трактористов и уже сам серьезно пахал на тогдашних только что появившихся ДТ-54...

Сейчас о целине не говорят и даже не вспоминают, поскольку минуло более шестидесяти лет, когда она была и даже растормошила большую страну. Ехали на целину в Казахстан как бы не со всех сторон большого СССР. Ехали и прибалтийцы, и кавказцы, и молдаване, и украинцы с белорусами. Для всех находилась работа. А как целина сплавивала людей! Нынешнее поколение того не знает, не ведает и живет по своим законам, рожденным политикой СНГ. Таможни и свои собственные границы для каждой из шестнадцати прежних республик стали обычной нормой. И ничего, каждая республика по-своему кувыркается, метет и пашет, обустривает свою жизнь. Сосед из соседней республики может попасть к тебе в гости только через таможню, и то лишь на определенное время. Раньше было что-то около двух недель, потом вроде подобрали, и можно было гостить целый месяц, а теперь якобы разрешают задержаться и на больший период. Люди говорят, что этого требует жизнь, а раз требует сама жизнь, то ей просто грешно отказывать.

Таков нынче у нас СНГэвский век. Неведомо, кого он радует, только танцующих в его честь нечасто встретишь. Белорусы, говорят, хотят отказаться от денежных «зайчиков» и перейти на российский рубль. Говорят, того требует народ Белоруссии. Он требует якобы даже войти в состав России, быть с нею одной страной, как это было при едином Советском Союзе. Удастся ли белорусам совершить такой подвиг - никто не знает, но белорусов наверняка надо поприветствовать даже за мысли об объединении с Россией. Кто знает, может, ее примеру последуют и казахстанцы, и кавказцы, и молдаване, и среднеазиатские республики. В итоге получится какой-нибудь СОСР - Союз Объединенных Свободных Республик. Был же у нас как бы не все семьдесят лет Союз Советских Социалистических

Республик, был - и ничего, жили, дружили и даже объединенно разбили фашистского завоевателя, вероломно вторгшегося в большой СССР. Коллективно народы Союза скрутили рога врагу и разгромили прямо в его логове.

Весь этот жизненный коленкор говорит, что всем нашим прежним республикам необходимо объединиться, и пусть общей столицей останется Москва. Если по справедливости, кто вел все наши армии в бой в прошлую войну? Всему миру известно, что Москва. Неведомо, неясно, непонятно, кто будет делать это в нынешнее время. Если враг нападет на Россию, то Москва за себя постоит, как она умела делать это всегда. А если какой-то взбесившийся враг нападет на маленькую Молдавию, на Киргизию, на Таджикистан с Туркменией, а то и на Казахстан с Узбекистаном? Кто знает, какие нынче мысли у того же Китая, Кореи, Японии, а то у того же Афганистана? Сходят с ума Сирия и ее соседи... Сходят, потому они и пьют кровь друг друга. Для них не существует ни политических, ни человеческих, ни международных законов. Жизнь человека для них что жизнь простой букашки, потому они и идут на угрождение людей без содрогания. Удивительно, что ради смерти других, ради смерти массы они не жалеют и собственную жизнь, просто свободно взрывают себя, зная, что его единственная личная смерть понесет за собою смерти многих других. Это каким надо обладать безумием, чтобы в красивое мирное время делать это по приказу высокостоящих боссов?!

Неведомо, могут ли такой поступок разгадать психологи. Пытаются ли они сделать это сегодня? История тут ничего сказать не может, она лишь зафиксирует факты, а поступок смертников она никак не разъяснит. Тут не иначе как нужна работа ума психологов, философов, медицинских светил, какие просто обязаны знать человеческую душу в целом и каждого человека в частности. Однако, как говорит сама жизнь, человек — это такое природное создание, которое не поддается никакому познанию. Почему Иван Грозный убил своего сына, убил просто так? История Ивана Грозного не оправдывает. А в прежние времена, когда брат шел на брата, сын на отца, отец на сына? Тут какие задействованы человеческие чувства? История говорит, что личная собственность, личное обогащение становились дороже братства, родства и человеческой жизни вообще.

Нечто подобное, если верить телевидению и печати, наблюдается в на-

шей жизни и сегодня. Указывать на отдельные случаи наверняка не стоит, потому как эти случаи - не наше прошлое, а как ни есть самое настоящее, нынешнее. Неведомо, кто и что тому виной, только во времена Пушкина да Лермонтова, вплоть до последнего царя Николая II, Великого Октября и последующих лет до распада Советского Союза, такого кричащего антагонизма между людьми не было. То ли виной этому международный капитализм, то ли страсть к богатству, к деньгам сделали людей безумными, а то и вовсе бессердечными.

История и психология, видимо, никогда не разберутся, почему жизнь родила, воспитала и вывела в свет такое человеческое создание, как Гитлер, Гиммлер, Геббельс и их окружение, положивших на заклятие жизни без содрогания и человеческого чувствования пятьдесят миллионов человек. Эти великие немцы были все-таки людьми, жили среди людей, так же питались и ели хлеб, так же рождали детей, так же любили их, как и своих собственных родителей. Какие же такие силы могли сделать в их головах сдвиг, подвигнувший на страсть к убийству человечества?

История знает многие войны на земле со времени возникновения цивилизации. Перечислять их нет смысла, да их всех и не перечислить. Об этих войнах нам поведали люди древности через письменные свидетельства. Появление письменности сделало особый поворот в жизни человечества, зачто онои должно бытьблагодарным своим предкам. Письменность предков и донесла до нас сведения о прежних войнах, об их последствиях, уносивших в небытие многие человеческие жизни.

Когда человек жив, то ему кажется, рады земля и небо, рады птицы и звери, рада сама жизнь и вся окружающая природа. В живом человеке мы как-то ощущаем себя, свою плоть, свою душу, отчего просто не укладываемся в голове мысль, как можно этого человека убить, стереть с лица земли и превратить его в обыкновенный неживой камень. А ведь такое было, такое есть и теперь...

А ведь было время и люди в нем, какие осуждали любые войны, но высокие правители человеческого мира их не понимали и продолжали свои войны с большими человеческими жертвами. Какие силы на то их толкали, история, психология, логика человеческого мышления и даже сама философия пояснить не могут с древности и по сегодняшний день. А сегодняшний день настолько обобщен, настолько изучен и компьюте-

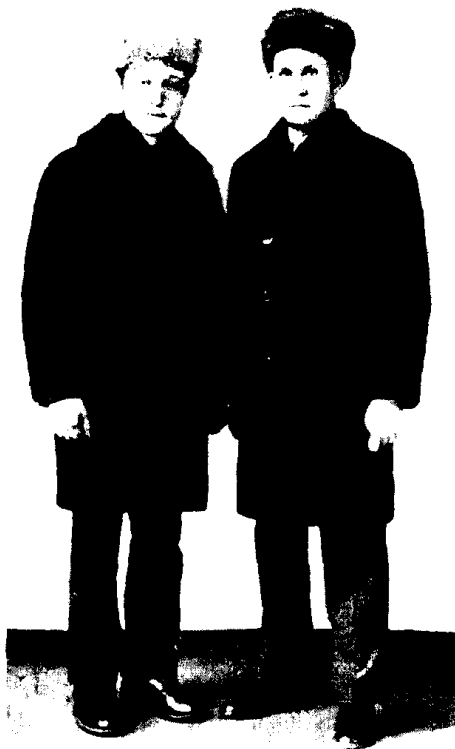

ризован, что становится известно о мыслях и действиях почти каждого человека на земле. Однако же люди эти не боятся никаких над собой экспериментов на компьютерах и всю творят свои темные дела: воруют и продают детей, бросают новорожденных на помойки, грабят банки и квартиры простых людей, вырывают у проходящих женщин сумки и мобильные телефоны. Чем живут и чем руководствуются эти люди, выясняют психологи и полиция, какие и определяют им место для раздумывания над своей жизнью.

Мои агадырские и училищные друзья
Николай Дудич, Павел Крашановский и я
собственной персоной (1962 г.)

Лично я и мой брат Анатолий,
проживающий ныне на ст.
Жалтырь (1974 г.)

ГЛАВА 2

Страх как не люблю говорить о политике и политиках всех рангов и всех типов! На политику я смотрю, как баран на новые ворота, ничего в ней отродясь не понимал и не пытался понять. Не понимаю эту политику и теперь, когда в мои круглые восемьдесят пора бы как-то шевелить политической мозгой. Жизнь, считай, я прожил, и разбираться в ее нюансах надо бы уже научиться. В голову лезут какие-то мысли, какие я даже записал, не ведая, что скажет о них нынешний изысканный читатель. На мякине его нынче не проведешь и, как Белинского, не проведешь ни на какой литературе. По-хорошему, хотелось бы попасть в лапы такого вундеркинда, какой открыто сказал бы мне, кто я есть в писательском мире.

Называть себя писателем мне хотелось бы, но женка говорит, что я не писатель, а бумагомаратель. У настоящего писателя его книги стоят на его книжной полке, его читают и берут в библиотеках, а обо мне не знает ни один человек на белом свете, кроме моей Гульчатай, которая советует прозондировать в соседней Караганде, как и где издаются книги известных и начинающих авторов вроде меня, какие пишут стихи и прозу, но не ведают, что им делать и куда с ними податься.

На 2013-ый у меня отпечатано на простой пишущей машинке «Москва» аж целых три книги с разными названиями. Первая, в двести машинописных страниц, являла собой стихотворную подборку под названием «Мои агадырские зори». Прикидывал: двести односторонних машинописных страниц могут дать хорошую типографическую книгу в сто страниц. Сто страниц - не такая уж бедность! Я держал в руках тоненькие книжечки известных миру авторов в семьдесят страниц. Наверно, писательский свет разрешает иметь и такие маленькие книжечки.

Вторая моя книжка называлась «Пестрые письма», и было в ней уже триста машинописных страниц. Опять же по прикидке, типография сделает из них вещь в сто пятьдесят страниц, а это уже что-то значило. Третьей моей книгой был первый в моей жизни роман в восьмьсот страниц, какой в типографских цехах должен был выплеснуться в четырехсотстраничную

штуковину, над которой я работал как бы не целых два года.

Как все будет выглядеть на самом деле, я не имел представления, почему Гульчатай и настаивала рвать когти в Караганду.

- Вижу, варишься ты, Темиргали, в собственном соку, и мне просто становиться жаль тебя. Сегодня тебе уже семьдесят пять шибануло, и кто знает, что будет с тобою завтра... Хотелось, чтоб ты, Темирбай, поспешил с этими книгами, для чего и надо настраивать себя на шахтерскую столицу. Поезжай и прозондируй про издательские дома. Есть ли они в нашем областном центре? Если есть, познакомишься и предложишь свою писчую продукцию. Заодно узнаешь, сколько надо платить за издание твоих трех книг, для чего прихвати с собой тысяч триста тенгушек. Что деньги понадобятся, я в том уверена, потому как на дворе рыночная экономика, где правит бал наш нынешний повсеместный частник. В столице, конечно, должны находиться государственные издательства, так скажем, «Жалын» в Алматы и такая же государственная типография. В таком провинциальном городе, как Караганда, издательский дом и типографии не иначе как частные, но с каким-то подчинением государству...

Послушал свою Гульчатай и решил: плохого она не посоветует. Решил: надо настраивать себя на город шахтеров и горняков. Как он меня примет с моими книгами - не представляю, только попытка не пытка.

Утром в апреле 2013-го я уже был в Караганде и разузнал все, что мне требовалось. В городе трудится издательский дом «Классик» и при нем типография «Арко». Редактором издательского дома оказалась довольно молодая, интеллигентная и даже красивая женщина. Я назвал свое имя и вручил ей свое удостоверение. Редактор назвала и свое имя. Разглядывая год моего рождения, Светлана Владимировна сказала:

— Отчего вы тянули свои книги до семидесяти пяти? Ведь можно было приехать к нам в ваши семь десятков и в семьдесят один-два-три, а вы сделали свой шаг только в семьдесят пять?

- В те годы, Светлана Владимировна, этих книг просто не существовало. Я начал их писать с июня 2012-го, когда похоронил старшего моего брата, за каким ухаживал два с половиной года. Брата разбил инфаркт поражением всей левой части тела. Представляете, каково было мне с ним, когда он жил один-одинешенек? Было тут совсем не до творческих мечтаний. После всех похоронных и поминальных дней и наступило время как-то выразить себя, мою Гульчатай и мою жизнь...

Я рассказывал Светлане Владимировне, что роман мой зрел давно, а тут взял да выплеснулся. Стихи будили и среди ночи, отчего просто приходилось соскакивать с постели и мчаться за свой журнальный столик. А про себя думал: наверно, точно так же писал Есенин, какого я люблю и, кажется, даже где-то налег на еготемы. «Пестрые письма», какие Светлана Владимировна держала в руках и листала, это обычные душевные очерки, некоторые из которых даже побывали в газетах. Думал про себя, что они неплохо должны смотреться и в типографической книге.

Словом, книги у меня приняли все три, и я, окрыленный, помчался в свой Агадырь. О деньгах редактор не сказала мне ни слова, но я своим умом дотумкал, что надо зайти в бухгалтерию и там каким-то образом расплатиться за издание трех моих книг. Бухгалтерше сказал: не ведаю, сколько надо, только на данный момент я обладаю тремястами тысячами, какие прошу принять. Бухгалтерша деньги приняла, поблагодарила и выдала мне квитанцию. Об оплате редактору я не докладывался. Что с меня потребуется дополнительно, оплачу, когда будут мне вручать готовые книги.

Дома доложился женке о своем визите в Караганду и его результатах. Задел пока сделан неплохой, а дальше время покажет.

- Насчет денег, Гульчатай Калкеновна, отдаю тебе должное. Их приняли с удовольствием и даже поблагодарили. Триста тысяч для них, думаю, не на помойке валяются, потому надеюсь на их оперативность. Когда книги будут готовы, мне сообщат, и я помчусь за ними. Редакторша удивилась только одному: почему все три книги я заказал по двадцать пять экземпляров, это же так мало? А куда мне их девать? Раздам друзьям и родне, ну и в нашу библиотеку подарю - может, кто-то из агадырцев рискнет прочесть своего земляка.

- Все ты правильно сделал, дон Педро, только надо было бы на то решиться раньше. Книги-то у тебя были готовы давно, а ты растелился только сейчас. Лет-то тебе сколько? Надо на них рассчитывать. Мы с тобой не вечны, а книги твои хотелось бы повидать теперь, когда нас еще ноги носят...

Насчет моих ног Гулька заметила правильно. Медицина же даром говорит, что движение - это жизнь. Мои ежедневные прогулки вдоль «железки» по степным просторам дают мне бодрость и возбуждают работу мыслей. По «железке» часто пробегают пассажирские поезда, и я с завистью смотрю им вслед. Жизнь идет, и люди все время в движении. В

южиом направлении их встретят Алматы, Бишкек и прочие наши среднеазиатские столицы, а в обратном направлении - та же Караганда, Жезказган, Сатпаев, по карагандинскому направлению будут Астана, Атбасар, Костанай и прочее ее окружение с выходом на российские регионы. Это по прямой. Если с Астаны ударить на Кокшетау и Петропавловск, то там откроются поездникам уральский регион, волжские просторы и, конечно же, Москва с Питером.

В молодости мы с моей Раисой-Гульчатой бывали в этих краях. Бывали и в Москве, и в Питере, и даже занесло в Вильнюс. А юг России мы вообще исколесили: были и в Ялте, и в Сочи, и на других черноморских курортах. Побывали мы с детьми и в самом Севастополе, какой отложился в памяти не только как город-герой, но и как сокровищница красот черноморского побережья. Здесь, в Севастополе, мы впервые видели настоящие черноморские корабли, какие вживую видели только в кино. Отдыхали мы с Гульчатой аж дважды в Алуште. Ах, как нас прельщало, обвораживало и согревало Черное море! Живут же люди, думали мы, и просто им завидовали.

И все же, как бы нас ни прельщали черноморские красоты, домой просто тянуло, тянуло в наш захолустный, тихий, но такой родной Агадырь, где были наш дом, наши дети и наши друзья.

ГЛАВА 3

Писать о себе наподобие «Исповеди» Руссо нескромно, а то и вовсе неприлично. О скромности говаривали многие известные люди планеты. Абай Кунанбаев так заметил однажды, что скромность, которая происходит от слабости, не есть достоинство. «Ложная скромность так же гнусна, как и тщеславие», - это уже К.Гольдони. И уж совсем классическое по Ж.Лабрюйеру: «Скромность для достоинства то же, что тени для фигур на картинке. Она придает им силу и рельеф». Да, а сколько человеческого чувствования и душевного движения надо выставить напоказ, сообщая о себе даже самое малое? Вот тут я решил заручиться Анатолем Францем; «Во всем надо соблюдать меру, даже в скромности».

Коль все это так, с чего начать и что больнее вспоминается именно теперь, когда так и тянет оглянуться назад и, как в арифметическом примере на классной доске, подвести черту? В жизненном процессе тоже немало своих положительных и отрицательных действий, потому на каком-то его этапе нелишне остановиться и подвести итоги...

С чего - не ведаю, только в мои нынешние восемь десятков почему-то часто вспоминаются далекие карточно-продуктовые годы, когда все продукты в магазинах отпускались по карточкам, а хлеб так отоваривался не буханками, а резался и взвешивался на весах. За хлебом я ходил мальцом в 43-45-ые и в первые послевоенные. Матушка-трактористка с весны и до поздней осени пропадала на пашнях и нивах Кургалджинщины. Наша семья жила, как все кенбидаикцы: где-то холодно и голодно, а где-то даже с питательным борщом и пельменями, случавшимися на 1 мая, 7 ноября, День Конституции, а то и на день рождения товарища Сталина, Новый год, когда что-то прибавлялось к этим самым продуктовым карточкам. Нас же с малолетней сестренкой больше всего радовала серая краюха хлеба. С нею мы считали себя более сытыми, а приварок матушки, когда она была дома, только усиливал нашу страсть к хлебной краюхе.

Расскажи нынче молодым об этом — не поверят, а то и вовсе не поймут. Понятие о постоянном недоедании, а то и голода, им, слава Аллаху, неизвестно. Со времен целины наша страна не помнит голодных лет, напротив,

она даже шикует своим хлебом, какого ей просто некуда девать. Было же у нас время, когда хлеб у нас в наших столовых просто подавался к столу бесплатно.

Такое время мне помнится и сегодня. А покупателей нашего казахстанского хлеба хватает не только в республиках СНГ, но и в дальнем зарубежье. Наши казахстанские территории позволяют засеивать немеряный хлебный клин, а это уже и есть достаток, сытость. За все это, за постоянную краюху хлеба на столе, надо просто поклониться нашим хлеборобам, фермерам, земледельцам. Им, думается, нынче несладко живется. Были времена, когда какие-то силы оставляли их без топлива во время сева и уборки хлеба, какой опять же эти силы скупают у хлебопашцев по мизерным ценам, не тем, что определены государством, и затем сбывают его в какие-то края уже по своим ценам. Газеты и телевидение вешали о том на всю страну, но дело к лучшему не менялось. Кто-то из этих самых сил попадался, а кто-то продолжал жировать. Сейчас, говорят, положение кардинально изменилось, и вроде даже появились законы, охраняющие хлебопашца, когда земля становится кормилицей и хлебопашца, и всей его страны...

Да, память воскрешает нынче мой аул Кенбидаик, хлебные карточки, похоронку отца, сложившего свою голову где-то на Днепре, слезы матушки и наши детские слезы. А потом пришел и долгожданный День Победы, возвращение с войны маминых братьев Ильи и Василия, которые навестили-таки наш аул в 1947-ом и увезли всю нашу семью на свою железнодорожную станцию Жалтырь, какая существует и поныне.

Добирались до Жалтыря на одноконной повозке как бы не целую лядишневку, ночуя в придорожных аулах. В самом Жалтыре, проезжая через железнодорожный переезд, я попросил возницу остановиться, чтобы собственными глазами обозреть, какая она, железная дорога. Нагнулся к самым рельсам, похлопал по ним ладонями - вот она какая! Блестящая и всего лишь узкий кусок сплошной железяки, какая тянулась в ту и в другую сторону, в безвестность...

А я представлял ее обычной дорогой, как наши степные, но залитые железом. По ним бегали зубчатые колеса, как у колесного трактора, но меньшего диаметра. Считал, что колес большего размера, чем у колесного трактора, не бывает. В кино видел паровоз, у него колеса меньше.

По приезду в Жалтырь началось мое жизненное обустройство, четвер-

тый класс школы, вживание в цивилизованное бытие, трудности расставания со своими аульными привычками. «Аульный пацан, - говорили сверстники. - Скажи, братишка, кроме верблюдов, лошадей да коров с баранами, ты видел автомобиль и паровоз? А ты знаешь, как выглядит уголь, каким отапливаются электростанции мира, заводы и фабрики?». Я не спорил и не обижался. На деле я и впрямь не представлял, как выглядит этот самый уголь, видел только топочный камыш, кизяк да саксаульник - топливо кенбидаикцев, да и, пожалуй, всей повсеместной округи. Чего я мог знать, когда четыре года знал одну дорогу - дом-школа, школа-дом, купание в местном озере, поход на огороды за пасленом, какой хоть как-то да спасал от голода? Были походы за щавелем и степным луком, из каких матушка делала какую-то похлебку. Щавель вообще ценился в доме не только у нас, но и у моих одноклассников, какие также отдавали щавель матерям.

А в Жаттыре, когда умер Великий Кормчий, как говорили жалтырское радио, я плакал вместе со всеми в длинном школьном коридоре у школьного радиоприемника. С первого класса нас учили: Сталин наш учитель, Сталин наш отец... Умер отец - как не плакать? Учителя плакали тоже, и это были наверняка искренние слезы. Глядя на учителей, мы, восьмиклассники, тоже рыдали, потому как это была скорбь большой страны и большого народа по большому человеку.

А дальше - обычная жизнь. Кремлевские сообщения о Маленкове и Хрущеве. Как врывалась в нашу жизнь целина, нынче знают разве только подобные мне старожилы. Газеты и тогдашнее радио захлебывались от дифирамбов в адрес родной коммунистической, принявшей историческое постановление «Об освоении целинных и залежных земель». Осваивались эти земли повсюду, но больше у нас в Казахстане и на Алтае.

Железнодорожный Жалтырь уже с весны 1954-го круглосуточно принимал составы с гусеничными тракторами ДТ-54, плугами, самоходными комбайнами. Во многих тогдашних МТС еще не списывали и прицепные комбайны «Сталинец», называвшиеся теперь просто «С-6». Жалтырь, Астраханка, Новочеркасск, Петровка, Журавлевка, Хмелевка, Шиликты, Журавлевка, Кайнар всегда числились исконно хлебными краями, где не встретишь сопочников и озер заливных. Степь, ковыли, дремлющая целина тянулись до самой Акмолы с одной стороны и до самого Атбасара с

другой. Были тут колхозы со своими гектарами, занимавшиеся и сталинскими лесными полосами, снегозадержанием, соблюдением паров и севооборотов.

С целиной появились совхозы с тысячами гектаров новых пашен, дремавших веками, каких никогда не касался лемех луга. Целина тянулась не только вдоль акмолинских и атбасарских степей, она простиралась бесконечно, о чем знала Москва и потому слала в Казахстан технику и первоцелинников со всего великого Союза.

На уборке первого целинного урожая поработал и я со своей матушкой, какая была комбайнером на прицепном комбайне «С-6», а я ее помощником, какого величали как штурвальный. Прицепной комбайн «Сталинец» я знал еще с детства, поскольку не раз бывал с матушкой на нем в уборочную страду, где просто катался и видел, как работает этот комбайн, как крутится его мотовило и как сыплется зерно в бункер. В косовицу 1955 года так я уже был отъявленным штурвальным. Работой увлекался, пожертвовав даже выпускным десятым классом.

Второй целинный урожай был, как мне казалось, даже богаче первого. Машины просто не успевали отвозить от комбайна зерно, бункеры наполнялись через какие-то триста-четыре метра комбайнового хода, отчего приходилось расчищать стерню и сыпать зерно прямо на землю. Указание было одно: не стоять, косить, пока стоит погода и не зачастили проливные дожди.

За вторую целинную вахту областное акмолинское начальство принародно, прямо на стане вручила матушке орден «Знак Почета», а мне - новенький велосипед пензенского завода. Говорили хвалебные речи. серьезные товарищи в галстуках жали нам руки и обещали наши портреты поместить на областной доске почета.

После наградных торжеств я интересовался: выполнили ли свое обещание серьезные товарищи? Бывавшие в Акмолу люди ничего подобного не встречали, хотя этими почетными досками был заставлен чуть ли не весь город. Красовались передовики целинной жатвы из Колутона, Атбасара, из совхозов «Красносельский», «Краснознаменный», «Полтавский», «Балкашинский», «Зерендинский», люди из Кийминского района, Журавлевского, Акмолинского, Шортандинского. Нас же с матушкой из Новочеркасского района не поместили — видно, мы рылом не вышли. Жаль по

сию пору, что не отметили единственную женщину-комбайнера из Астраханской МТС. Орден - кто о нем знает? А вот покрасоваться большим портретом на весь город — достижение...

Как вспоминается, областные журналисты как-то спохватились и писали о матушке чуть ли не хвалебные оды. Писали они, что труженицы-комбайнеры, трактористки, шоферы во время войны встречались в нашей Акмолинской области сплошь и рядом, среди каких была и нынешняя целинница, мать троих детей, потерявшая на войне мужа, в бывшем тоже тракториста совхоза «Кенбидаикский». Был в газете и портрет матушки. Газета писала, что женщины во время войны стояли у токарного суппорта, у сверлильных станков и даже кузнечного горна. Они делали обычную ежедневную работу, содействовали Победе. Женщины были у классной у доски и в больничной палате, в поле и у ткацкого станка, на животноводческой ферме и на мясокомбинате - всюду, где требовались рабочие руки. Видно, тогда женщина о себе и могла в сердцах сказать: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик».

Войны всегда жестоки, минувшая же - особенно. Воюют, конечно, больше мужчины, они же и складывают в бою свои головы. Память моя так сохранила моменты, когда я сидел на коленях у отца и когда он прощался с семьей при людях в погонах, увозивших кенбидаикского тракториста и другую кенбидаикскую братву на фронт. Войну тогда не называли пафосно Великой Отечественной, а просто говорили: ушел на фронт...

А дальше жизнь, как у многих. У нас так матушка и трое детей. Ушедшему на фронт отцу тридцать три, а матушке - тридцать. Какая тогда была наша аульная жизнь, мне, пятилетнему, было невдомек, но помню, как матушка сразу же после отца подъезжала на колесном тракторе к нашему жилищу. На этом тракторе она пахала пашни и залежь и считалась в совхозе классной трактористкой. Не стало матушки моей в 1979-ом, но память о ней у ее детей осталась на всю жизнь.

Областная газета «Акмолинская правда» в статье о моей матушке писала, что трудности, потери, безлюдье своей тяжестью наваливались на плечи женщин и в послевоенную пору, но они не сломались, выдюжили, выстояли, потому как всегда тянулись к добру, к свету, ко всем человеческим ценностям. И как работали! Много, самоотверженно, трудно, умно, а то и красиво, дерзко и опасно, не мирясь с трудной судьбой. А еще лю-

били, рожали, рыдали, страдали и прощали. Видно, тогда и родилось это по этическое: «Солдату трудно на войне, а женщине - вдвойне-втройне».

Третий целинный урожай был для меня последним. В первые дни 1957-го «Акмолинская правда» оповещала о приеме в Акмолинское железнодорожное училище с двухгодичным сроком обучения на полном государственном. Среди старых железнодорожных факультетов, таких как «Путевое и вагонное хозяйство», «Станция», «Связь» и другие, впервые появился и совсем новый - «Тепловоз и тепловозное хозяйство». Тепловоз больше всего прельстил меня, о каких я уже слышал и какие начинали менять извечный паровоз как бы не времен Черепанова.

Два года почему-то пролетели, как один день, и после получения нами трудовых аттестатов слесарей по ремонту тепловозов в училище прибыли «сваты», какие и увезли нас, пятнадцать слесарей-гавриков, в неведомый для нас Агадырь. Так в марте 1959-го началась для меня настоящая «железка», привязавшая к себе на все сорок лет.

Первые три хрущевско-брежневские пятилетки я слесарил похлеще знаменитого шахтера Стаханова. Не потому, что я был комсомольцем и затем коммунистом, а просто я любил эту чертову «железку» и все, что с ней связано. Начальство видело мои порывы и постоянно тащило меня на деповскую доску почета. Был я там не один, но видеть себя было приятно. В передовики я не рвался и не пытался высунуться в какие-то мастера, что у других получалось. О себе думал: рожденный ползать - летать не сможет.

В нашей семье, как говорила матушка, все чернопупые, начиная с отца, с нее и ее детей. Старший мой брат после окончания ФЗО и ремесленного училища слесарил на заводе «Казахсельмаш», а после армии так до самой пенсии трудился водяником, ремонтируя насосы водокачек и всяческих скважин. Сестренка так в свои молодые годы работала на железной дороге какой-то уборщицей, а потом каким-то вагонным писарем. Братишка Анатолий так до самой пенсии водил поезда грузовые и пассажирские, так что интеллигентной братвы у нас в роду не было. Оба маминых брата так и вовсе трудились на железной дороге простыми работягами. Их дети последовали их примеру и пахут на «железке» до сих пор простыми трудягами, добывая свои последние годы и месяцы до «дембеля».

А мое депо и мое последнее слово, когда меня в красном уголке провожали на «дембель», помнятся мне и теперь, по прошествии стольких лет.

Хлоп&та мне дружно и искренне. Что ж, со многими я работал истинно бок о бок, а молодые знали меня как ветерана. В зале я знал каждого и честно не хотел расставаться с ними. Но не вечный же я труженик, надо и молодым дать проявить себя в новом 2000 году. В первые его дни меня и выпроводили на мой заслуженный, теперь уже бессрочный отпуск.

ГЛАВА 4

После всех пенсионных пертурбаций дома женка так сказала однажды:

- Вот и дожили мы, Альфредо, до пенсии. Чего нам теперь? Наелись, напились и спать повалились. Остается одно удовольствие - сидеть у нашего цветного «Самсунга», смотреть, что предлагают разные наши казах-стакские каналы, такие как «Казахстан», «Хабар», «Евразия» и «Ел арна». А больше, думаю, будем налегать на телефон для разговоров с детьми, какие облюбовали свой Алтай. Хозяйства у нас с тобой нет, руки развязаны, остается только говорить с детьми да когда-никогда вырываться к ним. Они-то пашут, им нельзя, а нам, тунеядцам, так сам Бог велел наведываться к ним. Теперь мы оба на «дембеле», так что можем запланировать поездку к детям и в этом 2000-ом, но с наступлением лета.

- И слава Богу, Карлотта, что дожили до такого финала. Стол у нас не пуст, а в одежды нас еще коммунизм одел. Насчет же поездки на Алтай к детям я готов в любой день и час, только ты дай команду. Ты же знаешь, Чичерита, без твоего указания и шагу не делаю, потому как так повелось с первых дней нашей совместной жизни. Жизнь показывает; когда в доме всеми делами заправляет женщина, в этом доме всегда есть порядок.

- Наверно. Кузембай, в том есть какой-то резон. У женщины ум всегда сзетлый, а у мужчин он прокурен и пропитан пивом да всякими другими возлияниями. Вспомни свои молодые годы, когда ты слесарил три коммунистические пятилетки. Когда отработали день-ночь и уходили на двое суток отдыхать, чем вы, мужики, занимались? Шли на пиво, вас туда просто тянуло. Ладно бы только пиво, так вы же предпочитали к нему и «прицеп», откакого, бывало, выдаже не узнавали друг друга. Мужики, тем

более когда они собираются шайкой, разве успокоятся на каком-то пиве? Пиво- это просто затравка для них, а дальше идет настоящая мужская раскрутка. Мужик - он ведь и в Африке мужик. Ты его, паразита, хоть в пустыню выпусти ко львам, он и в пустыне выживет со львами справится. А нее как Бог наделил его таким дарованием.

- Да уж, наверно, тут больше природа распорядилась, Клементина. Мужик испокон добывал хлеб и боролся со своими врагами природного и жиченного характера, потому природа и наградила его силой, выносливостью и соображением жизненного характера.

- Наверно, Азамат, в том есть какой-то дух правды. Как-никак, а мужиков нельзя списывать с жизненного списка. Не было бы мужиков, так не было бы и нас, а не было бы нас, так не было бы и мужиков. Так что природа тут правильно распорядилась, создавая жизнь на земле...

Подумал: все эти разговоры с женкой - простое пенсионное безделье, а о чем другом толковать? Поговорили - ушло время, а там то ли обед, то ли ужин, «ящик» с каким-нибудь фильмом, после чего дрыхни и ожидай нового дня с его обыденностью и однообразием. Женка так делает свои вылазки по магазинам, откуда и приносит новости. Кадиша Умурзакова продает квартиру, потому как наострила лыжи на Астану. Кто ее там ждет, белый свет не знает, а Агадырь и вовсе, однако объявления о продаже квартиры повсюду висят. В 2000-ом таких объявлений особенно много. Все куда-то рвутся, все ищут свою новую судьбу. Уезжают, по слухам, больше в соседнюю Караганду и в старую Акмолу, нынешнюю Астану.

Рассуждаем с женкой: едут-то молодые, не пенсионеры, каким и дом нужен, и работа. А как их в городе добыть? И все равно люди рвутся и покидают свой извечный Агадырь. Спрашивают у них: не жалко ли расставаться? А они: кто не видел хуже дыр, пусть приедет в Агадырь!

Ну, Агадырь не такая уж и дыра в нашем Казахстане. Население большое, что-то около одиннадцати тысяч, железная дорога, депо, станция, разные железнодорожные ПЧ да ШЧ, собственный акимат, собственный клуб, собственная мечеть, собственный вокзал и поезда, каких не сосчитать. Конечно, с ликвидацией района, существовавшего с 1973-го по 1997-ой, то есть целую четверть века, многие организации распались, а то и переехали в новый район, потому и появилась проблема с работой. Нет ее, хоть тресни, особенно молодым. Агадырцы и подумывают, почему бы вла-

стям Караганды не предусмотреть в Агадыре какой-нибудь примитивный заводик, его филиал или какую-то мастерскую? Что делать в них - можно придумать. Можно придумать нечто швейное, сапожное, что-то по ремонту нынешних машин. Главное, чтобы народ не разбежался из Агадыря в поисках работы на стороне.

Зачем нам миллионить ту же Астану или ту же Караганду? Почему бы не дать вырасти тому же Агадырю, благо что он уже был райцентром, рос и по-своему осваивался, строился и хорошел? Наверно, надо нашему Правительству учесть: не должны наши города расти до миллионника и сотен тысяч, надо чтобы попутно росли и наши поселения всюду, где есть люди. Почему бы не расти Жанаарке, Дарье, Агадырю, тому же Каражалу?

Пенсионные годы ничего нового в моей жизни не прибавили, только появилась неожиданная страсть к перу, какое тянется к бумаге. Такой страсти в себе прежде я не испытывал, хотя в газеты пописывал. Были там заметки и даже очерки о передовиках производства. Писал я больше о железнодорожном народе, какой я все-таки знал и какому сам принадлежал. Я так отдал «железке» сорок лет, а женка моя - тридцать восемь. Железную дорогу мы просто любили. Я не представляю, кем бы я был без нее. Природных талантов во мне никаких: ни петь, ни рисовать я не умел отродясь, рисовать так особенно. Меня внуки, когда были простыми дитятками, не раз просили нарисовать Бабу-Ягу, какая выглядела у меня на рисунке не менее как простым чайником, у какого сливная лейка напоминала нос этой самой Бабы-Яги. Дети удивлялись, но оставались довольными.

А 7 марта 2007-го я отмечал свой семидесятилетний юбилей. Приехали из Астаны и из Жалтыря мои братья Иван и Анатолий. Сын и внуки из Новоалтайска не приехали, потому как не ближний свет, а главное, поезд в мою сторону от них «Новокузнецк - Караганда» ходил только через четыре дня. Удивлялся я такому расписанию, сработанному, видно, и нашими железнодорожниками, и российскими. Сейчас этот поезд отменили вообще, и на Алтай можно попасть только через двое суток, а не как раньше, через Павлодар через сутки.

А в том марте того же года сын наш отметил свое сорокапятилетие, его дочь - двадцатник, а сын вступил в свое восемнадцатилетие. Нам с бабушкой радостно: внуки уже сами вступают в свою жизнь и, может, сами

начнут посещать нас из своего Барнаула. Нам с Гульчатой радостно: во внуках мы видим себя, а значит, нам не должно грозить старение.

К старости моя Гульчатая-Бердинация-Режина да Люсесита вообще относится скептически. Пока приезжают дети, значит, мы им нужны мы в движении, бодры, деятельны, а когда будем просто поддерживать друг друга, внукам, может, и надоест бывать у беспомощных стариков, у Хоттабычей. Скажут: пусть доживают свой век, потихоньку сворачиваются, а там их родное депо и закроет им глаза...

Рассуждения моей Фабианы о нашем жизненном финале несколько меня коробили, но вида я не подавал, а вслух сказал:

- Наши внуки и сын, Доминика, такого не допустят. Мы им дороги, как и наш Агадырь, какой когда-то был и ихним...

- Дай-то Бог, Себастьян. А жить, Эмилиано, все равно хочется, чтобы увидеть живыми твой роман и наших внуков счастливыми, детей наших внуков, атам положимся на Бога.

- Ну, на Бога - это по твоей части, матушка Консуэлла, а мне - заниматься физзарядкой, ходить ежедневно мои три-четыре километра и, конечно, не дать преть моим мыслям. Голова работает - значит, человек живет. Значит, будем жить, матушка Аманда, и не делить нашу жизнь на прошлую и нынешнюю, на молодость и старость и сравнивать, когда нам было хорошо, в молодости или теперь в старости. Мне кажется, Алтынай, нам хорошо было всегда: когда работали и познакомились, дружили и поженились, учились в вузах и родили нашего сына, вырастили его, отправили в армию и дождались из нее, женили и приняли на руки наших мклых внуков. Теперь они уже выросли, у внучки уже свои детки, и только внук холостякует и целиком отдает себя железной дороге и своим поездкам, какие он так любит водить. А мы чего? Живем, хлеб жуем, не голые и не босые, есть в чем выйти на люди и в чем их принять у себя. Так что, Жанара, будем радоваться нашим внукам и правнукам и всему, что нас окружает: нашей агадырской обыденности и нашему двухкомнатному уголку с балконом и с мечтами о будущем...

О будущем мы с моей Гульчатой любим говорить чуть ли не на повышенных тонах. Каким оно будет, пусть познают наши потомки, а нам в наши дни надо сделать, чтобы образование и лечение сделать бесплатными, как было это все семьдесят лет советской власти. Наш постпере-

строечный СНГвский век, погруженный в рыночную экономику, создал на альма-матерном и гиппократовом пути труднопреодолимые дороги.

И все же простые люди мечтают сделать нашу медицину и образование бесплатными, как в Арабских Эмиратах, о чем писал в своей книге «Три полюса жизни» бывший министр транспорта Республики Казахстан Нигматжан Исингарин. В этой неимоверно богатой стране медицина и образование бесплатные, а ведь эмиратовцам сплошь и рядом буквально всем есть чем платить за то же образование и за то же медицинское лечение. А все, наверно, потому, что мы строили социализм, вкладывая в это понятие не материальный, а больше идеологический смысл. А они строили для себя мир материальных благ - жилые дома, гостиницы, машины, телевизоры, дороги...

Правильно, мы долгое время продолжали лаптями щи хлебать, а Арабские Эмираты строились и богатели только ради своей нефти, какой у нас тоже хоть залейся. Теперь у нас тоже сделаны невиданные прежде сдвиги, и верится, что мы, может быть, даже самые первые во всем СНГ сделаем у себя бесплатными лечение и обучение. Предпосылки к тому в Казахстане уже имеются.

Если вспомнить наш большой бывший СССР, то вспоминается, как мы десятилетиями громко и торжественно подводили итоги труда и на весь мир намечали шаги на будущее. Эти шаги воплощались в самых крупных в мире гидроэлектростанциях, в такой самой протяженной в мире железнодорожной магистрали, как БАМ, в самом крупном в мире экибастузском угольном разрезе «Богатырь», в наших самых первых спутниках Земли и самом первом полете советского человека в космос. Мы всюду и во всем старались быть первыми, потому как наша государственная система опережала и превосходила капиталистическую, а значит, ей суждено было черзрасстояния стать мировой системой.

Пенсионеры и теперь вовсе категоричны: не повышайте нам пенсий, а образование и лечение сделайте бесплатными! С образованием у нас, негодуют люди, вообще полный швах. Ошибки здесь могут оказаться просто опасными. Учеба - это все-таки время, годы, какие упускать не следует, потому как наша жизнь слишком скоротечна. Пусть нынче новое время, веяние, экономика, перестроечные процессы, но образование должно быть у нас бесплатным. Зачем Казахстану худший пример всего СНГ? Да

пусть в нем граждане и за воздух платят, каким дышат люди, а нам, казахстанцам, следовало бы от того воздержаться. Какой-то десяток-полтора лет назад нам было бы просто дико требование оплаты из своих кровных за разные альма-матер, бурсы и прочие ликбезы. Негаснущий лозунг «Знание - сила» наверняка остается мобилизующим и в наступившем столетии.

Без специальности нет работы, без учебы не приобрести специальность. Молодые люди в прострации и в отчаянии, рушатся их планы выйти в люди, осуществить свою мечту — иметь работу, хорошую семью, свой угол и машину. В наш машинный век это норма. Нынче деньги решают многое, делают карьеру и возносят на немыслимые вершины, делая изнстными на местах и в округе, вблизи и в неведомом далеке. Что удивительно, добиваются успехов по жизни часто молодые люди без всякого ученичества в коридорах высшей школы. Как это им удается — Бог весть, только подобные случаи вызывают не более как зависть.

И все-таки, как говорит повсеместно население нашей страны, платное образование не родит собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов, своих Ломоносовых и Менделеевых, Абаев и Львов Толстых, Ауэзовых и Сатпаевых, не родит оно Кунаевых и Назарбаевых...

Мой десятый класс 1955 года, какой я оставил, подавшись на целину (ст. Жалтырь).

ГЛАВА 5

Не ведаю, как у других пенсионеров, а у меня лишнего времени столько, что я не представляю, как им распорядиться. У телека сидеть надоедает, да он к тому же часто и густо гонит такую муру и ерундику от какой и впрямь волосы становятся дыбом. В простой день успокаивают «Новости» в 20.00, а так весь день гонят «Ради любви я все смогу», «Сводных сестер», «Дашу» вперемешку с «Разбитыми сердцами», «Дорогой к матери», «Райским уголком», «Половинкой невозможного», «Один день, одна ночь».

Просматривая эти фильмы, удивляюсь: как упал талант наших киношников! Где они, какие снимали старые вещи, такие как «Трактористы», «Волга-Волга», «Свадьба с приданым», «Дело было в Пенькове», «Солдат Иван Бровкин», «Максим Перепелица», «Поезд идет на восток», «Смелые люди», «Девушка-джигит», «Наш милый доктор» и десятки других им подобных, где всегда наш живой человек и наша живая жизнь? Сейчас никакой живой жизни не наблюдается, а наблюдается сплошной секс, сплошные мордобой и сплошная безжизненность. А если эта жизнь где-то и протекает, нет в ней мысли, мечты и судьбы...

Сказал об этом своей Гульчатай, какая посоветовала общаться с телевизором только при «Новостях» да «Аналитике», при «Поле чудес» да при «КВН» и новых галкинских «Лучше всех». Прочее - не для пенсионеров. Для них, чтобы коротать время для пользы дела, надо налегать на кроссворды. Кроссвордами я отродясь не занимался и знаю, что в них тупой, как сибирский валенок. Бегло как-то просматривал некоторые и просто мысленно завидовал тем, кто их разгадывал. А женке так сказал, что у меня сегодня «царапанный» день, отчего надо сходить в магазин за лезвиями.

И пошел, и принес их, и поцарапался, а дальше - хоть вой на луну. Женка же не отставала со своими кроссвордами, отчего пришлось ей подчиниться. Читаю первое, на что наткнулись мои глаза: «Более громоздкое, чем пианино». Сидел, думал, гадал... Ответ в пяти буквах, на какие и вытянул - «рояль». Это по горизонтали, а по вертикали на эту букву должна упасть и буква в слове, обозначающем имя критика Белинского. Ну, тут

меня ие провести - конечно же, это был Виссарион. «Р» совпало и по горизонтали, и по вертикали.

Другое слово, на каком остановились глаза, спрашивало: «Мягкая обувь без каблучков». Перечислял «тапки», «сандалии», «босоножки» “ничего не подходило, поскольку ответ должен был уложиться в шесть букв. Гадал-гадал и обнаружил в себе безумную тупость. Сказал о том Гульчатайке, она посмотрела на слово по горизонтали и по вертикали и без всяких затруднений сказала: «Чувяки». Записал. Господи, так это такое старое слово, какое я как человек из поднебесья, равный годами звездам и кебу, должен был знать и назвать его без запинки! Не сказал, потому что во мне жила моя тупость, мое старческое одряхление моего ума и моих мыслей.

Глянул на третье слово, какое давало ответ на последнюю, седьмую букву. Слово это спрашивало: «Какофония криков». Ну, думал, тут проще пареной репы. Слово из пяти букв, какое может означать только «голос». Записал по горизонтали, «голос» уложился в пять букв, а по вертикали слово укладывалось в восемь букв и оканчивалось на «А». Показал свое изобретение жене, какая посмотрела на слово слева и справа, сверху и снизу и сказала:

- Отстаешь от жизни, Темирбай! Слово будет «гвалт». И по горизонтали и по вертикали выпадает буква «А» при слове «аванложа», о чем и спрашивал кроссворд о театральном кресле...

Утруждать себя дальше кроссвордами не стал - не мое это дело к не мой это профиль. У женки голова работает похлеще моей, потому ей и под силу эти самые кроссворды. Мне же не иначе как надо нажимать на то, что будит меня даже среди ночи — на стихи, из каких я уже состряпал рукописный сборник «Мои агадырские зори», какой пока блуждал в издательском доме.

Как состряпают эту книгу и остальные две, представления не имею. А хотелось бы увидеть их сейчас, сегодня или завтра, но из издательского дома пока никаких известий, что заставило думать: дело с книгами непростое... Ведь мой машинописный материал надо вычитать, перепечатать, наверно, на крупный шрифт и потом уже отправлять в типографию. Это я так думаю, тогда как на деле, возможно, нужны и другие операции. Наверно, должны быть какие-то художники, чтобы обложку сделать красивой и привлекательной. А как быть с моей личной фотографией, фотографией

моей Гульчатай, нашего сына и наших внуков? Они приложены ко всем трем книгам, какие надо выбрать на выбор. Как это делается, не представляю, но книги с фотографиями лично видел, держал в руках и обозревал всех их, просто любуюсь ими.

Подумывал: три книги в мои семьдесят пять - невелика заслуга. Но Лермонтов в двадцать семь, а какие выдал шедевры! «Герой нашего времени», «Мцыри», «Демон», «Кавказский пленник», «Исповедь», «Песня про царя Ивана Васильевича...», «Сашка», «Хаджи Абрек». Всего не перечислить. Это хорошо известные двадцать поэм. А сколько у него обычных стихотворений? Да не каких-то там прогулочных, а таких, как «Смерть поэта», за какое поэт попал в каталажку, где его и навестил Белинский, сказавший, что Пушкин умер, но он оставил миру хорошего наследника. Мир стихотворения Лермонтова знал, знает и теперь. Уж где, а в школах старшеклассники о Лермонтове знают все и даже сдают по нему экзамены. В мою бытность такое бывало сплошь и рядом, а теперь - не имею представления. Незнаю, изучают ли Пушкина, Тургенева, Гончарова, Щедрина, Некрасова, Толстого да Чехова, только в мои годы школы ими жили. Жили мы, правда и Горьким, и Маяковским, и Есениным, и Блоком. Они подпитывали своих потомков своей энергией, своими мыслями о своем настоящем и о будущем, какое должно быть светлым и радостным.

Со своей старческой сноровкой я налегал больше на Лермонтова и Есенина, пролистывал и Пушкина. Из моих ровесников, кто жил и творил в мои годы, увлекался Твардовским, Гамзатовым, Исаковским, на стихи какого складывались песни, какие всегда трогали мою старческую душу. Слушая песни на стихи Исаковского, спрашивал себя: а ты, прореха на человечестве, можешь ли выдать нечто подобное или что-то близкое к песне?

По телевидению прозвучала песня коллектива Бабкиной:

Ой, гармошка, выручай,
Ой, какие сложности,
Полюбила невзначай,
Вышло по серьезности...

Ах, какая прелесть, какое живое творчество, какая живая человеческая сила! Неужто я не смогу махнуть на что-то подобное? Думал, кумекал, сообрахсал... А что, если я продолжу песню на том же уровне и в том же ракурсе, но только на мои слова? Пусть будет тот же размер и тот же стиль.

Как будет выглядеть песня, но уже с моими словами? И вот что у меня получилось:

Ой, гармошка, жару дай,
Как было по старинке,
Всех веселых приглашай
К нам на вечеринку.
Разверни, гармонь, меха,
Услади нас песнею,
Приглашай в круг жениха,
Да с красой-невестою.
Ах, гармошка, не скупись
Нотками веселыми,
Ну-ка, круг наш расступись,
Дай нам пляски новые.
Выходи на общий круг
Парочка влюбленная,
Вас поддержит общий друг,
Песня окрыленная.
Ах, играй, играй, гармонь,
Радуй нас и осень,
Всколыхни ты нашу кровь,
О чем мы тебя просим.
Ой, гармошка, выручай,
Агадырцы просят,
Свои песни не кончай,
Они их в сердце носят.

На баяне, каким я увлекаюсь как бы не все лет шестьдесят пять, проиграл всю песню и сам же ее пропел, когда Гульчатай моя где-то была по своим магазинным делам. Прослушал - что-то в этой песне было. От родных ее слов она в корне отличалась, но подумал: в моей песне тоже есть какая-то жизнь. Подумывал: а почему бы эту новую песню не предложить нашим солистам в нашем ветеранском ансамбле «Сударушка», который состоит из сплошных пенсионеров? В ансамбле есть такие боевые и голосистые бабки, которые могут дать фору самой Марии Мордасовой.

Пока такое предложение «Сударушке» не делал. То, что я балуюсь сти-

хами, в «Сударушке» знают, но не знают, что я сотворил целых три книги. То известно только мне и моей Гульчатай. Вот когда книги выйдут в свет, живыми я подарю их в «Сударушке» всем, каких насчитывается в круглую десятку. Насчет же того, чтобы спеть песню с агадырской сцены — забота не моя, а руководителя ансамбля, в каком я числюсь ведущим баянистом. «Сударушке» уже как бы не круглый десяток. За эти годы она не раз выступала в своем районном центре. У себя в Агадыре «Сударушка» - признанный коллектив, без какого не обходится ни один праздничный концерт.

Участники «Сударушки» готовят свою программу, какая зрителем всегда принимается душевно. В «Сударушке» есть свои певцы и певицы, какие откалывают настоящий класс. Есть и любители читать стихи, какие со сцены уже не раз читались. Что удивительно, читались именно мои стихи, но публика не слышала имя автора, поскольку я о том всегда просил нашего руководителя. Зал стихи принимал, аплодировал и по-своему отдавал свою дань ансамблю.

Руководителю «Сударушки» нравилось подобное инкогнито, а я и во все старался писать стихи, в каких прославлял свой Агадырь и его народ. Такие стихи у меня были. Агадырская публика стихи о себе воспринимала торжественно и не спрашивала имени автора, как не спрашивала она и авторов песни «Агадырский вальс», какой звучал как бы не на каждом концерте. Говорили, что музыку и слова написали алматинские авторы, но кто - имен не называли. Во всяком случае, я до сих пор не знаю, кто такой был смелый с этой самой песней.

Свою «Играй, гармонь» показал руководителю «Сударушки», он ее прочел. Я почесал свой затылок и, будто советуясь с ним, сказал:

- На мой взгляд, вэри гуд. Можно приготовить к женскому празднику и предложить спеть дуэтом Лиле и Кадише. Их всегда душевно принимают: одну, наверно, как Шеврину, а другую - как Розу Рымбаеву.

- Ну, зритель у нас нынче подкованный. Он видит в песне наш день и нашу жизнь. Песни, особенно старой поры, меня лично радуют безумно. Может, потому что я старик?

- А я молодой, что ли? Такой же дед во сто шуб одет.

- Я так больше люблю песни на слова Исаковского, какие в российских хорах, таких как Пятницкий, Воронежский, Уральский, Северный, Пензенский, Волжский, Сибирский, Рязанский, исполняются не в сопро-

вождении оркестра, а баянов и легких инструментов. У баяна-гармони, на мой пещерный взгляд, какое-то особое звучание. Взять рояль, скрипку, гитару, домбру, балалайку, ударные, да те же духовые - не то звучание, не тот колорит. У баяна с гармонью какая-то своя полифония, характерная для русских народных песен особенно. Особенности этой полифонии связаны с эволюцией гармонии, тональностью, а так же додекафонией и другими иидами композиционной и композиторской техники.

- Ну, дорогой, этот музыкальный доклад ты можешь сделать в нашей музыкальной школе, а у нас важно сделать, чтобы песня дошла до слушателя. Мы вот с тобой сопровождаем наши концерты в два баяна, и народ доволен. На гитары да домбры он не так внимателен, когда выступают другие любители сцены, а к «Сударушке» наш агадырский зритель даже по-своему прикипел. Участники самодеятельности самого клуба — босвой артистический народ, а вот нашу самодеятельность, состоящую из сплошных пенсионеров, всегда принимают на «ура». Не потому, думаю, что зритель отдает свою дань, как и должно отдавать старикам, а потому как в наших песнях живая жизнь, какая была в частушках той же Марий Мордасовой из Воронежского хора.

- А мы, к сожалению, частушек вообще не поем, хотя следовало бы. Частушка - это же живое воплощение души, всплеск эмоций, это прорыв народной поэзии. Не знаю, почему мир нынче не практикует частушки, как практиковала их Мордасова. В любой частушке - живой человек, его душа, его мысли. Ну вот хотя бы такая:

Меня маменька ругает,
Что я много хлеба ем,
После Пасхи скрою глазки,
Больше вам не надоем.

Или вот эту:

Я иду, иду, иду,
Стану да и думаю:
У него четыре дурь,
А я пята, думаю.

В частушке действительно сохранен народный дух. Я, к примеру, не знаю поэтов-частушечников, какие бы специализировались исключительно на частушках. Таковых, наверно, в миру нет. Частушка обычно

рождается сама собой у той же доярки, поварихи, у той же ткачихи и той же домохозяйки. В частушке много простоты и много человеческой души.

- Ну, это уже теория, на что ты, друг мой, довольно падок. Я вот обдумываю: как бы нам со сцены ударить частушечные напевы в сопровождении наших с тобой баянов? А к частушкам можно привлечь сразу двух частушечников - двух женщин или женщину и мужчину. Большие российские сцены это практикуют. Как ты лично смотришь на сие изобретение?

- Смотрю, Алексей Петрович, абсолютно трезво. Частушка как живое воплощение души хорошо воспринимается залом, а значит, народом.

- Но где их взять на целый концерт? Прежде всего, их надо где-то отыскать, какие-то вспомнить, скомпоновать, выбрать стоящее без завихрений. какие в миру тоже существуют, вроде вот этой:

Дети в озере купались
И поймали рака.
Целый день они искали,
Где у рака сра...

Понятно, о чем речь. В хорошем застолье приходилось слышать нечто подобное...

А дома я подумывал, что бы мне еще сообразить насчет лирических песен сродни тем, что у Исаковского. По телевидению что-то прозвучало о цветущей черемухе, какая чуть ли не в каждом дворе радовало людей своей красотой и цветом. В моем поселке у частных домов и впрямь весною зацветали черемуха и сирень с прочей растительностью. В эту весну прошелся я по поселку и видел первую живую зелень, какая и надиктовала мне поэтическую мысль:

На Абая улице расцвела черемуха,
А на Кыздарбекова расцвела сирень,
К вечеру в поселке поутихли шорохи,
Не шумят деревья и не скрипнет дверь.
От трудов поселок в тишине покоится,
Машины свое место в гаражах нашли,
Солнце за горою к горизонту клонится,
Только молодые по улицам пошли.
У молодых, конечно, и сердце молодое,
Им покой и отдых вовсе не нужны,

У них сердце просто трепетно-живое,
Какому поцелуи да любовь важны.
А в закат вечерний молодежь встречается,
Это их природа и жизненный процесс,
Оттого, наверно, и жизнь не кончается,
В том есть ее сила и вечный интерес.
В Агадыре и правда зацвела черемуха,
Распустилась тут же и белая сирень,
Ау кого-то желтые красились подсолнухи...
Это наша жизнь и наш новый день.

На другой день показал свое поэтическое изобретение руководителю «Сударушки» и спросил, нельзя ли его просто-напросто прочесть со сцены, так же не называя автора.

— Это ты лично состряпал этот шедевр?

— Что я, совсем, что ли, Ванька с пивзавода!

— Ну, Ванька вряд ли удоежится состряпать такую съедобную вещь...

— Не надо столь оптимистично и возвышенно, Алексей Петрович. Среди нашего брата есть такие Ваньки, какие могут засунуть за пояс самого Есенина. Услышал по планшету жены, в каком расцветали черемуха и сирень, но на разных улицах какого-то городка, и ударил свою сирень и свою черемуху, только на наших поселковых улицах. Думаю, что эту песню можно даже пропеть со сцены.

— А где музыку взять?

— Так по планшету была и музыка, и я ее тут же схватил на баяне. Вроде неплохо у меня получалось. Если мы ударим в два баяна, песня агадырцам должна будет понравиться.

— Надо как-то нам сесть и прорепетировать...

— Условие останется прежним — не называть автора слов. Мы придерживаемся этого условия не один год, и это придает мне какие-то силы.

- Я же свое слово, товарищ автор, держу. О твоих стихах, что мы читали со сцены, никто не знает по сию пору. А назови подлинного автора — неведомо, как люди станут относиться к тебе. Появится к тебе здоровый, простой человеческий интерес, а это лишнее внимание, лишние вопросы, а это будет отвлекать тебя от твоих стихов, от творческой работы. Ну и от баяна, с каким тоже надо посидеть.

— Спасибо, Алексей Петрович. Думаю, что у тебя все правильно поставлено. Для творческой работы мне и впрямь нужен покой и никакого внимания ко мне. Когда тобою интересуются и донимают вопросами, человек расслабляется, и слово его точно не тянется к перу, а перо - к бумаге...

Больше на эту тему мы с Петровичем не говорили, и я оставался один на один со своими пенатами и в своей писанине. В конце 2013-го позвонили из «Классика», я поехал и забрал то, что этот издательский дом сотворил с моими книгами. Удивился: книги выглядели как игрушки, довольно эффектно и красочно, какими я просто любовался. Целую неделю читал их и выискивал, что редакция могла сократить, вычеркнуть, а то и вовсе поставить крест.

Удивительно, все мое было в целости, ничего не выбросили ни из стихов, ни из прозы. Подумал: котелок у меня варит? Если бы не варил, редакция нашла бы, к чему придраться, но мне ничего антипартийного не предъявляли и вручили все три мои книги с машинописными черновиками. Сверял их с чистовым книжным набором, все было в норме. Подумал: может, редакция их не читала, а просто пробежалась, не найдя ничего антипартийного? Деньги получила, книги тиснула по двадцать экземпляров каждую, вручила их автору, а там он пусть кувыркается с ними. Ни один человек на земле об этих книгах не знает, не говоря о государстве. Коль государство не знает, это уже плюс автору, государству и той же редакции...

За неделю книги я протудировал и начал потихоньку их раздавать. Все три отнес в местную библиотеку, сделав на каждой из них дарственную запись. Библиотекариша книги приняла, поблагодарила и сказала, что будет настойчиво предлагать своим читателям. Она будет говорить, что у нас в поселке появился свой писатель и поэт, какой живет рядом с нами, ходит по нашим улицам, ходит в наш клуб, где вместе в «Сударушкой» дает праздничные концерты.

Не знаю, как шли дела в библиотеке, только мои друзья по «Сударушке» книгам удивились и остались крайне удовлетворенными. О том, что я что-то шарю в литературном процессе, в ансамбле знали, но не представляли, что в таком обширном пушкинском процессе. Чувствовал: беседовали и шушукались именно обо мне, но главное, что не донимали меня вопросами...

В целом, какие вопросы на первых порах? Придет время, что-то прочитают, чем-то увлекутся, а там, может, и возникнут у них вопросы - как, где и почему в героях моих книг, чего я боюсь больше всего. Комментировать своего героя у меня не хватит духу. Лучше, если каждый останется при своем мнении. Не хочу я уподобляться тому же Жан-Жаку Руссо, какой просто мечтал, чтобы многочисленный читатель обязательно прочел его "Исповедь". А коль он прочтет, то сделает вывод, что автор не такой человек, как все, какие его окружают повсеместно. Сам о себе Руссо прямо говорил, что он другой, он какой-то особенный, вынужденный во всеуслышание гласно заявить: «Если я не лучше других, то, по крайней мере, не такой, как они». Надо умудриться сказать такое, что Руссо сделал триста лет назад.

2014-ый, 2015-ый и 2016-ый годы творчески я трудился в поте лица, не влезая из-за журнального столика ни днем, ни ночью. На мои ночные завихрения Гульчатай моя уже не обращала внимания и говорила, что раненный человек - он и в Африке раненный, что с него возьмешь? Я молча глотал ее горькую пилюлю и продолжал срывать с постели даже среди ночи лунной.

Почему ночью голова работала лучше, чем днем, я не представлял, но жизнь преподносила свои сюрпризы. Ночью я писал, а днем откладывал писанину на машинке. Бывало, писал и днем, но печатал только в день-деньской, чтобы не будить ни свою Гульчатай, ни соседей слева и справа через стенку и снизу, где жила экспансивная бабка со своей незамужней дочерью пятидесяти лет. Ее я боялся больше всего, потому как она, по ее словам, слышала от нас даже шорохи. Шорохи эти исходили не иначе как от меня во время, когда я делал утреннюю разминку под телевидение, где так же люди занимались по утрам зарядкой.

А время все равно неумолимо бежало. Минул как бы месяц, когда я раздал моим друзьям мои книги, какие можно было прочесть и где-то автору даже пожать руку. Не сделали этого ни одна женщина и ни один мужчина, не сделал этого и Алексей Петрович. От него я ожидал благодарственного слова прежде всего, но его не было.

Подумывал: Петровичу в декабре 2017-го стукнет восемьдесят восемь годков, а это все-таки почти на целый десяток более моего. Не знаю, может, в эти годы и правда не тянет к книгам и какому-то серьезному чте-

нию? Меня так отчего-то тянет, как ишака бухарского к ишачке, а другие, скорее всего, воздерживаются, сохраняя зрение свое и время. Подумывал: Петровичу бы надо пожертвовать каким-то временем, чтобы прочесть хотя бы только мой роман «Годы Орлиные». Пока была тишина, и сколько она продлится, я не представлял. Ладно, на стихи можно начхать, а с романом я как-то бы да подружился...

Если посудить откровенно, каждому автору хочется, чтобы его читали. Он ведь и идет на всяческие лишения, только бы его книги вышли в свет. А кто в этом свете? Да мы же сами! Прочесть самого себя приятно, но ведь, черт возьми, хочется, чтобы прочла тебя и бабка, что внизу, и соседи, что слева и справа через стенку. Но я им книг не давал и не дам, поскольку их у меня просто не осталось. Вот если кого-то из них занесет в библиотеку, то пожалуйста, читайте своего земляка и соседа и знайте, какой человек живет рядом с вами, общается, здороваётся, ходит с сумкой в магазин и что-то оттуда приносит.

Были же когда-то на земле и Пушкин, и Лермонтов, и Есенин, какие тоже жили в окружении друзей и родни и так же ходили по улицам и встречались с друзьями и знакомыми, каким было приятно видеть такие классические фигуры, прославившие Россию и ее народ. Я прославил только свою агадырскую братву и всех агадырских людей, какие мне были дороги, поскольку топал с ними по одним и тем же улицам и переулкам целых шестьдесят лет. Это как раз и отразилось в моем романе и стихах.

ГЛАВА 6

За три последующих года после 2013-го я наработал еще четыре книги, перечитал их несколько раз - не столько для себя, сколько для читателя. Чем я могу удивить его на этот раз? «Судьбы натянутая нить» была задумана как небольшая беглая повесть, но три года работы над нею втянули в нее большую ораву разных героев, какие потянули на новый роман. На обложке же я оставил надпись «Повесть», а что придумает редакция, не ведаю. Поставит слово «Повесть» - пусть останется «Повесть», а если размахнется на роман, то это и вовсе мне лишний плюс.

В комментирующих редакционных строках говорилось: «Содержание повести Николая Слепцова тесно переплетено с тем, что из века в век принято называть непреложными ценностями - святостью родственных уз, стремлением прийти на помощь ближнему, готовность пожертвовать личными интересами ради тех, кто близок уму и дорог сердцу. Автор далек от того, чтобы упиваться величиим собственного духа, однако само название прозведения отражает его позицию: жизнь каждого человека - это натянутая нить, и лишь от него зависит, не оборвется ли она раньше уготованного судьбой срока».

Ну, читать о себе такое возвышенное послание наверняка удастся не каждому автору. А я, по сути, не какой-то там признанный писатель, а всего лишь первопробник, который в свои семьдесят пять родил три книги, а в оставшиеся - еще четыре. После «Судьбы» в 2015-ом выдал на-гора сборник стихов «Жизнь на ладони» в 160 страниц. Редакционный комментарий меня вновь удивил: «Эта книга-размышление, книга-откровение, книга-напутствие. 78-летний автор перелистывает страницы своей непростой жизни, обращается к трудовым будням в локомотивном депо Агадырь, какому отдано сорок лет жизни. Работа приносила уважение земляков и удовлетворение, однако душа автора рвалась к иным высотам - литературным. В этой книге наш автор с легкой самоиронией анализирует свое творчество, восхищается творчеством казахстанских поэтов и прозаиков, чьи произведения он читает в республиканских журналах «Нива» и «Простор». Жизнь же показывает, что Николай Андреевич Слепцов тоже умеет работать на большом литературном поле, о чем и говорят все восемь выпущенных нашей редакцией книг, какие, по словам автора, не последние. Что ж, поживем - увидим, а пока мы поздравляем автора с первыми восемью книгами, какие должны принести автору не только агадырскую известность».

От этих слов у меня и впрямь выросли крылья, как и от редакционной аннотации к роману «Жизнь моя забубенная». Редакционная аннотация на этот раз гласила следующее: «Книга агадырского писателя Николая Слепцова повествует о том славном поколении людей, которым выпала честь поднимать целину и строить казахстанские поселки и города. Главный герой повествования Кузьма вырос безотцовщиной - его батька- танкист погиб на фронте. Рано познав цену хлеба, мальчишка бросил учебу и

стал помогать матери-комбайнеру. Однако он вскоре понял, что целина и хлеб - не его судьба, он должен выбрать себе другой путь. Как и другие произведения нашего старого автора, эта книга заставляет задуматься над тем, что такое настоящая мужская дружба, честь и достоинство человека. Нравнодушный читатель увидит примеры того, как легкомысленное отношение к учебе, к спутнице жизни, пагубные пристрастия делают человека глубоко несчастным. Меняются времена и обстоятельства, но всегда в цене оставалась честность, порядочность, трудолюбие».

Седьмой книгой явилась 190-страничная подборка стихов «Жизнь ты, жизнь...». Не удержусь от щедрых редакционных аннотаций и к этому сборнику, какие предпослал издательский дом «Классик»: «Эта седьмая книга нашего известного автора Николая Слепцова - поэта и писателя, проживающего в поселке Агадырь Карагандинской области. В книгу вошли прозаические и стихотворные страницы, в которых отражена жизнь автора, его размышления о времени, людях, творчестве. В 2013 году автор воплотил мечту своей жизни - издал стихотворный сборник «Зори агадырские», роман «Годы Орлиные» и сборник очерков «Пестрые письма». Вдохновленный этими событиями, он в том же 2013-ом переработал, переосмыслил и подготовил к печати еще ряд стихотворных и прозаических произведений, а также написал новые. Для почти 79-летнего автора 2013 год стал поистине плодотворным, что и отражено в этой книге».

Не ведаю, что там «отражено в этой книге», только на роман «Жизнь моя забубенная» я выложился до конца и почувствовал, что на нечто другое меня просто не хватит. Однако дни бежали, бежали и мои годы. В 2017-ом так приехал сын из своего Алтая, и мы по-домашнему, без шума и гама 7 марта отметили мое восьмидесятилетие. К шампанскому я не прикасался, а выпили мы с сыном по стопке пятизвездочного коньяка «Казахстанский». На шампанское налегала наша мамаша Гульчатай, пригубливая из своего стакана не более как из приличия. Восемьдесят - это все-таки годы, какие не грех отметить рюмкой.

- Наше время ушло, друзья мои, нам остается теперь налегать больше на квас, начай дана компот. Говорят, у кумыса тоже есть какие-то градусы, но я его отродясь не пробовала. Очень полезный, говорят, напиток...

После проводов сына на его Алтай стал перебирать всю писанину, какую я наворочал за 2016-2017-ые годы. И в 2016-ом, и в следующем за ним

аеро мое не молчало. В июне смотался в Караганду, в знакомый мне издательский дом и предложил им еще четыре книги. Одна из них называлась " Мои дороги". Это были исторические, если так сказать, воспоминания о моих снабженческих дорогах, которые приходилось мне совершать за двадцать пять лет моей работы в отделе снабжения. Следующей книгой оказался стихотворный набор под названием «Мой причал».

Мне казалось, что со стихами я завязал, считая, что в восемьдесят поэтов уже не бывает. Они больше налегают на прозу, в какую вкладываются их воспоминания о прошедшей жизни. Нечто подобное написал и я, дав название своей новой книге - «Жизни моей колесница». Перед самым отъездом поставил точку, наверное, в последнем моем поэтическом сборнике «Моя поэтическая осень».

С таким багажом меня и приняли в редакции издательства. Светлана Владимировна несказанно обрадовалась и удивленно заметила:

- Завидую вашей творческой предприимчивости! Это и правильно. Когда ум работает, значит, человек живет, действует, мыслит. Ваши годы вас не гнут, не прижимают к креслу и к телевизору, что у пенсионеров ваших лет наблюдается часто. Книги ваши мы принимаем и будем работать с ними не менее как весь 2017 год, а то придется прихватить и 2018-ый. Все-таки тут целых пять книг, и надо сделать их такими, чтобы они не были похожими на прежние восемь...

Я поблагодарил редактора издательского дома «Классик» и возвратился в свой Агадырь. Подумал: эти пять книг выйдут наверняка в 2018-ом, когда я уже целый год буду шагать по своему девяностолетию. Хотелось бы дотянуть, дотянуть до выхода в свет этих пять моих наверняка последних книг, какие я, как и прежние, заказал по двадцать экземпляров каждая. Как положено, по одной снесу в библиотеку, остальные раздам родне и друзьям. Родня, наверное, хоть как-то да читает меня, а прочий народ - пусть будет на их совести.

По моим прикидкам, друзья мои книги только лишь пролистывают. Углубляться в чтение - это надо иметь терпение и сноровку, а где оно у стариков? Друзья-то у меня сплошь старики, такие же долбанные пенсионеры, как и я, каких усадить за книгу не могут уже никакие живые силы. Себя я, конечно, исключаю, потому как книгами живу, своими и чужими. Они, на мой взгляд, и подпитывают меня творческой деятельностью.

Я почитаваю того же Лермонтова и того же Есенина, а Исаковского так сделал своей настольной книгой.

На деле в последнее время меня просто тянет ударить нечто песенное. Не сказал бы, что песни легче и проще писать. Об этом, кажется, говорил и сам Исаковский. Ну, сделать вещь наподобие «Выходила на берег Катюша» я вряд ли смогу, когда мне стукнет и моя девяностая весна. Писать песни - это надо иметь талант, а его у меня просто нет.

Разозлившись на свою бездарность, уже в середине августа родил подобие песни, какая выглядеть у меня стала вот таким образом:

В нашем поселке огни не погашены,
Что и заметил поэт,
Окна повсюду цветами украшены,
Чего у других просто нет.
В нашем поселке эпоха такая -
Люди к гармонии идут,
Песней хорошей себя согревая,
Тихо до зорьки поют.
А на заре так влюбленно расходятся,
Когда уж поют петухи
И у хозяек коровушки доятся,
А кто-то слагает стихи.
В поселке с зарею народ просыпается
И на работу спешит,
Трудности все там ему покоряются,
В нем пламя любви и души.
А вечерами гармони скликают,
Все тот же у них перезвон,
Только с зарею гармони смолкают -
Таков здесь извечный закон.
Поселок у нас - наша жизнь и счастье,
Раскинулся он во всю ширь,
Пусть обойдут все земные ненастья
Наш дорогой Агадырь.

Свой новый опус я показал Алексею Петровичу прямо у него дома. Жил Алексей Петрович лет двенадцать один, схоронив жену в южной сто-

лице, где она лечилась и жила у дочерей. О другой женитьбе Петрович не помышлял, говоря, что предать свою жену он себе не позволит никогда. Он не предавал ее прежние сорок лет, когда они были вместе, не предаст и теперь.

Песня, по мнению Петровича, выглядела классно, художественно и напевно, ее можно рискнуть ударить со сцены в любой ближайший концерт. Музыку, какую я проиграл на баяне, он слышал, она не нова, как не нова и первая строчка песни.

- Недаром же ты оговариваешься, что и заметил поэт. А дальше ничего похожего со старой песней. У тебя абсолютно все свое, кроме первой строки. Думаю, мы ударим эту песню в начале августа, когда Агадырь будет отмечать свое первое пока восьмидесятилетие. Смотри, как народ трудится, как красятся заборы, оградки, бордюры, асфальтируются выбоины наших улиц! Видно, как в поселке все на стремени, что-то где-то штукатуруется, подбеливается, подкрашивается.

- Восемьдесят, Петрович, это не так уж и мало не только для человека, но и для города.

- Оно и правда. Я в Агадыре так уже целых шестьдесят пять лет. Я помню, каким он был и каким стал, разница разительная!

- Да и я подтягиваю до шестидесяти. Удивительное было время - бедное, но не голодное. Уж чего-чего, а питания в магазинах хватало на выбор. Насчет одежды было слабо: то ли наши фабрики только строились, а старые не успевали нам строчить костюмы, свитера, кофты, платья, блузки да изысканную обувь, то ли просто не хватало материала для работы. Бывало, что ходили даже в каких-то опорках. Хрущев так ударился в целину, башмаки и костюмы ему были до фени. Более-менее начал прибарахляться Брежнев, но мы уже вышли из того возраста, когда хотелось покрасоваться, помолодиться да помодничать перед красавицами. У нас уже были семьи, дети, и мы думали только о работе и о зарплате. Брежнев мало чего бросил на карту роскоши, а вот медалей он не жалел никому. Не забывал и себя, обвесившись ими от плеча до пупа.

- Да, было время... Брежнев так умудрил даже загубить наших солдат в Афганистане, и ничего ему не списали. Нам Афганистан нужен был как зайцу вытрезвитель, а он все равно гнал туда наших солдат. Якобы ради помощи и ради дружбы была оказана интернациональная помощь.

- Пусть в том разбирается история, а нам важно на юбилейном вечере поселка прогнать нашу песню. Удастся ли нам это сделать?

- Кто знает! Ведь кроме нас есть еще генеральные работники клуба, какие следят за всеми программами и контролируют их. Мало ли что в песне можно наговорить, это же жизнь...

Так и живем с Петровичем ожиданием этого самого поселкового юбилея. Не знаю, как он, а я так постоянно на взводе. Вот хочется мне эту песню спихнуть на агардырцев! Пусть не знают, кто ее автор, но песня-то об Агадыре, а там пусть гадают, кто да что. Подумают, коллектив «Сударушки» мог сам сработать эту песню, потому как там половина коллектива с высшим образованием. Могли сработать эту песню коллективно, такое уже бывало в российских музыкальных коллективах, скажем, в новосибирском ансамбле «Веселуха». Ах, какие там звучат песни, столько в них лирики, столько жизни! Кстати, «Расцвела черемуха» тоже взято оттуда. Правда, в их лесне она цвела на их улицах, а я сделал их на конкретных агадырских, из каких центральная тянется до самого депо. Автобусники говорят, что это расстояние укладывается как бы не во все шесть километров.

Как бы ни было, а черемуха действительно цвела на улице Абая, что я и подметил в своей песне. А улица Кыздарбекова - так это лично моя улица, на какой живу я, моя Гульчатай, наша родня и наши знакомые. Она параллельна улице Абая, но много короче, на ней много садов и деревьев, какие по весне так украшают улицу, ее дома и людей в них.

Вспоминаю: в мае 2017-го пробежался по Караганде и заглянул в «Классик», где мне вручили восьмую мою книгу «Мой причал». Была это поэма в сотню страниц, какая отняла у меня немало дней и ночей. Редакция так в своей аннотации заметила: «Мой причал» - в названии этой поэмы, вышедшей из-под пера известного агадырского автора Николая Слепцова, заложен глубокий смысл. На страницах произведения автор отводит себе роль голоса жизненного опыта, делясь с читателем своими взглядами на окружающую действительность, высказывая точку зрения касаясь самых разных вопросов — политики, искусства, общественного уклада, моральных и нравственных ценностей... В чем-то с Николаем Андреевичем можно не согласиться, а в чем-то и поспорить, но главное все же заключается в другом: автор абсолютно уверен, что краше и милее его родного Агадыря нет места на земле. Это и есть его причал...».

М моем предисловии «От автора к читателю», помещенном в этой книге, я писал: «Именно так обратился к своим читателям автор романа «Петербургские трущобы» Всеволод Крестовский, живший и творивший в XIX неке. О поэме «Мой причал» я задумался только в 2016-ом, и то лишь в феврале, за месяц до моего 79-летия. Подумал: семьдесят девять - это все-таки крепкие годы, до каких нынче в атомный и космический век, в век воздушного пространства, в каком мы живем и каким дышим, прожить такие длинные годы непросто».

И правда, мои друзья по прежней работе, мои ровесники, а то и вовсе мужики моложе меня отчего-то потихоньку копытятся, не предупреждая о своих хворах и каких-то болезнях. Ни на что мои друзья не жаловались, а как-то тихо засыпали и не просыпались. То ли такой век наступил, то ли атомный энергетический процесс влияет, то ли какие-то космические пертурбации происходят, какие и отнимают человеческую жизнь. Один мужик так и вовсе на «дембеле» протянул всего-то два года и заснул прямо на дване перед телевизором, какой что-то показывал и что-то глаголил. Жена хлопотала на кухне, готовя какую-то похлебку, принесла что надо, пригласила мужа к столу, а он продолжал сидеть в мирной позе. Жена пошла к нему, а он уже начал стынуть...

Другие друзья и знакомые по поселку также уходили из жизни тихо, будто крадучись. Все эти случаи, видно, и заставили меня задумать «Мой причал». Подумал: надо спешить, иначе увезу с собой невысказанные мысли.

Что я хотел сказать «Моим причалом»? В мой нынешний Агадырь я был заброшен по направлению после окончания Акмолинского железнодорожного училища. В то время железная дорога только-только начала переходить на тепловозную тягу, а училище и готовило из нас тепловозников. Так вот, в Агадыре я уже шестьдесят лет, поскольку не влекут меня никакие чужие города ни в Казахстане, ни где-то еще в мире. Агадырь остался моим причалом до конца моих дней.

Как бы ни было, а жизнь идет. Я ее вижу, ощущаю, я в ней живу и чувствую, что она диктует мне как-то описать эту жизнь. По-моему, я это сделал во всех моих книгах, и особенно в последней - «Жизни моей колесница». Хотелось бы мне встретиться с этой книгой и с моими читателями.

Как будут выглядеть мои последние пять книг, не представляю. Какие

мысли у издательства и у типографии «Арко», тоже не ведаю, но мои мысли настроены на то, чтобы эти книги выглядели не хуже прежних.

Я не стал спрашивать Светлану Владимировну, приглянулись ли ей «Мои дороги», «С миру по нитке», «Моя поэтическая осень». Чтобы их прочесть, нужна уйма времени. А где оно, тем более у редактора, у какого таких пишущих, как я, уж точно не один и не два? Не знаю, кто они такие, но знаю, что таковые в нашей области есть. Подумаешь, в Агадыре затерялся какой-то Есенин в миниатюре! Что, их нет в Темиртау, в Абае, в Шахтинске, в Балхаше, в Жезказгане, Каражале, Сатпаеве? Да в Темиртау творит журналист Елена Лакно, в Жезказгане — свой журналистский лев Валентин Шипунов. Не верю, что они не ударяют по стихам и прозаическим выкладкам.

Пишущему человеку всегда хочется выговориться, поделиться мнением о времени и о себе, о настоящем и будущем человечества и своей страны. У пишущего человека натура такая - излить душу. Я вот излил ее в тринадцать своих книг, из каких только восемь известны малому агадырскому читателю. Пусть прочтут меня только десять-пятнадцать читателей, это уже достижение.

Пока, как я вижу, прочел только я и моя Гульчатай. Ну, нам так сам Бог велел, а прочий народ вряд ли заставишь. Многие сейчас увлекаются Интернетом, а он отвлекает от всего на свете. Есть такие его поклонники, каких и правда медом не корми. Об этом открыто говорит телевидение, пишут о том и в газетах. Видно, наступил такой век, когда нужно живое общение с человеком. Интернет и вся современная технология общения и связи как раз и позволяют делать это беспрепятственно. А книга - чего она? Слова, простые мертвые слова и мысль на расстоянии.

Времена Пушкина, Лермонтова, «Современника» и «Библиотеки для чтения» и прочих журналов тех лет, а теперь и нынешних, канули в Лету. Теперь главенствует Интернет, планшеты, мобильные телефоны, смартфоны и прочая современность, которая дает человеку беспрепятственно общаться за тысячи и тысячи верст, когда люди находятся даже на разных континентах. Австралиец может говорить с Лондоном и видеть собеседника по планшету или ноутбуку, как это могут сделать и японец с москвичом. Нынешнему времени и нынешним ученым, предложившим такое изобретение, человечество должно поклониться, а то и поставить памятник. Наши потомки наверняка это примут, оценят и по-своему отблагодарят.

ГЛАВА 7

Комментировать свои последние пять книг не собираюсь, пусть сделают это редакторы, какие поступали подобным образом с прежними моими восемью. В издательском доме «Классик» асы с настоящей журналистской душой. Кроме того, классические журналисты, они к тому же знатоки жизни и литературы. Чтобы прокомментировать восемь моих книг, надо прежде всего их прочесть, а потом уже делать это классно, красиво, душевно, грамотно, с видением и прозорливостью Белинского, за что я просто становлюсь перед ними на колени.

Конечно, я старый человек и мыслить, какони, аналитически вряд ли умею, и потому мне приятно читать их отзывы о моих виршах и прозаических вещах. Мне вообще приятно видеть и большую работу с авторами, их аналитическое видение души автора, направленности его мысли, знание им человеческой жизни в прошлом и в наступившем веке. Из комментариев моих восьми книг я получаюсь настоящим писателем и поэтом. За пять лет сработать тринадцать книг - да где это видано, где это слыхано? Это же настоящий творческий подвиг, это безумный разбег по литературному полю, на какой способны только люди с душой Лермонтова. Но я-то, слава Богу, дед во сто шуб одет, и до головы Лермонтова мне что свинье до неба.

Пока мои пять книг в работе, новых замыслов нет. По-моему, о своей жизни я сказал все. Сказал все о своей семье и о моей Гульчатай, которая давно меня просит завязывать с писаниной. Все равно, по ее мнению, я не стану ни Лермонтовым, ни Есениным, ни Исаковским, а вот простым агадырским бумагомарателем я уже числюсь.

- Что «Классик» тебя тискает, это просто его обязанность, его работа. Ну, тиснул он тебя, вручил тебе твои книги, но о том не ведает ни один человек в Казахстане, ни местное, ни областное, ни государственное начальство, какое на твои «Агадырские зори» только бы кинуло взгляд, а чтобы прочитать и чем-то восхититься - мелкая сошка, им до лампочки. А вот республиканское издательство «Жалын» так смотри, кого печатает: Гундарева, Олжаса Сулейменова, Любовь Шашкову. Республиканский обще-

ственно-политический и литературно-художественный журнал «Простор» так тискает асов литературного творчества, таких как Надежда Чернова, Валерий Михайлов, Раушан Байгуашева, наш карагандинский автор Иосиф Брейдо. Тебя же, как я вижу, тиснули маленьким отрывком из твоей поэмы «Диалог с другом» в восьмом номере за 2013 год и во втором номере 2014-го толкнули твою семистраничную вещицу «Играй, гармонь, в стране и в сердце». Как помню, ты посылал туда какую-то объемную повесть, на какую, как я поняла, просто подняли ногу и выбросили на помойку. Времени-то после того пролетело пять лет, можно было бы хотя бы сообщить, что ваша вещь - бесхребетная, потому ее печатать не будем.

- Значит, она и впрямь не заслуживала журнальных страниц...

- А мне лично она понравилась. Отчего хотелось, чтобы ее прочитали все читатели «Простора», каких у журнала аж тыща человек!

- Ну, Гульчатай, мало ли чего мы хотим... Я так хотел бы, чтобы в журнале тиснули мой роман «Годы Орлиные» или «Жизнь моя забубенная». Половину этого романа тиснул астанинский журнал «Нива» в своих шестом и седьмом номерах 2015 года, а окончание романа обещалось в восьмом номере, но уже в августе 2015-го «Ниву» какие-то власти и какие-то силы уничтожили, как врага народа. Уже заканчивается 2017-ый, а «Нива» так и не возобновляется.

— Не знаю, какие тут действуют силы, только государство, по-моему, не должно в наше время закрывать хорошие республиканские журналы.

— Не должно - это само собой, а вот появились же в государстве какие-то силы, какие сделали журналу харакири...

О журнале «Нива» и передачах «Играй, гармонь» и «Человек и закон», какие исчезли с «Первого канала» казахстанского телевидения, я написал своеобразное письмо ведущему «Первого канала» Руслану Смыкову, но ответа не получил. Разозлившись на «Первый канал», подобное же письмо взял да адресовал лично премьер-министру Бахытжану Сагинтаеву. Отправляя письмо платной почтой, то есть заказное, подумал: окружение премьер-министра это письмо до него не допустит. Мое предвидение оправдалось. В официальном документе, присланном мне аж с четырьмя круглыми и квадратными штампами, сообщалось:

«Уважаемый, Николай Андреевич!

Министерство информации и коммуникаций РК, рассмотрев ваше

письмо касательно передач «Играй, гармонь», «Человек и закон» и журнала «Нива», сообщает следующее.

Общественные отношения в области средств массовой информации регулируется Законом Республики Казахстан от 23 июля 1999 года №541-1. Касательно передач «Играй, гармонь» и «Человек и закон», согласно п. 2 ст. 1 Закона главный редактор - физическое лицо, возглавляющее редакцию средства массовой информации и имеющее соответствующие полномочия на его выпуски, распространение, выход в эфир. Вместе с ТСМ, в соответствии с п. 3 ст. 17 Закона никто не вправе обязать редакцию средства массовой информации обнародовать отклоненный ею материал, если иное не предусмотрено Законом. Таким образом, редакция средства массовой информации независимо определяет материалы для публикации или выхода в эфир.

Относительно журнала «Нива», согласно п.1 ст. 5 Закона право на создание средства массовой информации принадлежит физическим и юридическим лицам в соответствии с законодательством республики Казахстан. Средство массовой информации может быть создано как в форме юридического лица, так и в форме структурного подразделения юридического лица.

Кроме того, сообщаем, что в адрес Министерства со стороны редакции уведомления о закрытии издания не поступало. Вместе с тем, мониторингом СМИ на предмет нарушения законодательства РК касательно журнала «Нива» нарушений, которые могли бы послужить закрытию журнала, не выявлено.

Наряду с этим, Министерство выражает вам благодарность за активную гражданскую позицию в вопросе развития сферы массовой информации».

Прочел я сию государственную тираду, поступившую из канцелярии премьер-министра, и понял: мое письмо он и в глаза не видел, а потому на наших экранах никогда не будет передач «Играй, гармонь» и «Человек и закон».

«Играй, гармонь» так шагает по российскому телевидению уже тридцать лет и один год. Смотрит эту передачу все человечество, а вот «Первый канал» казахстанского телевидения передачу прекратил пока только на первую пятилетку. Об этом как раз и сообщалось мною премьер-министру. Сообщалось также, что в 2016-ом «Играй, гармонь» была одно время и у

нас в Казахстане, в Кокшетауском регионе. Ах, какая была встреча, как звучали наши домбра и баян, как сплетались своей красотой русские и казахские песни!

В целом же, где бы «Играй, гармонь» ни была, она всегда затрагивала душу любителей песен, частушки и гармонии. В них всегда звучит народный дух. Песня всегда как-то сплавляет людей. Нас, зрителей и слушателей, с передачей «Играй, гармонь» просто тянет к песне, к большой и красивой душе народа, к открытому русскому характеру, к русской поэтической словесности, прославляющей родные края, деревеньки и села, родной дом и дымок над трубой, свое низенькое крылечко и свет в окне, свои тихие травянистые улочки, где свободно прогуливаются гусиные и утиные выводки. Эти милые сердцу картинки и напоминают нам нашу родину и лично родину твою.

Так было при Геннадии Заволокине, так и осталось при его детях Анастасии и Захаре, нынешних ведущих этой красивой музыкальной передачи. «Играй, гармонь», говорят, смотрит чуть ли не весь шар земной, и только казахстанская «Евразия» сделала передаче хакакири и уничтожила ее на своих экранах, как врага народа. То же самое было сделано и с передачей «Человек и закон».

Насчет журнала «Нива» хочется напомнить, что журнал был основан в 1991 году большим поэтом Казахстана, общественным деятелем и руководителем астанинской писательской организации Владимиром Гундаревым. Редактором «Нивы» больше двадцати лет ее существования оставался все тот же Владимир Гундарев - до 2012 года, когда он покинул этот мир. После него «Нива» просуществовала еще до августа 2015-го, когда без всякого предупреждения своих читателей и подписчиков в тысячу человек сложила свои крылья.

Вот такого характера было мое письмо премьер-министру. Ответ из его канцелярии меня никак не обрадовал, более того, даже обозлил. Нам, зрителям, подай «Играй, гармонь», как это было все двадцать пять лет, но ее нет уже целую пятилетку, и неизвестно, будет ли когда-нибудь в будущем. То же самое и с «Нивой», какую закрыли в 2015-ом и вроде возобновлять не собираются. Чем «Нива» не понравилась властям из Министерства информации и коммуникаций РК, кому она перешла дорогу, читателям и подписчикам не ясно, о чем канцелярия премьер-министра досконально

не разъясняет. Такому старикану, как я, нужны конкретика, четкость и ясность, но и их из пришедшего мне письма не получил.

Не ведаю, как будет в будущем, а в мое время «Играй, гармонь» и "Ниву" мне не видать, как своих ушей. А хотелось бы! В мои десять восьмерок «Играй, гармонь» просто прибавляет бодрости и здоровья, и ты действительно будто молодеешь. Наверно, о том же самом говорит и прочий народ. Жить надеждой человек стремился всегда, не утратил он этой способности и теперь...

У себя дома продумывал и анализировал ситуацию. Тридцать лет «Играй, гармонь» странствует по российским городам и селам, бывает и в республиках СНГ. У нас этой передачи на телевидении нет, потому что, наверно, «Играй, гармонь» за свою трансляцию требует какую-то оплату. Наверно, в наш нынешний век в этом есть какая-то разумность. Двадцать пять лет передача бежала по казахстанскому телевидению, и никто не заикался о какой-то оплате. А вот с 2012-го передаче сделали харакири, и теперь неведомо, оклемается ли она у нас когда-либо.

Насчет же «Нивы» - сплошная умора. Была у журнала все двадцать пять лет тысяча подписчиков. И ничего, как-то жили, читали своих и чужих авторов, обогащались их мыслями и богатством их творческой души. Теперь весь пишущий народ страны вынужден налегать только на один-единственный оставшийся в живых «Простор». Для восемнадцатимиллионного населения - и один единственный журнал? Два журнала - это как «Современник» и «Библиотека для чтения». А было во времена Белинского, Щедрина да Тургенева с прочим пишущим народом России этих журналов в России пусть не вагон, но маленькая тележка все-таки была.

Как «Простор» будет справляться с пишущим миром, какой обитал в «Ниве», неясно. Ринуться этому миру больше некуда. В Казахстане свои авторы со своей тематикой, своей фактурой, своими мыслями о своем большом народе, какой дал миру Абая, Сейфуллина, Ауэзова, Кунаева да Назарбаева, породившего новую страну с ее Независимостью и со своей столицей, выросшей на задворках из провинциального маленького городка в столицу мирового масштаба с миллионным населением, появившимся в городе всего лишь за каких-то неполных двадцать лет. Москва, Рим, всякие Лондоны с Парижами да Пекинами росли и строились тысячами, а тут за двадцать лет такой классический город! Тут надо быть ис-

тинным стратегом, чтобы все это осуществить. Казахстан же свою мысль и мечту о новой столице осуществил...

Не знаю, как кого, а меня «Играй, гармонь» просто возрождает и вдохновляет. У молодых наверняка есть свои законы, только «Играй, гармонь» смотрится повсеместно с интересом и ожиданием. Лично я всегда ждал эту передачу, как манну небесную. Все передачи я смотрел всегда с упоением, но ничего не фиксировал, ничего не записывал, о чем теперь несказанно жалею. После 2001-го вообще «Играй, гармонь» стал принимать душой и сердцем, заодно записывая частушки, песни, куплеты, все торжество русской души в городе и на селе, часто в далекой русской глубинке, где, однако, живет русская гармонь и звучит русская песня. Записывал я в простую русскую тетрадь с уст живых людей.

Мне подсказали, что в городских магазинах есть кассеты с записью выступлений «Играй, гармонь». Пока таких дисков я не встречал, но если судьба занесет меня в какой-либо из городов, то спрашивать эти диски стану непременно.

Так вот, будучи в Астане, я приобрел кассеты с «Играй, гармонь» и дома прокрутил одну из них. Оказалось, это передача «Золотая десятка», проходившая в Новосибирске в 1999 году под руководством тогда еще самого Геннадия Заволокина. Я тут же записал для себя частушку:

Играй, играй, играй, гармонь,
Играй на всю катушку,
Давай, давай, давай, гармонь,
Пляску и частушку...

На этом празднике были гармонисты со всей России. Играли на своих гармониках Алексей Воронцов, Александр Фундуков, Николай Турусов из Мордовии, какой играл мордовскую песню. Александр Фундуков так набросился на классическую «Эти глаза напротив», какую неподражаемо пел незабвенный Валерий Ободзинский. Александр Ганин из Барнаула играл красивые русские мелодии. Звук был непревзойденный, красота мелодии трогала душу. Алексей Воронцов из Архангельской области играл изумительные танцевальные мелодии, а Надежда Савельева, играя на гармонии, себе же и подпевала:

С заволокинской гармонью
Где я только ни была,

Я в Сибирь с большой любовью
К вам на праздник прибыла...

Кто-то после нее пропел:

Нет, по-вашему не быть,
Мне гармошку не забыть...

Наш казахстанский зритель помнит моменты, когда «Играй, гармонь» была на Кокчетавщине. Там как раз и звучали русские и казахские песни, в унисон сливалось звучание домбры и баяна, домбры и гармони. Сердце радовалось нарядной публике, пришедшей на праздник песни и дружбы между русским и казахским народами. Здесь, на Кокчетавщине, прозвучали и добрая частушка:

Поднять престиж гармони русской
Заволокины смогли,
Быть всегда родной и близкой
Ей у матушки-земли...

Наверно, и впрямь русской гармонии начертано быть близкой и родной для многих людей в наше время. Это показала «Играй, гармонь» и со сцены Кремлевского дворца. С этой сцены звучали изумительные песни и веселые наигрыши, под какие плясали перед сценой и сами зрители. Удивительное и волнительное было зрелище!

В 2011-ом передача «Играй гармонь» отмечала свое 25-летие. В искусстве, в песенной жизни эти годы - годы зрелости. У передачи широкий шаг по земле. В ней живет великий дух народа, его душа, его судьба и его большое будущее. «Играй, гармонь» всегда жила и по сей день живет любовью к русской песне и к русской мелодии, живет в большой стране в сердцах людей, как и в моем сердце.

ГЛАВА 8

Июль 2017-го уже на исходе, а дела с моим пятью книгами в издательском доме «Классик» стопорятся. Звонил, интересовался, спрашивал о проблемах. Нельзя ли хотя бы одну из них сработать? Светлана Владимировна отвечала, что задерживает их типография, поскольку у нее какие-то

срочные заказы по изготовлению каких-то школьных учебников. Вот еще какими делами занимается типография «Арко»! Похвальное дело, когда само государство или его министерство доверяет. Ну, коли задание государственное, республиканское, его непременно надо выполнить качественно и в срок. Учебники-то делаются для детей, а им все надо делать идеально. Светлана Владимировна на прощание сказала мне, что надо уметь ждать.

Что ж, надо мной не каплет, можно и подождать, хотя, как говорят, ждать да догонять нет ничего противней. Однако не все в жизни бывает гладко. Коль надо, подожду и до самого Нового года, до какого осталось хрен да маленько.

По жизни замечено, что многие стараются какие-то свои дела срочного плана завершить до Нового года, чтобы он как новый принес новые желания, новые успехи и победы. У меня так никаких новых желаний и дел не намечается. В голове пустота, что даже начинает пугать. Не думать о какой-то книге, о творчестве, о людях, достойных прославления? Да надо убиться, чтобы не замечать и не видеть таких людей, когда они повсюду! И на старой работе в своем поселке, и в соседних организациях. Пишет же областная газета о таких людях, где-то их находит и прославляет на всю область.

Конечно, это кровная работа газетчиков, но все равно дышит духом творчества. Почему бы и мне не подышать этим самым духом? Пусть капитальные вещи мои делаются в издательском доме, но текучка, наш сегодняшний день и сегодняшний человек должны видаться людьми во всем их объеме. Жизнь того требует и наш журналистский долг. Надо почаще практиковать себя в газете, что будет заставлять мысль работать, а не застывать. Вон какие вещи откалывают в газете Валентин Шипунов и Елена Лахно! У них мысли действительно работают.

А мне все равно, просто тянет получить из издательства все пять моих книг. С ними я как-то раскручусь да буду добивать свою наверняка последнюю в моей жизни книгу - «Душевную повесть», какую я хочу добить до Нового года, а там и правда завязать с писаниной. В будущем году мне пойдет уже восемьдесят вторая весна, когда надо думать не о творческих завихрениях, а о том, как бы продлить свои дни.

А как их продлить долбаному пенсионеру? Медицина так советует делать по утрам зарядку или какую-то разминку, а потом ходить, двигать-

ся, не сажать себя на долгие часы у цветного «ящика». Вещь эта, конечно, чрезвычайно привлекательна, особенно для стариков, потому они наелись-напились и на диван повалились. Я так придерживаюсь советов медиков, делаю по утрам зарядку и хожу ежедневно мои три-четыре прогулочных километра в ту степь вдоль железной дороги. Пробегающие мимо пассажирские поезда почему-то заставляют о многом подумать. Ну, хотя бы о том, как я жил в детстве, что я в нем видел и что оно оставило у меня в памяти.

В нынешние мои восемь десятков посему-то вновь вспоминаются далекие кенбидаикские годы. Память высветила фамилии моих кенбидаикских одноклассников Николая и Виктора Квасовых, братьев Виктора и Шуры Горбатенко, Володи Червякова и его сестры Лиды, Вали, Марии, Юрия и Раисы Анищенко, живших над нами на втором этаже старенького деревянного сруба. Вспомнились и друзья моего старшего брата - Василий Шевченко, Василий Кармазин, Шавхат Рашидов, Иван, Василий, Мария и Фаина Лестевы, семья Солдатовых, Кондратьевых, Волошиных, братьев Едингоферов. Как сложились их судьбы - Бог весть, только хотелось, чтобы все у них было удачно. На сегодня наверняка уже многих их нет в живых, поскольку моему братану Ивану было бы сегодня восемьдесят семь лет, а это нынче вовсе не мало. Были мы все рождения довоенного, роскошью нас не баловали, обычный хлеб был нашей насущной потребностью, но и его часто не хватало, однако в военные годы мы выжили, последующие же просто обязывали жить.

И жили - до 1947-го в родном моем Кенбидаике, а после в Жалтыре. Провинциальный аул Кенбидаик Кургальджинского района Акмолинской области мало чего мог дать молодой и дерзающей поросли, потому их тоже манили новые земли, города и поселения.

И все-таки интересно: где сегодня мои кенбидаикские ровесники, кем они стали, кто их них выжил и дожил до наших дней? А куда подевались их дети? У меня так выродился один-единственный сын, какому сегодня пятьдесят шесть и какой готовится уйти на своем Алтае на «дембель». Конечно, на гражданский «дембель», потому как мой сын - вечный железнодорожник.

И правда, где на данный период нашего нового времени мои друзья детства и кто вообще вспомнит о нас? Валентин Распутин так заметил од-

нажды: «Сколько бы ни было на свете добрых людей, их всегда не хватает. И сколько бы ни явилось благоразумия, его недостает, чтобы удержать жизнь в равновесии и не дать ей склониться на опасные пути пиршества и транжирства, которые выбрала в наш век цивилизация».

Моему поколению вряд ли известны эти «пиршества и транжирства», потому как большую часть своей жизни оно боролось за выживание. Годы войны пали на детство, послевоенные - на юношество и отрочество, целинное становление - на выпускные десятилетки, когда выбирался жизненный путь, часто бедный, безденежный и безотцовский, вынуждающий много пахать, много гнуть спину и просто упираться рогом. О своем поколении я бы сказал, что оно было героем своего времени.

Наверно, таким героем могу себя считать и я. Разве это не героизм, когда в 1945-ом после Дня Победы какие-то областные товарищи увезли моего пятнадцатилетнего брата в какое-то ФЗО? Вместе с братаном подобрали и других пацанов его возраста. Родителям пацанов так сказали: такое указание из Москвы. Ну, раз за такое дело с молодежью взялась Москва, значит, у нее есть нато основания. Прежде всего, молодое поколение должно заменить тех, кто погиб на фронтах войны.

Без брата на меня навалились все хлопоты по уходу за моей шестилетней сестренкой. В садик ее не водили, и я не знал, существует ли таковой в нашем ауле. Хлопот с сестренкой прибавлялось летом, когда матушка со своим комбайном пропадала на местных зланных нивах. Конечно, приходили какие-то тетки и готовили нам какую-то похлебку. Делалось это скорее по просьбе матушки, какую в ауле уважали как необычного комбайнера, работника мужской профессии, к тому же солдатку, оставшуюся без мужа с тремя детьми. Таких людей в ауле уважали и старались хоть чем-то помочь.

Тетки тетками, какие нам готовили какую-то еду, а за сестренкой нужен был постоянный присмотр. Она могла со сверстницами угнать неизвестно куда. Как помню, черт носил их даже на местное озеро, где они входили в воду и мыли свои коленки. Благо что я успевал за ними присмотреть и угнать домой.

Мои мучени закончились 1947-ом, когда мне исполнилось десять лет, а сестренке восемь, она уже ходила во второй класс и кое-где могла подумать о себе. Более свободно вздохнула матушка, какая о нас болела более других.

По приезду на новое место жительства в железнодорожный Жалтырь за нами уже был настоящий присмотр нашей бабушки Марии, какая была матерью нашей матушки и ее трех братьев, какие тут же в Жалтыре проживали и трудились на «железке». Возвратились они с войны живыми и здоровыми и даже побывали в нашем ауле, даже привезли нас к себе. Бабушка умела за нами с сестренкой ухаживать, что крайне радовало нашу матушку. Мы с сестренкой бабушку слушали во всем и делали то, что она приказывала. Говорила вынести на помойку мусор - выносили, принести из сарая ведро угля - приносили, помыть перед сном ноги - мыли. А как их не мыть, когда мы с сестренкой днями и ночами бегали босиком? Это сейчас даже трехлетние в каких-то тапочках, а в наши годы обувь и в десять лет считалась роскошью.

Бабушка, как мы понимали с сестрой, была нашим счастьем и спасением. Она ухаживала за нами, когда мы были с сестренкой и совсем взрослыми, когда я оканчивал десятый класс, а сестра восьмой. Ушла бабушка из жизни, когда я жил уже в Агадыре, был женат, имел сына и было мне аж двадцать пять лет. Была замужем и моя сестра и тоже имела сына. После смерти бабушки нам удавалось с сестрой только навещать ее могилку и то когда нас приводили в Жалтырь наши дороги. Я так хоть раз в год бываю в Жалтыре, а сестра из своих Чебоксар, что на Волге, не всегда своими жизненными дорогами может завернуть в Казахстан и в наш прежний Жалтырь.

Вслед за бабушкой ушла из жизни наша матушка. Случилось это в 1979-ом. Выходит, наша матушка пережила свою матушку на семнадцать лет, только нашей матушке было шестьдесят семь лет, а бабушке - восемьдесят два. Бабушка была старого покроя, родившаяся аж в XIX веке - в 1880 году.

В свои сегодняшние восемьдесят часто подумываю: мне-то сколько отпущено моей судьбой, моим веком и моим временем? Как-никак, а годы у меня все-таки большие. Что я сделал и что оставляю миру? Ну, во-первых, я оставляю миру сына, какой наверняка продолжит мою фамилию. У него тоже есть сын двадцати семи лет, который пока не собирается обзаводиться семьей. Говорит: надо несколько пожить для себя. Свяжешь себя семьей - на дискотеку не пойдешь, утренние зори встречать не будешь и не будешь, как бывало, умываться росой. А утренние росы - это же жизнь! Почему бы ею не полюбоваться?

Я внука своего поддерживаю и рад, что именно он продлит нашу с Гульчатай фамилию. Она в миру не такая уж частая, как Ивановы да Петровы. XIX век знал писателя с моей фамилией, какой написал большую повесть «Трудное время» и ряд других известных стране и миру произведений, таких как «Владимирка и Клязьма», «Письма об Осташкове», «Спевка», «Вечер», «Питомка», «Ночлег», «Свинья», «Мертвое тело». Имя писателя было широко известно у передового русского читателя. Он был демократом и стоял на позиции народного движения за новую жизнь.

Не знаю, как и почему, но судьба уготовила мне такую же фамилию. И, что удивительно, я тоже балуюсь пером. Не знаю, какого оно характера, только выдал я в свет аж восемь книг стихов и прозы. Как обещает Светлана Владимировна, остальные пять книг будут сделаны, но пока они в работе. Если они появятся на моем столе, то мне придется самого себя и похвалить. Наверно, сделают то же самое моя Гульчатай, моя родня и мои друзья.

Анализируя временами свою пройденную жизнь, считаю, что жил я не зря. В моих книгах - жизнь моя и моего поколения. В разные времена и жизнь была разная, о том в моих книгах тоже сказано. Наступивший XXI век привел с собой не иначе как нового человека. Мы, старики, потихоньку сдаем свои позиции, а им придется наверстывать то, чего не сделали мы. Они будут строить новую страну, строить новую жизнь, строить и самих себя...

Глядя на них, я им даже в чем-то завидую. Я так уже двадцать лет на моем гражданском «дембеле» и потому являюсь в жизни не попутчиком, а простым залежавшимся товаром. Однако за свою жизнь я что-то да совершил доброе и памятное. Разгрести сделанное не стану, но знаю, что жил честно и справедливо, вращался долгие годы в большом рабочем кругу и в большом человеческом обществе, какое дало мне имя, фамилию и жизнь.

Моя жизнь была у него на виду. Я в этой жизни отдавал всего себя, отдавал свое сердце и свою душу. По-другому я просто не мог, потому как меня жизнь сделала таким. Может, следовало бы повинить себя за то, что слишком поздно взялся я за свои книги? Напиши я их молодым, может, обо мне сегодня знал бы весь Казахстан, а так знает какая-то десятка-двадцатка человек. Вот эту ошибку я себе не прощу никогда, но это сделано. Старику, подобному мне, как заметила одна старая цыганка, негоже себя

корить. Жизни отдано многое - любовь к ней, к своей стране, к своей семье, к друзьям, к литературе, какая навалилась на меня и сковала, но в моей глубокой старости. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

И последние годы литература стала моей жизнью. Я с ней ложусь и просыпаюсь и не знаю, как долго будет продолжаться этот у меня век. Я ей отдаю душу и не знаю, насколько хватит у меня этой души. Пора бы, наверно утихомириться в самой литературе. Пусть она лучше потревожит молодых, а старики пусть просто тихо доживают свой век. Я этого хочу, о чем и сообщаю моему любимому читателю без утайки.

О жизни своей я рассказал, какая, по правде, вылилась не менее как в душевную повесть. Такое своеволие старику можно и позволить. Молодому о себе сказать, по сути, нечего, а мне, восьмидесятилетнему, кажется, есть на чем остановиться, сделать акцент и о том рассказать всему белому свету. И я сказал, что следовало. Как примет мое душевное откровение читатель, не знаю, но винить меня за мое жизненное откровение, по-моему, не следует. Потому, дорогой читатель, не будем терять нашей дружбы! Вы читайте меня, а я просто буду кланяться вам за это и просить Всевышнего, чтобы он берег вас от ненастий и дал вам здоровья и счастья на всю вашу жизнь.

Моя акмолинская училищная братва, такая в 1959 году была направлена в Агадырь. Разъехались все, в Агадыре остался только я один.

ГЛАВА 9

Где-то жаркий, а то и дождливый июль свое отгулял. В этом июле я ждал известий из издательского дома, где в работе находились мои шесть книг. Ну, ждать да догонять, давно известно, нет ничего противнее.

Если взять на пересчет, то за пять лет я сработал тринадцать книг. У всех у них есть названия, своя тематика, свои герои. Красоваться тринадцатью книгами не позволял себе даже Пушкин. А тут какой-то агадырский питекантроп размахнулся на целое собрание сочинений!

Те, что вышли, смотрятся красиво, аккуратно и вовсе даже прилично по размерам. «Мой причал» - сто страниц, «Мои агадырские зори» - сто пятнадцать, «Жизнь на ладони» - сто шестьдесят, «Судьбы натянутая нить» - сто девятнадцать, «Жизнь моя забубенная» - сто семьдесят, «Жизнь ты, жизнь...» - сто девяносто, «Пестрые письма», первая книга - сто семьдесят страниц. Считаю, книги хорошие, умные, красивые, талантливые и постранично очень даже приличные.

Должны увидеть свет «Мои дороги», «Жизни моей колесница», «Моя поэтическая осень», «С миру по нитке», «Пестрые письма-2» и «Агадырские рассветы».

Про себя думаю: конечно, последующие не будут хуже прежних. Нет, а почему именно хуже? Что они, плохие, что ли? Да они красавцы! Народ, кому я подарил свои книги, просто удивляется их красоте. Книги мои в твердой и мягкой обложке выглядят просто аховски, получше даже московских изданий. У нас в Казахстане издательства тоже умеют держать свою марку, наводить шорох, блеск и красоту. Хотя бы посмотреть на мои книги. Не потому, что я древний, выживший из ума дед, а потому как книги действительно хороши собой.

Что там внутри моих книг, они не говорят, потому как их еще, по сути, не открывали. А откроют ли когда-нибудь? Что-то я сомневаюсь. Нынче больше налегают на Интернет да на ноутбуки с разными планшетами, а книги просто не берут и не читают. Школьники читают то, что нужно по программе и не более, а для души, для сердца, как было в мое коммунистическое время... Учителя не заставляли что-то читать для души, так мы сами

делали это. Нынче жизнь показывает: никто ничего не читает. О том и телевидение высказывается во все услышание, и даже высокие власти - тот же Жириновский из российского правительства. Значит, он что-то усек, что-то подметил и на всю страну бросает народу упрек. У Жириновского голова наверняка крепко варит, потому к нему можно и прислушаться.

Что в моих книгах... Взять бы хотя бы «Мои дороги». За двадцать пять лет снабженческой деятельности дорог этих у меня было не счесть, к главным, тогдашних коммунистических дорог от Москвы до самых до окраин. У меня же получалось от Агадыря до самых окраин тогдашнего Союза. Это сейчас из своей страны в другую, даже самую соседнюю, попадешь только через долбаную таможню, а тогда рви когти в любую республику страны Советов, и никто тебя не спросит, зачем ты к нам пожаловал.

За двадцать пять лет меня так никто не спросил. А ведь меня по работе носило и в Одессу, и в Минск, и в Беслан, и в Новосибирск, и в Черногоorsk с Абаканом. А проездом так заносило в Волгоград, Москву и даже на Тепловозостроительный завод в Новочеркасск и в Коломну. Свои казахстанские города я обкатал вдоль и поперек, и все как того требовала железнодорожная двухпутка «Караганда - Чу», строящаяся с 1971 года. Дороги заносили и в Жезказган, и в Караганду, и в Целиноград, и в Кустанай, и в Актобе, и в Семипалатинск.

Перед отделом снабжения, в котором я прокуролесил целую четверть века, я и поныне склоняю голову. Без него я вряд ли увидел бы белый свет с его хорошими и плохими людьми. Мне же больше попадались хорошие, потому как я, наверно, умел находить с ними общий язык. Без того же снабжения я вряд ли мог увидеть большой свет с Сибирью и Уралом, с Одессой и Минском, с тем же Ростовом и его шолоховским Доном.

Что удивительно, столько было дорог, столько на них встречалось разных людей, а сказать о них я смог только на пенсии, когда память уже многое упустила. Честное слово, о том можно было бы родить целый роман. Родила же Галина Николаева свой роман «Битва в пути», где люди трудились, дружили, любили, отдавая себя больше всего своей работе, своему производству. Время тогда было такое, когда люди думали только о работе, о значимости ее для своей страны, для своего Советского Союза, какой победил фашизм и на обломках разрушенного хозяйства строил новую жизнь, какой являлись новые заводы и фабрики, заводившие свои новые

производства. Меня так донельзя увлекла «Битва в пути», какую я читал как бы не все пятьдесят лет назад. Готов ее прочесть и теперь с чувством, с толком, с расстановкой, но ни в одной библиотеке Агадыря ее нет, и о таковой библиотечарши даже и не слышали. Может, она где-то затерялась в областной Караганде, но кто мне ее достанет?

Насчет чертовой писанины - просто не знаю, что делать с собой и со своей дубовой головой. Донимает она меня днями и ночами, и слово, как и прежде, тянется к перу. Себе уже не раз говорил: дед, прекращай мыслить и общаться с литературой! В свои восемьдесят люди думают не о поэзии и романах, а о том, как бы продлить свою жизнь и не отбросить копыта раньше срока, начертанного тебе временем и судьбой.

А потому надо больше следить за собой, меньше налегать на жирное и сладкое, а больше налегать на легкое, чем богат твой холодильник. Вот приносит твоя Гульчатай из магазина кефир, брынзу, сыр, творог - налегай на них. В обед так ударь какой-нибудь супчик на постном масле, какой твоя Гульчатай умеет готовить мастерски. Старики быстро полнеют от жирного да сладкого, потому как они мало двигаются, мало ходят. Они больше отдаются своим цветным «ящичкам» и упиваются тем, что дают им телевизионщики. Нынче же телевизионщики - народ молодой, потому он и выбирает программы на свой вкус и цвет. Разве ему нужны какие-то «Трактористы» и тот же «Иван Бровкин»? А «Максим Перепелица»? Правильно, нужны как собаке пятая лапа. А «Дело было в Пенькове» они готовы даже поручить «Делу №306», чтобы там его разобрали и не выпускали в эфир...

Как бы ни было, а писанина меня донимает, давит и будит по ночам, вынуждая переваливаться через Гульчатай и добираться до своего журнального столика со светильником. Бывает, засиживаюсь до утра, когда Гульчатай встает и хлопочет на кухне. Потом приходит в зал и спрашивает:

- Ты умывался, полуночник? Чай готов, прошу к столу.

Конечно, иду, умываюсь, причёсываюсь да прихорашиваюсь. Чаевничаю, благодарю свою суженую и иду к своей писанине: чего ты там сегодня наклепал? Читаю - вроде не бред сумасшедшего, есть какая-то жизненная жилка. Подумал: почта бы нам, писакам, окунуться в жизнь, а не надумывать всякие человеческие истории.

О ночных бдениях забываю. Чего недоспал, наверняка наверстаю днем,

что уже было не раз и не два. После обеда особенно хочется ударить минут шестьсот на каждый глаз. И ударял, но не более как на каждый глаз минут по шестьдесят.

В последнюю июльскую ночь вновь проснулся среди ночи. Смотрел в темный потолок, ворочался, как собака на сене, слушал тихий храп моей Гульчатай Калкеновны, а сон не шел. На смену ему шли какие-то поэтические мысли. Вот идут, проклятые, хоть ты их заруби, а они все равно идут И сгоняют с теплой кровати к холодному журнальному столику, за каким лепилось что-то новое, а может, и старое, но с новыми мыслями:

Жена меня по-свойски сегодня укорила,
Хотя и накормила гречневою кашей:
- Для тебя поэзия, что суп для крокодила,
И из тебя поэт, что из Обломова Лев Яшин.
А коль ты неудачным сочтешь сие сравнение,
Я тебе открою людям по-советски:
Из тебя поэт, это многих мнение,
Что из Коробочки, по Гоголю,
Маяя свет-Плисецкая.
Хотя ты, дон Амвросий, пишешь неустанно,
По-своему кропаешь поэмы и стихи,
Оставаясь прежним - напорным, не усталым,
Хотя к твоим писулькам редакции глухи.
Видно, им нужны Есенины да Блоки,
Твардовский с Евтушенко так шли бы нарасхват.
Ну, а ты, мой Педро, от них, как бог, далекий,
И не говори, что Лермонтов учитель твой и брат.
Полста годков, Акакий, ты стихи кропаешь,
Но ни одной строки твоей свет белый не видал,
Наверно, ты бездарен и людей не знаешь,
Иначе тебя, Абрам, хоть кто-то бы да знал.
Полистай, к примеру, всю нашу периодику -
Стихов твоих там отродясь и близко не водилось,
Во всей твоей, Крузейро, литературной хронике,
Видно, жизнь такая, что и попу не снилось.
Так что, Абдрахман, из тебя писатель,

Что из СНГ беспутного великий СССР,
Ты так и остался простой бумагомаратель,
Что для тебя являет убийственный пример.
Ну кто ты есть на деле? Пятнадцать лет слесарил
И двадцать пять безумно снабжению служил,
На огне холодном ты поэмы жарил,
В целом ты стихам полжизни положил.
И на склоне лет ты стихами увлекаешься,
А это есть болезнь с хроническим налетом.
Плохо, что с поэтами ты по стране не знаешься -
Они тебя б наставили, как пишутся сонеты.
Думаю, что Лермонтов, гений от природы,
Тебя писать стихи вовсе не научит,
Лермонтов был в гуще своего народа
И всегда был в жизни боевой, кипучей.
Так что, Абдрахман Сакенулы Калкенович,
Со стихами, думаю, потребно завязать,
Их белый свет не видывал, но ты чужим завидовал,
Тогда как твои личные умеют лишь молчать.
Молчат они, как партизан, у немцев на допросе,
Хотя, как мне известно, им есть чего сказать.
Не знаю, как редакциям, мне ж лично интересно
Твои стихи прощупывать и вдумчиво читать.
Я вижу в них движение совсем не сонной мысли,
В той мысли жизнь светится и твоя судьба,
Ты не просил у жизни льгот и положения,
Какие доставляла тебе твоя борьба .
Ну, а со стихами тебе придется ладить,
Может быть, придется учиться у других.
Просыпаться, может, не стоит с петухами
И корпеть над строчками тебе лишь дорогих?
Не знаю, как судьба тобой распорядится,
Но прежде со стихами - их у тебя вагон!
Ты к ним безразличен, а вот мне не спится:
Наступит ли печатный для тебя сезон?

Сколько зим и весен за жизнь твою промчалось,
И ни одной не скажешь ты: «За стихи - мерси!»
С печатью ничего у нас не получалось,
Редакции об этом ты больше не проси.
Таланты пробиваются аж в толстые журналы,
А тебя простая «районка» не берет,
Не знаю, где искать печатные каналы,
Наверно, после смерти тебе и повезет.

- Ну, Гульчатай, побойся! Ты с такими мыслями...
Хотя мне нынче стукнуло ровно семь и пять,
А жить, убей, так хочется, хоть облаком умойся,
В каком живые воды и божья благодать.
Я все ж хочу, Винченция, и ты того же хочешь,
Чтоб хоть на смертном одре стихи мои узреть,
Мы б с тобой запели новые аккорды
И вообще бы стали соловьями петь.

Как будет все на деле, наверно, жизнь покажет,
А пока, Винченция, закончим этот стих,
Время моим виршам только кукиш кажет,
Отчего мой голос в поэзии затих.

- Смотри, Мехмет-оглы, ты со стихами борешься,
Я же так болею за их жизнь-судьбу.
Может, ты под старость посильней расколешься
И начнешь в поэзии вести с собой борьбу?
У Горького известно какие университеты,
А какое золото он стране оставил!
Он был настоящим писателем-поэтом,
Оттого и родину на века прославил.

Тебе ж, Мехмет-оглы, есть у кого учиться,
Но коль ты со стихами, то учись у Блока,
Может быть, со временем и твой живой родится
Стих, и ты в поэзии не будешь одиноким.

- Твои б слова, Винченция, да богу в уши, уши,
Чтоб он распорядился стихи мои издать!
Я стал бы тому богу, как дитя, послушен

И стал бы пуще Блока свои стихи писать.
- Давай на том и кончим наши разговоры
О бренности большого слепцовского стиха,
Литература наша пресечет все споры
И разнесет стихи твои по-русски - в потроха.
Нынче твои мысли, вижу, набекрень,
Уж точно они сдвинуты, Сегизбай, годами.
Тебе от безысходности стало бриться лень,
Отчего сравнился ты с лохматыми плодами.
Все равно, Абдукарим, стихи твои играют!
Я вижу, ты ночами судьбу свою творишь,
Стихи твои так новую тележку заполняют,
А это наваждение не меньше как магнит.
Не следует противиться магнита притяжению,
Пусть твои стихи бездарственны и ломки,
Когда-нибудь, мне верится, исчезнет напряжение,
И твои книги после нас издадут потомки.
Такое уже бывало — жизнь не провести,
Предки наши знали и стихи, и слово,
Они могли и в малом золото найти,
Что было для потомков неподкупно ново.

Прочел написанное и удивился: права все-таки моя Гульчатай насчет моих стихов, с какими я столько лет веду борьбу не на жизнь, а на смерть. Уже столько времени не заглядываю ни в Лермонтова, ни в Есенина, а стихи все равно донимают. Вот наваливаются на голову, скоты, хоть ты тресни, отчего приходится записывать то, что диктует моя бестолковая голова.

А вот сегодня ночью вновь прилепились какие-то деревенские желания. К чему они - не представляю, но так хочется побывать в своем детстве, в своей маленькой деревеньке, какая вырастила меня до десяти лет, пока я эту деревеньку не покинул со своею родней. В эти годы я любил ходить на свою Старицу, сидеть на ее берегу да любоваться лягушками, их кваканьем и тем, что ничего им в жизни и не надо. Не надо ходить в школу, не надо думать о новых штанах и новой рубашке, какие у меня латаны-перелатаны. Матушка давно обещала купить новые, но в магазинах их и в помине не было. Потому как шел 1947-ой, и в магазинах было шаром покати...

Почему-то припелись именно эти мои десятилетние годы, когда матушка так следила за мной и сестренкой, какой в то время было уже восемь лет. Матушка вспоминается и теперь, но ее я вижу будто в тумане. Такое, наверно, и должно быть, потому как мне нынче восемь десятков, а матушке, будь она жива, было бы аж целых сто пять лет. Нет моей матушки уже тридцать восемь лет, и память начинает просто сдавать. Стариковская память, видно, таки устроена, чтобы не все помнить, что вечно.

Написанные стихи включил в сборник «Жизнь ты, жизнь...». Лично мне стихи понравились, а как примет читатель - Бог весть. У нас нынче читатель не тот, что был сорок и пятьдесят лет назад. Грамотный он и подкован со всех сторон. Спроси его про Блока и Есенина - он их книг и в глаза не видел, а вот спроси про современных авторов, так он может рассказать целую эпопею.

Пытался где-то в каких-то стихах упомянуть авторов «Простора», таких как Любовь Шашкова и Надежда Чернова, перед талантом каких я просто Склоняю свою старческую голову. Поделился мнением о них с друзьями, так они мне даже наизусть их прочитали! А я, прореха на человечестве, чего о них мог сказать? Только то, что это классные поэтессы, до каких мне с моими стихами, как свинье до неба. Их «Простор» тискает вдоль и поперек, а мои стихи не иначе как валяются в редакционном столе, а может, и в помойном ведре. Редакции нынче, говорят, с авторами не общаются. Если ты достоин - тебя тиснут, и будь здоров, а коли не тиснут - пеняй на себя и на свою голову.

Как бы там ни было, а со стихами завязать я не могу, хотя и пытался много раз. И Гульчатай просила меня о том же, но они находят меня, доставая даже во сне. Спросил у моей терпеливой женки: не знаешь ли ты, подруга, как избавиться от такого наваждения, не предцверие ли это моего скорого конца? Все-таки мне уже восемьдесят с половиной, кагае лынче не каждому даются.

— Не могу я этого знать, Тугамбай Калкенович. По твоему виду я бы не сказала, что ты уже зажился и что тебе белый свет не мил. Напротив, я вижу в тебе силы и желание жить, чтобы писать, отображая в своих сочинениях наш новый век и нашего нового человека в нем.

— И я хочу того же, Жамиля Тукуновна. Я просто хочу жить! Ради себя, ради тебя, ради наших детей, а больше ради стихов и всего моего творче-

ства. Вон сколько в поселке стариков, подобных мне, не менее, наверно, тысячи, а вот занимающихся дурью, то есть писаниной, только я один. Во всяком случае, других таких Есениных я не знаю ни по газетам, ни по журналам. О чем это говорит? О том, наверно, что пора мне отбрасывать копыта. Говорят же, что у людей перед смертью прорезается память. Нечто подобное наблюдается и у меня. Когда она придет, эта самая с косою, не знаю, но я ее не жду и стараюсь всякими уловками бежать от нее, делая свои километровые прогулки и ночные бдения с пером. К чему они приведут, мен бельмеим, но я, айналайын Гульчатай, просто хочу жить!

- Кто же против этого, Абдрахман Туkenovich? Живи и здравствуй, радуй читателей своими книгами. Состряпал ты их на сегодня восемь штук, и, кажется, столько же болтается по редакциям. Если выйдут и они, то ты и впрямь живой вундеркинд, живой Лермонтов, сумевший за свои короткие двадцать семь лет сделать столько, что оно вмещается в его «Собрание сочинений».

— Сравнила меня, прореху на человечестве, с Лермонтовым... Да я в двадцать семь чего делал? Тепловозы латал, слесарил их, аж пыль столбом. И так все три коммунистических пятилетки. В последующие годы до самой пенсии меня не настигло ни одно стихотворение, и я даже не знал, как рождаются эти стихи, хотя читать их любил. Правда, Жанар, удивляюсь, откуда налетела на меня такая напасть, как стихи. Очерки и заметки в газеты я посылал, меня печатали и даже осчастливливали какими-то гоно-рарами. Я лично тебе их отдавал, хотя ты и отказывалась. А мне было приятно тебе вручить какую-то дармовую денежку, какой ты находила какую заткнуть дыру.

- Ну, нам лишняя копейка никогда не помешает. У женщины всегда найдется объект, куда их деть, куда приткнуть...

Насчет же того, что ко мне как-то прилепились давние деревенские желания, не могу сказать ничего определенного. Вот прилепились, и все. Наверно, были у меня в детстве и какие-то мечты, хотя какие могут быть мечты в десять лет? В то время единственным желанием было добыть кусок хлеба, чем матушка и занималась. В нашей деревне продуктовые карточкк еще не отменили, и потому о живом хлебе приходилось думать как бы не с утра до вечера. Кусок простого черного хлеба и кружка молока, ну что могло быть лучше этого?

Слава Богу, молоко не покупалось, а всю войну и после нее было собственным от собственной рогатой Майки. В целом, вся деревня жила на собственную молоке. Коров держал и стар, и млад. В военное время за собственную скотину платился налог маслом, какое якобы перетапливалось и сдавалось в приемный пункт. Как бы ни было, а матушка говорила, что ради молока селяне и выжили. Продуктовые карточки не шибко кормили, а молоко оставалось надежным подспорьем.

Молочные процедуры мне вспоминаются и теперь, и, может, потому я не могу обходиться без молока и теперь. Ем и пью его в любом виде, благо что в магазинах нынче любого молока хоть залейся. Гульчатай приобретает для меня и всяческие творения из молока. Творог по утрам к чаю — истинное наслаждение. А чай непременно пью с молоком, иначе какой же я казахстанец? На вечерний ужин Гульчатай моя делает мне чай с любимыми мною баурсаками, какие у нас в магазинах тоже продаются.

Баурсаки - моя вторая детская страсть, иначе какой же я казахстанец моего аула Кенбидаик Кургальджинского района? Мы же, пацанва, свой аул величали деревней, какая и впрямь была схожа с деревенскими домиками с березками и топольками у окон и с печными трубами, из каких постоянно пошаливал голубой дымок. Близ деревеньки бежала речушка Старица, какая была для сельчан и радостью, и счастьем. Пацанва так вообще на этой речке находила свое отдохновение.

Нынче в мои восемь десятков в моем большом железнодорожном Агдыре почему-то припелась моя детская деревенька, какая понятия не имела, что такое железная дорога, паровоз и асфальтированные улицы.

Так хочется проснуться в далекой деревеньке,
Где ни машин, ни шума, ни вечной суеты,
А спозаранку женщины, прищурившись маленько,
Любуются восходом солнца и мечты.
Выгнаны на пастбища корова и телята,
Кувшины наполнены до края молоком,
В неге просыпаются детишки и цыплята,
Какие к пище катятся, как вижу, кувыркком.
Встаю и я с натягом и люблюсь небом:
Оно здесь не такое, как в городе моем,
Здесь оно не иначе пахнет теплым хлебом

И травой, какую мы к реке идем.
Речка в деревеньке — счастье и загадка,
Столь в ней захоронено магнита с синевой,
У воды я делаю привычную зарядку
И бросаюсь в волны, как было, с головой.
А потом люблю тихим перелеском,
Кваканьем лягушек в заводи густой,
Плюханьем прилетных, вздымавших волны плеском
На речном зеркалье с вечной красотой.
Говорят селяне, что в речке есть и рыбка —
Окуньки, карасик и даже чебачок,
Но селян та рыбка не волнует шибко,
На нее у них не падает крючок.
Пусть живет и множится, очищая реку,
В магазинах нынче хватает и морской,
Какая, говорят, полезна человеку,
Что и подтверждает наш добрый род мужской.
Так и просыпаюсь я в далекой деревеньке,
Любуясь разнотравьем и пеньем соловья...
Ах, где ты, моя матушка, где ты, моя нэнька,
Какую забываю на этом свете я?

В 2017-ом мечта моя осуществилась, и я побывал в своем старом ауле, в свей теперь такой красивой деревеньке. Старых домов почти не сохранилось, но Старица как была красивой и манящей, такой же и осталась. Сверстников моих никого не осталось: одни разъехались еще в молодости, другие просто умерли от времени. Главное, я отвел душу на Старице, вспоминая свои детские годы, когда я здесь бывал и жил семьдесят лет назад. Поспрашивал старожилков. Никто моей фамилии не помнит, не помнит и мою матушку, какая была единственной в местном тракторном парке комбайнеркой и трактористкой. Все это было до 1947-го, то есть семь десятков лет назад. Те, кто матушку мою и знал, померли, поскольку ее ровесникам было бы сейчас по сто и за сто лет.

Как бы ни было, я все-таки окунулся в свое детство. Нашей старой школы нынче нет и в помине. У нас она была одноэтажная, барачного типа, а теперь здесь красуется аховская трехэтажка, какие встречаются только в

городе. От старого клуба не осталось даже фундамента. На этом месте сейчас красота и загляденье. Память сохранила ветряки и больницу, их тоже нынче нет. Деревянные бараки, в которых во время войны жили сельчане, нынче нет и в помине. Их, говорят, снесли в иелину при Хрущеве и на их место поставили хрущевские двухэтажки, какие служат людям по сей день.

Местные власти что-то строят и свое, но село - оно ведь и в Африке село... Хотел несколько своих книг подарить хотя бы одному кенбидаику, который бы помнил только лишь мою фамилию. Таковых не нашлось. Ничего не мог найти вразумительного и местный акимат. Никаких архивов, говорят, не сохранилось, поскольку и архивы-то столько лет не сохраняются.

В районном центре, в Кургальджино, попытался в местном военкомате отыскать фотографию отца, какой был здесь до войны на прописке, как тракторист получил от военкомата какую-то бронь и только на другой год войны вместе с другими механизаторами тракторного парка был мобилизован и взят на фронт. Не нашлось в военкомате отцовской фотографии...

Так и не знаю я, какой он был, как выглядел и похож ли я хоть чем-то на него. Матушка говорила, что я вылитый отец. А мой старший братан, какого нет на свете уже целых пять лет, а сестренка, какой через пару лет так же стукнет восьмерка?

Да, в те далекие довоенные годы люди фотографироваться не спешили, да и фотографов-то, по сути, не было. Это сейчас щелкаются, аж пыль столбом, а тогда... Ах, что вспоминать тогдашнюю жизнь. Была она трудна, бедна и голодна. Это теперь мы расправили крылья и смело идем к своему счастью и к своему будущему.

ГЛАВА 10

Не знаю, кто как в моем поселке и в моем оживленном железнодорожном крае, только мой поселок, мой Агадырь мне нравится больше всего, что я видел на своем веку. Это, может, больше оттого, что я прикипел к нему на полные шестьдесят лет. Менять место жительства никогда не решался, хотя и были мгновения.

После распада СССР и рождения СНГ из самой большой организации поселка, локомотивного депо, уволилось сразу тридцать пять человек с женами и детьми. Немало было и одиночного холостого народу. Не знаю почему, но все почему-то подались в Кемерово и на Алтай. То ли туда кто то до этого поехал на разведку и, пронюхав все за и против, дал добро на выезд из Агадыря. Выехали большей частью локомотивные бригады, то есть поездики, какие водили поезда. Как их приняли Кемерово и Алтай, не имею представления, поскольку этим абсолютно не интересовался. Воі не интересовался, как будто они были мне чужими, хотя я был таким же деповчанином.

Как бы ни было, а ни один из уехавших не возвратился. Проходило время, и уехавшие агадырцы сообщали о себе, что лаптями щс не хлебают, работают и жильем обеспечены и живут, по сравнению с Агадырем, истинно на широкую ногу, так широко, что уже новых детей народили.

Имея такие вести издалека, я все равно остался верен своему депо и своему Агадырю, какой стал моей жизнью и моей судьбой. Отдал депо сорок лет, оно же меня и выпроводило на «дембель», как у нас в депо любили назвать свой заслуженный пенсионный отдых. На этом самом «дембеле» я уже целых семнадцать лет. А в марте текущего я отметил свой восьмидесятилетний юбилей, о каком не ведал ни один деповчанин и ни один агадырец, кроме агадырского акимата, дай ему Аллах здоровья и благополучия.

А в приближающемся августе агадырская общественность будет отмечать своему поселку такой же, как и у меня, восьмидесятилетний юбилей. История Агадыря отмечает, что в конце 1935 года закончилось строительство железнодорожной ветки «Караганда - Балхаш». Где-то на середине этого длинного участка в маленьком станционном поселке Агадырь и было построено и сдано в эксплуатацию паровозное депо.

Его приписной парк на первых порах состоял из двенадцати маломощных паровозов «Ов» и «Оа», названных в народе «овечками». Здание было не такое, какое оно есть теперь. Теперь оно громоздкое, в три этажа, с цехами надве и три канавы, означающее, что на ремонт можно загонять сразу пять локомотивов, что, собственно, и делалось при тепловозах в 1959-1982-ые годы. В 1982-ом депо перешло на электровозную тягу, и эти локомотивы будто вообще не ломались и бегали, кажется, вечно.

А первое депо 1937 года было камышовое, имело всего лишь одну ре-

монтажную канаву и один токарный станок. По тому времени агадырское депо обслуживало тяговые плечи «Агадырь - Дарья» протяженностью в 93 километра и «Агадырь - Моинты» с веткой в 137 километров. Вес поездов по тому времени никак не сравнивался с нынешним весом, равным четырем и даже пяти тысячам тонн. Вес тогдашних поездов был как бы не в десять раз меньшим. Коллектив по тому времени уже насчитывал 250 человек, а это уже была большая рабочая команда, могущая даже свернуть горы. Как отмечала по тому времени карагандинская областная газета: «С первых лет своего существования коллектив паровозного депо Агадырь активно включился в трудовой ритм страны, способствовал быстрому индустриальному развитию Карагандинского угольного бассейна и Балхашского медеплавильного комбината. Большой вклад коллектив депо внес в исполнение заданий первых пятилеток».

А дальше история Агадырского депо и самого Агадыря говорит, что до 1940 года Агадырь находился в составе Омской железнодорожной дороги и только с июня 1958-го в составе Карагандинской железной дороги, которая, оывается, тоже существовала у нас в Казахстане.

История Агадыря говорит также, что осенью 1941 года коллектив локомотивного депо Агадырь принял эвакуированных рабочих из паровозного депо Дарница. С помощью рабочих и специалистов этого депо был основан скоростной подъемный ремонт паровозов.

Деповская общественность Агадыря нынче также готовится к своему восьмидесятилетнему юбилею, какой совпадает и с юбилеем поселка. Каким депо было пятьдесят и тридцать лет назад, вспоминать не хочется. Было время, когда в депо работали аж 700 человек, и рабочие все равно принимались. Правда, было тогда коммунистическое время. Теперь этой лафы в депо нет. Народу в нем мало, как бы не столько, сколько было восемь десятков лет назад. А все, наверно, как наступили другие времена. Паровозы свое отслужили и ушли на покой, а на смену им пришла современная техника, такая как тепловозы и электровозы. И все равно депо готовится отметить свой юбилей, как готовится отметить его и сам Агадырь.

В августе 2007-го Агадырь уже отмечал свое семидесятилетие. За минувшее десятилетие Агадырь сделал еще один шаг в своем развитии, росте и благоустройстве. В этом плане хотелось бы напомнить и сделать выписки из статьи «Агадырь - есть движение», помещенной в «Индустриалке»

от 14 августа 2010 года. В статье говорилось, что акимат области рассмотрел проект на 2010-2013-ие годы. В этом проекте комплексного плана развития Агадыря говорилось, что «основной целью комплексного плана является повышение уровня жизни и благосостояния населения на основе развития промышленности, малого предпринимательства, инженерной инфраструктуры, доведения основных социальных показателей до установленного уровня».

Рассмотрим социальную структуру, которая включала в себя строительство нового детского сада, ремонт всех трех школ поселка, подобный ремонт Дома культуры, библиотеки, центрального парка культуры и отдыха и стадиона. Читая эти документированные строки той самой статьи, хочется отметить, что намеченные проектом задания выполнены в полном объеме. Большой, красивый трехэтажный детский садик из красного кирпича был построен, школы отремонтированы, центральная пешеходная аллея парка выложена красивой цветной плиткой, стадион так и вовсе покрыли какими-то зелеными полотнищами, что нынче практикуется как бы не повсеместно. Ко всему, по центральной улице поселка тротуары выложены такой же цветной плиткой и обрамлены фигурной металлической инкрустацией. Выложена плиткой и большая привокзальная площадь. В парке поставлена большая сценическая установка для летних торжеств и мероприятий. Конечно, раз есть сцена, значит, есть и места для зрителей.

Что бы ни говорили, а Агадырь к своему юбилею пришел подготовленным. А чего бы ему не сделать те работы, какие были намечены комплексным планом роста и благоустройства поселка, когда областным акиматом ему было выделено для этого аж целых два миллиарда тенге! Агадырцы не знают, как благодарить свой Карагандинской областной акимат за такую драконовскую сумму. В благодарность они готовы трудиться похлеще знаменитого в свое время шахтера Алексея Стаханова, правда, не карагандинского.

Как бы там ни было, а Агадырь живет, дышит полной грудью и хорошо готовится встретить свой восьмидесятилетний юбилей. Кроме «мирных» организаций поселка, юбилей готовятся встретить и железнодорожники. Десять лет назад семидесятилетний юбилей агадырцы отмечали на свой День железнодорожника. Как будет теперь - неведомо, возможно, и теперь будет то же самое. Депо, по истории, как раз и стояло в истоках этого

большого юбилея. В единении юбилея поселка, депо и железнодорожников - сила и устремленность, вера в свой красивый, вновь нарождающийся поселок, который остается молодым и деятельным и в свои восемьдесят лет. Агадырь сегодня живет в своем новом житейском поле, живет душой, умом и сердцем, своим временем и своей судьбой.

А зори агадырские я встречаю уже шестьдесят лет. Просыпаюсь спозаранку и иду вдоль железнодорожного полотна, вдоль степных просторов, где пролегает и накатанная степная дорога. Думаю, это работа окрестных шоферов, живущих на станциях и разъездах. Когда Агадырь с 1973-го по 1997-ой был райцентром своего же Агадырского района, попасть в свою районную столицу по своим делам мечтал не один житель железнодорожных и окружных поселений. Добирались до Агадыря поездами, на лошадях и на лошадиных повозках, а самые боевые и отпетые - на собственных машинах.

Такой маршрут в пять-шесть километров в оба конца - рекомендации медиков, для каких движение - это не меньше как жизнь. Ну как не воспользоваться этим самым движением? В молодости я ходил нечасто, а на «дембеле» - ежедневно, поскольку пенсионеру время просто некуда девать.

А идя этой накатанной степной дорогой, всегда вижу мой Агадырь. Конечно, он не тот, что был шестьдесят лет назад, когда я судьбой был заброшен сюда после окончания Акмолинского железнодорожного училища. Был он тогда сплошь одноэтажным. Правда, украшали поселок двухэтажная школа и с десяток каменных и деревянных жилых двухэтажек. Теперь картина совсем иная. Когда строилась железнодорожная двухпутка «Караганда - Чу», строился и Агадырь. На его пустынной окраине выросли аж два микрорайона с двадцатью двухэтажками по восемнадцать квартир в каждой и восемью трехэтажками, но уже с двадцатью четырьмя квартирами. Железнодорожные строители в центре поселка отгрохали три пятиэтажки, а райончики - свою пятиэтажку, трехэтажную школу и большую двухэтажную по другую сторону железнодорожного пути, который разделил поселок на две части.

Агадырем я не перестаю любоваться и теперь, теперь так особенно. В нем асфальтированы главные улицы, проложены тротуары, и в людях я вижу какое-то открытое стремление видеть свой поселок боевым и дея-

тельным. Железнодорожного народу в Агадыре много, а железнодорожники всегда были на передовых участках жизни, борьбы и труда. В свой юбилей агадырцы готовы погордиться своим поселком и сказать, что они любят его, живут его жизнью, какая возвышает всех, кто здесь живет.

Многих агадырцев я знаю не менее как лет шестьдесят. Конечно, это в большинстве деповской народ, с каким я жил, работал и общался все сорок лет, какие я отдал своему депо. Как бы ни было, а депо я все-таки кланяюсь. Ну кто я был до него? Обыкновенный двадцатилетний пацан, какой никак не хотел уходить из своего детства. Чего я умел делать в эти свои двадцать? Абсолютно ничего. Училище, правда, научило меня ремонтировать тепловозы, на какой мы, училищная братва, до этого просто бросались с вилами.

В агадырском депо тепловозы надо было ремонтировать без раскачки, поскольку на ремонтный процесс отпускалось определенное время. КТО (контрольно-технический осмотр) следовало уложиться, кажется, в восемь часов, а на малый периодический, кажется, давались сутки. Память этих сроков не удержала, но знаю, что они были сжатыми. Был еще большой периодический ремонт, на каком снимался верхний коленчатый вал длиной как бы не все четыре метра, а если требовалось, то менялись поршни и цилиндры втулки ростом в половину человеческого роста.

Теорией мы, училищная братва, были подготовлены грамотно и классно, а вживую к тепловозу начали прикасаться только здесь, в депо. В училище, конечно, мы держали в руках и ту же форсунку, и тот же индикаторный кран, и тот же поршень с цилиндрической втулкой, а здесь их надо было ремонтировать, менять, у форсунок так делать притирку форсуночных игл и прочие работы. За пятнадцать лет моей слесарной работы ума-разума с тепловозами я нахватался, да так, что мне дали самый высокий слесарный разряд, а с доски почета я не сходил годами. Как-никак, а моя большая фотография на этой самой доске мне почему-то нравилась, и я ходил по депо истинно с поднятой головой. В целом же мне никак не хотелось выделяться из семисотенного деповского коллектива, но то делало деповское руководство и деповское начальство большого и малого полета. Моего желания о том никто не спрашивал, мне приказывали встать перед фотоаппаратом приглашенного фотографа, я и становился перед ним. Обо мне говорили, даже писала московская газета «Гудок».

Ну, пишут - пусть пишут. Я в то время был и комсомольцем, и коммунистом до конца существования этой самой коммуны. А дальше меня поставили мастером на ПТО, где мне подчинялись десять слесарей и две аккумуляторщицы, в обязанность которых входило заливать специальной водой аккумуляторные батареи тепловоза, каких на обоих тепловозных секциях был не один десяток. Пока тепловоз проходил технический осмотр, заправку песком, топливом и специальной подогретой водой, аккумуляторщицы должны были справиться со своей работой. Бывали случаи, особенно летом, когда наши девчонки не успевали сделать свою работу, из-за чего я хвастался за банки с водой сам. Помогали мне и свободные слесари, какие свою работу уже сделали. Девчонки меня благодарили, потому как за срыв они могли бы лишиться премиальных.

В целом же работы хватало всем. За какой-то час ПТОшного времени ходовики должны были сменить тонкие тормозные колодки на рабочие, дизелисты - заменить те же индикаторные краны, какие троили и пыхтели. Хватало работы и электрикам, и автоматчикам, и ходовикам. Электрическая приемная камера никогда не пустовала, потому как электрикам там всегда работы хватало.

В депо начальство было довольно моей работой и моей новой должностью. С доски почета я по-прежнему смотрел на мир и людей уверенно и вроде даже надменно. А чего? Пахал действительно как папа Карло, не жалея себя. Если ходовики не успевали сменить изношенные колодки, то хватал громоздкий ключ и я, крутил тягу, на которой держалась колодка, и таким образом мы успевали сделать всю работу, пока тепловоз проходил техосмотр и заправку всем необходимым — водой, песком, топливом. Песок был специализированный, мелкий, его готовили и сушили работницы ПТО, и он автоматически попадал под колеса локомотива, когда тот трогался с места. С песком была лучше связь колеса с рельсом, оно не буксовало, а крутилось и набирало скорость. Свою мастерскую службу я усвоил основательно. Начальство мною было довольно, за что я даже премировался.

В общем, три года на ПТО я отмастерил. Худо, бедно ли, а локомотивные бригады были довольны. Все их записи по бортовым журналам моими слесарями выполнялись от и до. Моей первейшей задачей при заходе локомотива на канаву было ознакомиться с бортовым журналом и выписать на свою бумажку все замечания и неполадки, замеченные локомотивной

бригадой в пути следования. Выполнение работ по этим записям я контролировал особенно дотошно. Не знаю, как поступали мои сменщики. только у меня было заведено именно так. После двенадцати часов ночной работы мы уходили на заслуженные сорок восемь, а как там было у наших сменщиков, нас вроде бы и не интересовало. Нам дорога была наша смена и наша работа...

Конечно, меня интересовало все. Все-таки над нами был еще стар - ший мастер и начальник ремонтного цеха. Я перед ними отчитывался на их планерках и, кажется, всегда был в первом ряду среди передовиков. Другим мастерам, бывало, крепко доставалось за те или иные упущения. Локомотивные бригады писали на них рапорты, отчего им приходилось принимать от начальства и выговоры, и лишение премиальных.

После трех лет моей пахоты в должности мастера, в 1973-ем я по собственному желанию увольняюсь из депо и поступаю в только что прибывшую в Агадырь новую железнодорожную организацию под названием «ГОРЕМ-29». Причиной моего ухода из депо считал бездумное и даже наплевательское отношение руководства депо к моей судьбе. За пятнадцать моих слесарных лет я окончил ШРМ (школу рабочей молодежи), затем КазГУ и со своим гуманитарным дипломом журналиста все пять лет пахал тем же слесарем. У деповского начальства не было даже в мыслях перевести меня куда-то в техотдел или в отдел снабжения, где бы я мог применить свои навыки по гуманитарной дипломной профессии. Снабженец, к примеру, должен уметь мыслить и говорить со своим клиентом, уметь что-то у него требовать или что-то предлагать взамен.

Руководство депо в общем на мой диплом внимания не обращало, хотя я отдал ему шесть лет заочки. Ну, мое университетское образование руководство депо несколько не трогало. Заимей я диплом технического характера, то мне наверняка бы нашлось место в том же техотделе или в каком-то мастерстве. С моим дипломом ничего для меня вдепо не находилось, кроме как из слесарей перевели меня в мастера, за что я благодарил руководство депо. Моего же мастерового терпения хватило на три года, после каких я и подался в этот самый «ГОРЕМ», где мне с ходу предложили должность замначальника снабжения. Им оказался бывший военный человек, майор Михаил Топорков, какой через год готовился на свой настоящий гражданский «дембель», поджатым его кровными шестью десятками.

Мне же тогдашний начальник «ГОРЕМа» Владимир Иванович Стороженко слово «ГОРЕМ» расшифровал как «головной ремонтно-восстановительный поезд», задача какого с самого его рождения в 1942-ом заключалась в строительстве и восстановлении железных дорог, порушенных фашистами, а также вокзалов и жилых домов для железнодорожников. Так было в далеком 1942-ом, так осталось и теперь. Перед приездом в Агадырь "ГОРЕМ" построил железнодорожную ветку «Балхаш - Саяк» со всем железнодорожным обустройством.

Теперь я лично кланяюсь этому самому восстановительному поезду, где за мои пятнадцать лет начальника снабжения у меня было неисчислимое количество командировок, приведших меня даже в далекую и неведомую для меня Чечню с ее Грозным и Бесланом, какой и был моей конечной целью. В этом самом Беслане выливались тринадцатиметровые бетонные опоры для линии электрификации железнодорожного пути всего Союза. Понадобились они в те далекие 70-ые годы и для электрификации железнодорожного участка «Караганда - Чу». За этими самыми опорами дороги приводили меня в Ростов и в Черногоorsk, что в каких-то двадцати верстах от Абакана. Все те мои снабженческие дороги, вложившиеся в три пятилетки, вылились сегодня в книгу воспоминаний «Мои дороги», которая пока тоже где-то бултыхается по издательским домам.

Книга не художественного плана, где часто звучат риторические речи, красота молвы и изречений, а чисто прозаическая вещь мыслей и воспоминаний. Не знаю, как посмотрит на книгу редакция «Классика», только мне лично книга почему-то понравилась. Понравилась, может, потому, что в ней отражены двадцать пять снабженческих лет - пятнадцать «горемовских» и десять деповских, какие пали на годы, когда «ГОРЕМ» свое отжил и был расформирован. Эти десять уже деповских лет тоже бросали меня по Казахстану и по России, за что я кланяюсь своему депо. Оно меня со снабжения и выпроводило на «дембель» в первые дни нового 2000-го.

В «Моих дорогах» я, кажется, охватил всю мою двадцатипятилетнюю снабженческую жизнь. Эти четверть века моей жизни вылились в дороги летные, поездные, автомобильные и даже водные, какие теперь мне, старику, только вспоминаются. Что-то где-то позабылось, но что-то и сохранилось в памяти и в сердце. Старики падки на воспоминания, вот ударился в эти воспоминания и я в последней книге. Думаю, ею и закончу свою

писательскую деятельность. В марте 2018-го мне стукнет уже восемьдесят один, а это будет означать, что я уже иду по своему девятому десятку.

Как долго они протянутся, не представляю, только, как мне кажется, о себе я сказал все. В своих тринадцати книгах я сообщил, где родился и где крестился, кто были мои отец и мать, какие были у меня брат и сестра и как сложилась у них жизнь.

А о себе моя «Душевная повесть» так вообще вылилась со всеми мелочами моей жизни. Писал же я о том, что удержала моя стариковская память. Хотя бы то, как пятилетним сидел у отца на коленях и как мимо наших окон пробегали с винтовками мужчины, каких готовились забрать на настоящий фронт, где на них наденут настоящую солдатскую форму и дадут в руки настоящее оружие, а не учебное. Такую же учебу проходил и мой отец, когда их посадили на какую-то бронь. Конечно, на брони мужики работали и даже упирались рогом, но военкомат заставлял их проходить и военную подготовку. Все делалось под руководством военных людей, чего, скорее всего, требовало время и начавшаяся война.

Конечно, в «Душевной повести» я рассказал о школьных годах, о пропускных карточках военного времени, какие не всегда кормили досыта, о походах нашей аульной пацанвы на паслен, за щавелем и степным луком. Голод заставлял нас, пацанов, питаться даже тем, что давала наша простая казахстанская земля, ее огороды и ее бескрайние степные просторы. Мы, дети, умели ценить хлеб, какой доставался нам по карточкам. За завтраком, обедом и ужином хлеб съедался с приварком целиком, и мы, дети, не чувствовали себя голодными, а побегав по улице, так и тянуло к сухой корке и к хлебной горбушке. Матушка хлеба не давала, а ложилась на стол несколько картофелин в мундире, какие мы уминали без всякого хлеба.

Не хочется вспоминать те годы, но они лепятся, лезут и выпячиваются чуть ли не на всю мою жизнь. Как бы там ни было, а жизнь свою я, по сути, прожил. Прожил, как все, где-то с бедностью, с голодом и холодом, а где-то с хлебом, с песней и баяном. На «дембеле» так у нас вообще с моей женой все идет о'кей. Две наши железнодорожные пенсии нас хорошо кормят и одевают, дают и раскошелиться на деликатесы, и что-то даже отослать нашим детям на их день рождения, Дети нас за это ужасно кроют: мол, они сами хорошо у себя на Алтае зарабатывают и в лишних деньгах не нуждаются.

Ну, мало ли чего там говорят наши дети, а мы с моей бабушкой свое дело знаем туго. Буквально на днях так я привез прямо из Караганды плоский телевизор, какой часто и густо мелькает у Якубовича в его передаче. У нас с бабушкой есть наш старый «Самсунг», какой, несмотря на свои немолодые годы, отменно и четко пашет целыми днями, а то иногда и ночь прихватывает. «Самсунг» наш остается на своем месте в зале, а плоскую новинку разместили в спальне. Пашет она добросовестно, что Гульчатай моя приветствует. В благодарность она даже налила мне какой-то наливки вроде портвейна или пунша.

Мне ничего не оставалось, кроме как поблагодарить свою суженую и сказать, чтобы программы она выбирала сама по своему вкусу. Я в них не разбираюсь, а она своим женским чутьем знает, на что надо нажать и на какой выйти канал. У женщин на этот счет больше сообразительности, чем мужиков, какие шныряют по каналам и выискивают по ним, где без зазрения совести бьют морды, а то и вовсе убиваются насмерть палками, ножами, а то и привычными пистолетами, какие неизвестно где и как достают. Это сейчас транслируют почти на всех каналах. Давняя и забытая "Свинарка и пастух", «Волга-Волга», «Иван Бровкин» да «Максим Перепелица» телевизионщикам и даром не нужны, как не нужны «Свадьба с придаными», «Свадьба в Малиновке» да «Дело было в Пенькове».

В целом, в телевизионном выборе я надеюсь только на свою Гульчатай. За пульта вообще не берусь месяцами, а то и годами. Мою же склонность Гульчатай знает. Мне подай «Новости», а там выбирай то, что твоей душе угодно. Фильмы - на твой вкус и цвет. Будет интересно тебе - значит, будет интересно и мне.

В нынешней телепрограмме хорошие передачи идут обычно после 00.00. Тот же, скажем, «КВН» с нуля и до половины третьего ночи. Удивляюсь: кто такой смелый находится у ночного экрана? Мы с Гульчатай так уже в одиннадцать отбрасываем копыта и давим на всю железку до утренней зари. Женка утром спрашивает:

— Как спалось, Сегизбай Калкенович?

Я отвечаю:

— Абсолютно без сновидений и, кажется, на одном и том же боку.

— Да и я то же самое. Может, это так и должно быть у стариков?

— Кто его знает, какова природа старого человека. Он ведь может и

среди бела дня ударить час-другой и будет считать, что все так и должно быть...

— Но мы-то днем не убаюкиваемся, всегда находим для себя занятия. Бабки мои, что посиживают на завалинке, так даже хвастают тем, что они днем храпушкают к теперь не знают, будут ли отдаваться в объятия Морфея ночью. Наверняка придется сидеть у «ящика» и ждать, что он там будет гнать в ночное время. А коль сон ударит, можно и подействовать ему.

— Но я-то, Кадиша Туkenовна, спать днем не могу, поскольку меня до-
нимает писанина...

— Она донимает тебя, Абдрахман, и ночью.

— Потому, Жанар, и родилось у меня аж тринадцать книг. Думаю, с последней, «Душевной повестью», я завяжу с писаниной. Можешь мне потом поручать любые задания, и я их непременно выполню. Скажешь, привези мне из Караганды то, это - я привезу. Вот обещает приехать к тебе внучка с дочками? Обещает, а для этого их надо хорошо встретить. Детям так надо привезти больших, красивых, интеллигентных кукол, каких мы часто видим у Якубовича на «Поле чудес». Подобных кукол только и можно достать в Караганде. В Агадыре их отродясь не было: то ли мы их не видим, то ли не успеваем захватить.

— Когда понадобится, я дам тебе такое задание. А пока занимайся, пиши, может, родишь и четырнадцатую книгу вроде нашего семейного романа.

— Думаю, Жанар Калкеновна, на такой роман меня просто не хватит. Я и так отдал себя литературе всего. Думаю, что с писаниной пора завязывать. И ты будешь спокойна, и я. Я думаю, что съедаю свой ум и свои мысли и боюсь, когда мне будут в мой последний час закрывать мои глаза, я не буду знать и видеть, кто это будет делать. Я хочу скопытиться в памяти, и чтобы рядом была только ты, Жанар Туkenовна. Как поется в какой-то песне: «По моей судьбе и впрямь потопталась судьба, какая поведала мне, что во всей моей жизни и слава, и счастье, надежда, любовь и борьба». Борьба больше с собою, со своими врожденными привычками, с моим аульным характером, всегда тяготеющим к коллективу, к людям, к детям, к стихам, к родной литературе. Я им отдал себя всего и хочу только одного - чтобы меня читали.

- И я того же хочу, Азамат Калкен-оглы, а вот захочет ли тебя читать читатель - Бог весть. Время нынче такое настало, что людям не до книг.

Мододежь вообще за них не усадишь, даже самую новую и продвинутую, а старики свое так отчитали еще в коммунистическое время, когда народ к чтению просто тянулся. И правда, не ведаю, будут ли тебя читать. Тринадцать книг, Марат Тукенулы, это же целое собрание сочинений, какое лежит в нашей библиотеке пень пнем, и никто к нему не прикасается. Библиотекаря даже возмущена своими читателями, какие берут всех подрид, а на тебя ноль вниманья и два презренья.

- Да, нынче время, в общем-то, не читательское, а интернетное. Но я в своих книгах сказал все, что я хотел. Я показал мой мир прошлого и нынешнего времени, людей прошлых лет, какие еще помнились, и нынешних, какие живут рядом с нами, ходят с нами по тем же улицам. Люди нынче разодетые, красивые, но сами по себе. Им дороги и близки свои мысли и свои действия; общность, общественность, коллективизм им не для их души. Забота о себе - прежде всего. Такого в наше старое коммунистическое время не бывало, потому, Жанар Сегизбайулы, мы с тобой, выходит, остались передовыми людьми своего времени. Мир, характер и душу нашего прошлого мы с тобой принесли и в нынешний век, но он его плохо принимает. Не принимает, потому как у него своя теория жизни. Хозяин киоска, магазина, пекарни, столовой, кафе, любой торговой точки думает только о прибыли. Нынче деньги просто делают жизнь людей.

В наше с тобой время такой падкости и напасти на деньги не было. Мы жили любовью, общением и помощью друг другу, почему нынешний век и нынешний его народ должны уважать свое старое поколение, которое проложило дорогу для нынешнего века и для нынешних людей. Вот такие у меня мысли, Жанар Касымбеккызы...

Ну, рассуждать о жизни, времени и о себе я могу. Эти рассуждения по-своему и вылились в моих книгах. Нечто подобное я сказал и в своей «Душевной повести», какой и хочу закончить свою творческую и писательскую деятельность. Что-то говорил о себе триста лет назад и Жан-Жак Руссо в своей книге «Исповедь».

В заключение же своей «Душевной повести» я хотел бы пожелать читателю здоровья, благополучия, богатства, счастья своего семейства и желания видеть перед собой писателей всех мастей и всех талантов. Как ни крутись, а у всех у них свой мир, своя душа, свое стремление общения с людьми и с миром.

Моя внучка Марина Иванова и ее
дочери Настя и Карина (маленькая).

А это та же Марина, но в свои
двадцать семь.

ГЛАВА 11

Прочитывая главы «Душевной повести» в своих черновых набросках, я заметил, что чего-то мною в ней не рассказано. Ну, напомнил, как газеты при коммунизме относились к разным неурядицам страны, что писать о себе нескромно, однако писатели мира делали это, чего уподобился и я, состряпав свою «Душевную повесть», схожую с трехсотлетней давности "Исповедью" Жан-Жака Руссо. Что-то я молол о своих сверстниках-одноклассниках, о железнодорожных страданиях локомотивных бригад, во-
дящих поезда, какие у нас в Казахстане уходят на «демпель» в пятьдесят девять лет, а в России - в пятьдесят пять. Писал о том, что образование и лечение у нас в Казахстане до СНГ было бесплатным сплошь и рядом, а при СНГ стало сплошь и рядом платным, какое раздвевает население страны истинно о'натюрель, что означает - догола.

В последних девятой и десятой главах я - настоящий долбаный пенсионер с пенсионными замашками писать стихи и прозу, на какие потрачено целых пять лет. Годы эти не прошли даром, поскольку я родил аж целых тринадцать книг всякого формата и достоинства. В последней книге, какой я почему-то дал кличку «Душевная повесть», о себе я, кажется, сказал все. Только какая-то мысль, однако, точила меня: а чего же ты, прореха на человечестве, ничего не сказал о первой любви, о первом поцелуе, какие непременно должны быть у любого пацана семнадцати-восемнадцати лет, заканчивающего свою школьную десятилетку? В десятом классе молодежь как раз и влюбляется, потому как она знала о Ромео и Джульетте и прочих героях большой классической литературы.

Конечно, нечто подобное было и у меня, и у моих друзей, какие были посмелее меня и могли на месте рвать подметки. А я в целом был тихоня тихоней и подойти к девушке кавалером - боже упаси! На школьных вечерах я больше отсиживался с такими же буками и тихонями, тогда как другие парни рассекали воздух с девчонками в вальсах и разных затеях. Я же этого делать не мог, потому как просто стеснялся себя и всех присутствующих. Крутить вальсы я не пытался, потому как никогда этого не пробовал, ни в какие игры не встречал из-за своей застенчивости и какой-то

врожденной пришибленности, делающей меня не мужиком, а самой на стоящей бабой-ягой. Но баба-яга, однако, летала по свету на своей метле. общалась с людьми и приносила им вред, а я даже вреда никому не мог принести, сделать кому-то больно и обидно. Вот жил сам собой, варился в собственном соку и считал, что по-другому я просто не могу, не приучен ни людьми, ни жизнью.

А в нашем десятом жизнь шла, как и всюду. Девчонки постоянно ходили чистенькие, наглаженные и красивые и даже умели строить парням глазки. Девчонки всегда отличались большей смелостью и сообразительностью, чем наше мужское поколение. Я так вообще выглядел тухлой-матухой, затурканным неандертальцем, тогда как другие парни могли пригласить девушек на вальс, предложить мороженое или лимонад, а то и целую шоколадку или «Мишку на Севере», какого девчонки особенно любили. Конфеты хоть и дорогие, но ради престижа на что только не пойдешь...

Да, черт возьми, я тоже мог бы сделать то же самое, поскольку деньги в кармане всегда были. Матушка как жена солдата, сложившего голову на полях войны, с особой любовью относилась ко мне, поскольку я, по ее словам, был вылитый отец, а потому делала для меня многое. Как можно лучше одевала, кормила и давала деньги просто так - авось пригодятся. А я, по сути, понятия не имел, на что тратить эти деньги. Я не курил, не ходил на пиво, не увлекался сладостями, а вот концерты и кинохи в нашем поселковом клубе я не пропускал. Другие парни из нашего класса, как я точно знал, умели и курить, и ходить на пиво, а самые шустрые так умудрялись сброситься по «рваному» и взять бутылку вина, а то и самого черта - «Московскую». Я ничего этого делать не умел и не старался учиться, хотя меня не раз приглашали парни в свою компанию. За отказ быть с ними меня называли «поп Гапон» и старались обходиться без меня.

Что мои друзья уже встречались с девчонками и даже целовались, я знал и по-хорошему им завидовал. Про себя же думал: смелым надо родиться. Смелые ведь и правда города берут и в плен хватают всех подряд, а женщин так в первую очередь. Я же родился тихоней, стеснительным и неуклюжим рохлей, какой умел лишь читать книги и удивляться их героям, какие могли на месте подметки рвать, как это делал лермонтовский Печорин. Мог нечто подобное делать и Грушницкий, но у него не было

той хватки, что у Печорина. Где-то Грушницкому уподоблялся и я, но еще в большей степени.

А мои одноклассники не умели, как я, сидеть дома статуями. Они ходили с девчонками в кино и на концерты, на школьные вечера, умели курить и целоваться, а то и вовсе объясняться в любви. Говорил же мой близкий друг Миша Буримов, что он в эту весну так объяснился в любви Польке Казаковой, какая эту любовь приняла и даже дала себя долго и долго целовать после одного из любовных кино. Я завидовал Михаилу, но спросить, как это делается, постеснялся.

А надо бы! Ну, во-первых, что сказать, к примеру, Любе Мамоновой или Вале Гаврилиной, какие мне нравились обе сразу? Спросить, как идут уроки, как даются домашние задания? Так это же и дураку понятно. А о обычно говорят парень с девушкой? Ладно, в классе ни о чем подобном говорить не принято, а когда дома, на улице, во дворе, у клуба, куда молодежь стекается не ручьями, а целыми морями? Подойти к девушке, говорил мне Михаил, надо уметь, а коль сумел подойти, значит, умей и говориться. Вот всего этого я как раз и не могу...

Что меня больше всего удивляло, так это то, что на меня в классе ни а девчонка даже глаз не положила, тогда как на других они просто вешались. Ну чего бы не повиснуть на том же Михаиле Буримове, какой был выше меня ростом, круглолиц, с постоянным румянцем на щеках, а волосы так от природы курчавились, как у заправдашнего негритоса! Потом, Михаил умел крепко наглядить свои брюки и рубаху, а туфли надраивал так, что хоть смотреть в них, как в зеркало. Умел подойти Михаил и к девчонке, умел предложить то же мороженое и тот же лимонад. Предлагал Михаил дружбу и девятиклассницам, и они отвечали ему взаимностью. Я же ничего этого не умел и не знал, как будет в дальнейшем складываться в этом плане моя судьба.

В целом о судьбе я еще не задумывался, но в десятом мне стукнуло аж восемнадцать, а это обязывало хоть как-то задумываться о себе, о своей дальнейшей жизни. После школы надо хоть куда-то рвать когти. По слухам, несколько девчонок, таких как Люба Филатова, Тамара Тюковина, Жанар Каракисекова и Дарига Исмаилова нацелились в медицинский институт; Валю Гаврилину и Любовь Мамонову почему-то привлекла железная дорога, и они нацелились с аттестатом податься в железнодорожный

институт. Если туда провалятся, то пойдут в железнодорожный техникум, какие тоже существуют на земном шаре, а в Акмоле он так точно существует.

Насчет парней так я вообще ничего не знал. Одни говорили, что их подберет армия, только после нее и надо будет думать о своем будущем. Парни уже имели, как и я, приписные свидетельства, выданные военкоматами, какой призовет нас в армию на три года, а уж после надо будет каждому думать о себе и о своей судьбе. На здоровье я не жаловался, и в какие меня возьмут войска, не представлял. Простыш пехотинцем быть я годился, тогда как Михаилу военкомат сказал, что быть ему моряком.

Как бы ни было, а десятый мы добивали до самой целины. А это уже был 1955-ый. В апрельскую распутицу я без всякого предупреждения школьного начальства, как передовой комсомолец, школу оставил и подался в первый же целинный совхоз, какой организовался в нашем Астраханском районе, что на Акмолинщине. Прошел краткосрочные курсы трактористов, и меня посадили на новый ДТ-54. Работать я умел, отчего трудился от зари до зари, до захода солнца, поднимая жирный целинный пласт.

Что удивляло, о целинниках я начал писать стихи, статьи и очерки, чем удивил свой целинный народ, какой в этих стихах и статьях появлялся. Газеты меня хорошо тискали, а дирекция совхоза даже объявляла мне благодарность и баловала премиями. Не знаю почему, но целинный народ мне нравился. Был он ужасно трудолюбив. Тогда все не иначе как молились Хрущеву и коммунистической партии, какие затеяли такое великое дело, как целина. Эти мысли целинников я подхватывал и тискал в областной газете, какая от таких статей никак не отказывалась. Было время, когда мне редакция даже давала задание написать о том-то и том-то и о целинниках, какие покинули Волгу и Днепр и примчались на казахстанские Ишим и Иртыш.

Отпахал я на целине две весны и в свои двадцать понял: целина — это не мой путь и не мой пожизненный хлеб. Моим хлебом должна стать железная дорога, потому как я жил на большой железнодорожной станции и видел железнодорожников в их необычной привлекательной форме, да еще с погонами белого цвета, а также со звездочками и лычками. На эту дорогу я и подался и отдал ей сорок лет своей жизни, какая в первых чис-

лах уже нового 2000-го проводила меня в торжественной обстановке на «дембель». Теперь, как видно, я тунеядствую уже целых семнадцать лет. Вместе со мною тунеядствует и моя женка Гульчатай Калкеновна, имя какой я взял из известного фильма «Белое солнце пустыни». На самом же деле моя женка - Раиса Ильинична, для какой и я кличусь именами героев телефильмов разных лет.

А школа и мой десятый класс, оставленный мною незаконченным, вспоминаются мне и сегодня на моем глубоком «дембеле». Уход мой на целину делался мною шито-крыто. Пока у меня об уходе только зрели мысли, какими я ни с кем не делился. Не знаю, наверно, я считал себя передовым комсомольцем, который поддерживает призыв партии податься на целину и поднимать веками пустующую степь. Перед отъездом на целину я так же делал уроки и домашние задания, так же, как и все, отвечал у доски. А вечерами, опять же, как и все, отирался у клуба, покупая билет на какой-либо из фильмов. На одном из таких фильмов встретил Любу Мамонову, какой я взял билет, как и себе, чтобы сидеть рядом. Фильм был, кажется, «Свинарка и пастух», какой нам крайне понравился. После фильма в вечерний час спросил у Любы: можно ли ее проводить домой?

- Ну ты даешь! Не можно, а нужно. Какой это мужик, если оставит девушку одну в ночь лунную?

- Оно и правда, Люба, только я прежде никогда этого не делал, потому как с девочками никогда не ходил и никогда не встречался. Во мне до сих пор жива моя аульная психология, психология аула, где я родился. Население аула было в большинстве казахское, а казахи - это такой дисциплинированный и жизнелюбивый народ, который знает тонкости человеческого общения, тем более парня и девушки, какие должны соблюдать какой-то жизненный регламент...

Так и шли мы с Любой по тихой, безлюдной и темной жалтырской улице до самого Любиного дома. Жалтырские улицы, как я знал, никогда не освещались, как никогда в то время не освещалась ни одна деревенская улица. В городах в этом плане хоть что-то да делалось, а провинция жила своим тихим, мирным и затемненным миром.

Заходить домой Люба не решалась, просто мы обсуждали с нею просмотренный фильм. Удивлялись трудолюбию тогдашнего народа, для какого труд и честь страны считались во всем первостепенными. Сейчас та-

ких свинок и пастухов надо крепко и крепко искать. Не тот стал мир и человек в нем! Вспоминая героев фильма, я впервые взял Любины руки в свои, содрогаясь от мысли, что она меня оттолкнет и просто убежит домой. Люба ничего не сделала, а просто сказала:

— Что-то у тебя, друг мой, руки холодные...

— Зато сердце горячее...

Я впервые притянул голову Любы к себе и просто впился в ее губы. Она не отстранялась, не брыкалась, не била меня по лицу и не отталкивала от себя. Поцелуй длился бесконечно, я лишь отклонился, чтобы передохнуть и хватануть воздуха. То же самое сделала и она, и сама же первая прильнула к моим губам.

- Веришь, Люба, это первый в моей жизни поцелуй. Целовал я, конечно, и матушку, и бабушку, а с девчонками понятия не имел, потому как не знал, как к девушке подойти и как предложить ей дружбу.

- То же самое было и у меня. Мы, девчонки, в парнях вообще разборчивы, и потому не каждая бросится на первого попавшегося. Когда они целуются, значит, они милуются, а если милуются, то со временем у них дело может дойти и до свадьбы. Такое свет белый видал-перевидал, потому как это жизнь...

- Правильно, Люба, жизнь. Как она сложится у нашего поколения, у ребят нашего класса - неизвестно, только хотелось, чтобы она не обошла и нас с тобой. Не хотелось, чтобы этот вечер был для нас последним. Не знаю, как для тебя, а мне хочется, чтобы этот вечер повторился, а то и повторился. К чему приведут эти встречи, не знаю, только не думаю, что мы останемся простыми одноклассниками. Мне бы лично этого не хотелось.

- И мне тоже, друг мой. На мой взгляд, жизнь должна показать, как и что будет. У нас, у молодых, начинаются свои дороги. Кого куда они приведут, неведомо, но мы должны сами выбирать их. Прежде всего, после школы мы должны думать о дальнейшей учебе, какая даст нам специальность и работу, все остальное будет зависеть только от нас самих. Вас, пацанов, так забреют в армию, а там уж каждый будет крутиться по-своему. Служба - долг каждого молодого человека, какой не должен нарушать ни один советский мужчина призывного возраста. Вы будете служить, а наш долг останется учиться и ждать вас со службы.

- Жизнь показывает: немногие дожидаются своих кавалеров, Навер-

но, это извечная женская логика и психология, женская жизненная философия. Женщины чаще всего отыскивают себе пару, часто и густо выходят замуж за встречного-поперечного, а потом всю жизнь маются, клянут избранника, себя и свое время. Смелые так бросают своих избранников и устраивают жизнь с другим мужем, какая, бывает, продолжается до их седых волос и до их последних дней. Их первые напарники тоже по-новому дслают свою жизнь.

— Мы еще слишком молоды, чтобы думать о сложностях семейной Жизни. Наверное, она будет таковой и у нас, нынешних, нопока мы живем школой и аттестатом. О семейной жизни думать всем нам рано. Нам после школы предстоит постигать новую школу - учебную, рабочую и жизненную, а там уж жизнь покажет, как поступать со своей жизнью и своей судьбой.

- У женщин, как замечено, обычно жизнь складывается более-менее удачно. У мужчин всегда какие-то сложности: одни почему-то ударяются в «родимую», спиваются, теряют работу и семью и в итоге просто отбрасывают копыта. Об этом и печать наша говорит, и медики. Но зачем они нам, Когда мы все это часто и густо видим вживую? Киношники умудряются показать нечто подобное, но там кино, актеры без правды жизни, а мы у себя в жизни пьянку видим вживую.

- У нас в классе есть ребята, какие тоже увлекаются рюмкой. К тому же они еще курят и не дождутся переменки, чтобы выбежать на улицу и засосать свой окуроч. Это и Масадов, и Абуязит Аспиев, и Махмуд Тасмагамбетов, и Митя Нерода...

- Я, честно, о том не слышал. Что они покуривают - знаю, а насчет за воротник - не знаю. Поддаются им встречать не приходилось.

- Они поддают дома, потому как у них нет отцов, одни мамы, а что они могут поделаться с такими взрослыми сыновьями? Отец так может врезать по ушам, а матери разве способны на такое?

О наших отношениях мы с Любой не говорили. У меня на то не хватало тям, а у нее, наверно, решимости, а то и простого безразличия ко мне. Такое чувство у женщин бывает. У женщин вообще бывает такое, чего не разгадать никаким психологам, логике и психологии вообще. Нам же с Любой на тот момент было хорошо. Мы говорили и, конечно же, целовались. Я не хотел спрашивать, как дальше пойдет наша жизнь. Посчитал:

первый мой и ее поцелуй еще ни о чем не говорит. Ну, мы молоды, а поцелуй - это же потребность молодого организма, что мы и сделали. Разве можно нас за это осуждать? Да по кино молодые сосутся, как поросята, и никто не остается обязан друг другу. Он через какое-то время сосется с другой, она - с другим, и никто ничего друг другу не должен. То же самое, наверно, и у нас с Любой. Если она захочет повторить подобный вояж - я готов ринуться на такую встречу, скажет пойти в новое кино - сходим, а там уж пусть будет то, что и должно быть.

Но следующие дни, недели и месяцы ничего подобного нам не дали, потому как Люба не предлагала никаких встреч. В классе мы просто здоровались и молча рассаживались по своим местам. Продолжалось это до тех дней, пока я не ринулся на целину. А Люба осталась получать свой аттестат. На целине я узнал, что мои одноклассники получили свои аттестаты зрелости и разбрелись по белу свету. Люба уехала с Валею Гаврилиной в Омский железнодорожный институт, парней взяли в армию. После того минула целая вечность, и я ничего не знал о своих одноклассниках.

Я так лично после целины в 1957-ом поступил в железнодорожное училище, окончил его и по направлению был отправлен в Агадырское локомотивное депо, на каком проработал сорок лет и какое выпроводило меня на «дембель». Как сложилась судьба Любы, не имею представления. В училище я был два года, когда Люба еще постигала железнодорожные науки. Куда она подалась после них, не знаю и узнать не пытался, потому как не знал, у кого это можно узнать. Не интересовалась Люба и моей судьбой. В Агадыре я так все шестьдесят лет, мне уже восемьдесят, а Люба всплыла только теперь, когда я коснулся своей «Душевной повести». А временами и теперь подумываю, что так у людей иногда складывается жизнь, какая не смогла связать воедино нашу с Любой жизнь. Не мог сделать это и наш первый поцелуй...

А закончить, друзья, свою «Душевную повесть» хотелось бы кратким охватом моей прожитой жизни. Я сообщал, где родился и где крестился, где учился и кем я стал по жизни, что дал мне мой почти двадцатилетний «дембель». Удивительно в этом «дембеле» то, что я только в свои семьдесят пять начал писать стихи и прозу. А где же ты был, прореха на человечестве, все годы до этого? Почему не писал в двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят и даже семьдесят лет, а только в семьдесят пять ударился

в поэзию? Надо бы о том узнать у специалистов, только я не верю, что и они могут раскрыть такой феномен. Такого жизненного вандализма я не встречал из всего пишущего братства планеты ни у единого из них. Творческие мысли не приходили ко мне никогда. В газеты я, правда, писал, обращался, меня тискали, как тискали и простых доярок, чабанов, трактористов, рассказывающих о своей работе. Печатали газеты и стихи тех же доярок и чабанов, какими я зачитывался, а своего ничего не приходило поэтического...

А вот только в мои круглые семьдесят пять на меня наехала не иначе как пьяная муза, какая не оставляет меня и сегодня, в мои восемь десятков, от какой я просто не знаю как и куда убежать. И, может быть, все-таки судьбе надо сказать спасибо, что она натолкнула меня на «Душевную повесть», на какой я просто обязан поставить навсегда точку. Думаю, друзья мои, что в мои нынешние восемь десятков пора заканчивать с писаниной и с теми же стихами, какие, ни дна бы им, ни покрывки, донимают меня и днем, и ночью. Вот всего лишь год назад, в семьдесят девять, так я родил свой стихотворный шедевр — стодвадцатистраничную поэму «Мой причал», выпущенную издательством «Классик» в двадцать экземпляров, то есть столько, сколько я и заказывал.

А куда мне их больше? Раздаю друзьям и родне, каких у меня столько и есть на белом свете. Вот если бы торговая сеть осмелилась взять экземпляров полста, то можно было бы и разориться, но как в нее обращаются нынче с такими вопросами, я не представляю.

Так что, друзья мои, с писаниной я завязываю и думаю, что на литературном поле с моей новой книгой вы меня больше не увидите. Хотя в мыслях и теперь крутится какая-то жизненная неурядица, но я ей не даю дорогу и, думаю, не дам до конца моих дней. В «Душевной повести» я, кажется, все сказал о себе, о семье и о моих друзьях, на что-то другое теперь меня вряд ли хватит, отчего свои творческие мысли буду просто обуздывать. Насколько меня хватит - не представляю, но бороться с собою буду, хотя мысли, рвущиеся на волю, непросто усмирить. Я не герой, и усмирить себя я вряд ли смогу, так что, друзья, не знаю, надолго ли мы с вами расстаемся...

А бунтарские мысли все равно меня донимают и теперь. В этих мыслях проскальзывает что-то недосказанное. А недосказанным остается мой

уезд из депо на целый месяц в Кривой Рог, где я работал на железнорудной шахте Чем и как я жил на этой шахте и в этом городе, останется со мною навсегда, о чем никогда не узнает ни один человек на земле. Вся эта тайна умрет вместе со мною. Думаю, это правильное решение - не выставлять себя ка вид людям и миру, пусть хоть что-то останется обо мне тайной.

Не все же сказал о себе маршал Георгий Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления». Это хорошо чувствуется, если хорошо углубиться в книгу. А сказать большому военному человеку о себе было чего, потому как была прожита большая и сложная жизнь. Я тоже немало прожил и немало чего повидал на своем веку. Что-то я сказал в своей книге «Душевная повесть», и то, что недосказал, пусть время похоронит в себе вместе со мною.

Видно, знаком судьбы явилась эта последняя моя книга «Душевная повесть». Писать я ее начал в мои восемь десятков. Удивлялся; толстовские годы, а память еще что-то держала в себе и выбрасывала на страницы. К чему изсе это, я не понимал, а женка так сказала; не тормози, Абдрахман, сникерсни! Вот и не торможу по сей день. Когда наступит этот тормоз, не ведаю, однако не сегодня, так завтра он все равно наступит. Не тех я лет, что бы жить писательской мыслью и поэтическими заскоками.

Стихи тоже меня донимают даже в мои нынешние восемь десятков. Наверно. это как-то не к добру. Бабки на завалинке так сказали моей собственной бабке, что мое положение с активной писаниной — плохой признак. З чем он заключается, они моей Гульчатай не сказали. Но я подумываю, что здесь пахнет отбросом копыт. А я, по правде, не хочу отбрасывать копыта ни сегодня, ни завтра, ни даже в поздние восемьдесят пять и даже в девяносто. Вот не хочу - и все, потому как я чувствую в себе тарзановские силы. Поверьте, друзья, хочу дотянуть до лет Владимира Зельдина, какой иград роль пастуха в фильме «Свинарка и пастух» аж в 30-ые годы. Зельдин - артист театра Советской Армии, какого знал весь мировой народ, прожил сто один год и умер в 2016-ом.

Ну, за Зельдиным мне не угнаться, но все равно хотелось бы докатиться до круглой девятки. Не знаю, оставит ли меня за эти десять лет моя муза, только мне пора отдохнуть от стихов и прочих писательских наваждений. А прожить это десятилетие хотелось бы со своей бабкой тихо и мирно, читая что-то интересное, чего в молодости не успел наверстать. Остальное

время будем ездить к детям на Алтай. Им приехать к нам сложно, потому как они все работают, а нам, старикам, это не составит никакого труда - прыгнул на поезд, и черезсутки ты на Алтае. У сына, его жены, у их детей м у детей этих детей, какие нам уже кличутся как правнуки, Моя Гульча меня в этом поддерживает. А с писаниной, говорит, ты тормози, а со сникерсами расправься, как повар с картошкой.

Сникерсами я и правда лакомлюсь, а вот тормознуть писанину пока не удастся. Думаю, здесь главенствует моя творческая энергетика, выработанная моим «дембельским» временем. Когда она потеряет свою силу - не ведаю, только признаков сбоя этой энергетики в себе не обнаруживаю. Творческие мысли сегодня донимают меня, и я записываю то, что они диктуют. Гульчатой так советует ударить граммов триста коньячка, и голова моя отключится от всех писанин. Пробовал - бесполезно, голова так же светла, и мысли в ней поэтические донимают меня и в моем поддатом состоянии. Женка говорит: коль ты такой активный Ванька Жуков, какой писал письмо своему дедушке, так размахнись на какую-то повесть о нашей с тобой жизни или о жизни твоих друзей, у каких тоже свои судьбы. Свет Гульчатой я принимаю и думаю, что с моим дорогим читателем я буду общаться до тех пор, пока будет биться мое старческое сердце.

Это я, Степное Н., с внучками Марной и Аргемом (1990 г.)

ГЛАВА 12

В своей «Душевной повести», на мой взгляд, я что-то упустил, а то и сознательно не рассказал. Не рассказал, что в 2009-ом моего старшего брата Ивана ударил инсульт, его парализовало, и за ним нужен был уход. Брат десять лет как схоронил жену и все эти годы жил один-одинешенек на своей станции Жалтырь, какая в двенадцати верстах от Астаны. Мне о том позвонили, и я тут же примчал в Жалтырь.

Жалтырь все-таки был моей второй родиной, куда мы всей семьей переехали двумя годами позже после Дня Победы. Свой аул Кенбидаик, где я родился и крестился, матушка оставила по совету ее двух братьев Ильи и Василия. какие, возвратившись с фронта, навестили наш Кенбидаик и сестру. Результатом их посещения и оказалась большая железнодорожная станция, где матушкины братья проживали и работали на железной дороге.

Медики определили, что у брата моего парализована левая сторона от головы до пяток, потому за ним должен быть постоянный уход. Кроме меня, за братаном ухаживать было некому. Его четверо дочерей проживали в России, куда они уехали еще при коммунизме и при Брежневе. Одна дочка подалась на БАМ и жила в какой-то Вихоревке, другая облюбовала Белоруссию, третья делала свою жизнь в Краснодарском крае, и только четвертая притерлась в районе Жезказгана и Сатпаева. У всех у них были свои мужья, семьи и дети, и навестить отца никто не смог. Не смог все два с половиной года, когда он просто лежал, и даже когда навечно закрыл глаза в мае 2012-го.

С 2009-го я оставляю свой Агадырь и до 2012-го обитаю в Жалтыре. С братаном возился, как с ребенком, мыл его и одевал, менял памперсы, готовил всякие кушанья на печке с дверками, поддувалом и плитой с вьюшками. Печь обогревала нас в зиму и в любую стужу, для чего требовались уголь и дрова, какие я покупал у отъявленных торгашей, развозивших сей товар на грузовиках и останавливающихся почти у каждого дома.

Так и жил я в этом Жалтыре два с половиной года. По телефону спрашивал у Гульчатай, как делать борщ, окрошку, суп пшеничный и рисовый, а то и вовсе чисто картофельный. Спрашивал, как жаривать, надо ли на-

резать лук или просто его живым бросить в кастрюлю. Спрашивал о том же насчет плова, пельменей и вареников, какие я тоже готовил сам, экономя на магазинных деликатесах.

Все эти мучения продолжались до 13 мая 2012 года, когда мой брат просто проснулся. Вот не проснулся - и все, заснув тихо и мирно, без храпа или каких-то звуков, какие я мог бы услышать, лежа рядом с его кроватью на своем диване. Утром я удивился тишине и отсутствию какого-либо дыхания. Потрогал братана, а он уже был холодным...

Похороны, гроб, отпевание я организовал, как положено, организовал и послепохоронные поминки, отметил девять и сорок дней, а в 2013-ом так отметил и годовщину его смерти. Все сделал, что требовал наш русский бычкай.

На себе проверил, что за эти минувшие годы я крепко сдал, похудел, осунулся и стал похож на настоящего Хоттабыча. Дома за мое здоровье взялась моя Гульчатай, какая поила меня изысканным чаем и кормила домашней лапшой с курицей, какие я всегда обожал. На котлеты и пельмени я не нажимал, а больше зарился на жидкие супчики рисовые да пшеничные и на ту же домашнюю лапшу. После завтрака уходил на прогулку в степные дали вдоль железнодорожного полотна и возвращался домой к обеду проголодавшийся и несколько ободренный.

Так минула целая годовщина, и вот в 2013-ом на меня накатила вдруг поэтическая муза, какая и надиктовала мне на целый стихотворный сборник «Мои агадырские зори». Тут же ударился и в прозу и за какие-то пару или тройку месяцев накопил повесть «Судьбы натянутая нить». Оба черновика отстучал на печатной машинке «Москва», перечитал написанное и в общем остался доволен, удивляясь лишь тому, почему вся эта поэтика и проза не приходили ко мне до этого, до смерти моего братана.

Оказывается, для творческой работы надо обязательно пережить стресс, горе, потерю родного человека? Не знаю, какой стресс пережили Пушкин, Лермонтов, Есенин, Блок, Твардовский да Исаковский. Нет, тут что-то было заложено во мне, а что - разобраться в том не могу и по сей день. Спросить о том не у кого, а обращаться к медикам, психологам и разным познавателям не пытался и не пытаюсь. А потому я отдаюсь на откуп только своим мыслям, какие что-то мне диктуют, я записываю и даже пытаюсь опубликовать.

В газете «Криминальные новости» так вычитал объявление: «Если вы пишете стихи, рассказы или что-то большое, обращайтесь в издательский дом «Классик», где ваши вещи будут встречены и напечатаны». Откладывать не стал и помчал в Караганду, в этот самый «Классик», какой в один момент и отпечатал сразу обе мои книги. Я их держал в руках, перелистывая и даже целовал, так они были красивы. Решил все последующие вещи печатать только здесь, в «Классике».

У нас с ним завязалась своя дружба. Издательство к тому же дает обо мне довольно лестные отзывы, а это и правда подогревает на новый литературный подвиг, какой я и впрямь совершил, написав аж целых тринадцать книг, из каких восемь уже увидели свет. Как там бултыхаются остальные пять, не представляю, но, думаю, у издательства дойдут руки и до них. Так мне сообщила директор издательства Светлана Владимировна, какой я верю и настраиваю себя на единственное - ждать!

Понимаю, что у Светланы Владимировны дел хватает, а тут еще какой-то агадырский пришей-пристебай донимает своими письменами. Ладно бы он пару-тройку книг ударил, так он ведь стукнул на все тринадцать. М число-то выбрал нечетное, какое, но неверьям, является везучим. Пока у меня дома на полке только восемь книг. Что будет с остальными пятью, не представляю, только куролесил я над ними все три года. Были там и стихи, и проза, но стихов вроде было больше, а прозаических две.

Последняя прозаическая «Душевная повесть» и составит третью прозаическую вещь, отчего и получится три на три. Считаю, что это прогресс в моей творческой деятельности, значит, голова у меня варит и в ту, и в другую сторону, что я и записал в своем дневнике и перенес эти слова в «Душевную повесть». Не знаю, как будет разбираться с моей новой, теперь уже шестой книгой знаменитый «Классик», только у меня на него большая надежда. Я даже хочу эту «Душевную повесть» издать не в двадцать экземпляров, а во все тридцать! Пусть валяются. Будут появляться друзья - раздам им, а то просто раздарю простым агадырцам, с какими хожу по тем же улицам и магазинам. Пусть они просто читают меня и просто смотрят на мой портрет, а из книги выведут хоть какую-то жизненную истину своего земляка.

Я никогда не мечтал прославиться, а вот чтобы обо мне где-то за углами поговаривали, хотелось бы. Хотелось, чтобы хоть кто-то просто подо-

шел ко мне и просто пожал бы руку - без слов и благодарностей. Но время идет, и ни один человек не подошел ко мне, не сказал спасибо-рахмет и никакой руки мне не жал, А все как никто моих книг не читает, потому как это сейчас, как замечает жизнь, на книги не налегают, а налегают на Интернет, какой и в Африке остается Интернетом.

Об этом говорят и специалисты, и политики, и психологи, и простые наблюдатели, какие знают жизнь внутри и снаружи. Молодежь, говорят, вообще за книгу не загонишь. Себе же я удивляюсь: читаю и Пушкина, и всех, кто подвернется под руку. Вот подвернулась недавно Галина Николаева с «Жатвой» и «Битвой в пути». Ударил ее, остался доволен, потому как там рассматривалось время, когда я во время войны ходил под стол пешком. Налег я на «Цемент», «Вольницу» и на «Лихую годину» Федора Гладкова, о каком в школьные годы только слышал, а ничего его путного не читал. Простудировал я и его «Мятежную юность» с Федором Васильевичем, Степаном Ивановичем, Володькой и стариком Барабашем. Люди умели жить и в самые трудные времена, чему надо бы поучиться и нам, нынешним.

По-прежнему почитывал я Есенина, Исаковского, а вчера, тринадцатого, так с удовольствием посмотрел фильм шестидесятилетней давности «Дело было в Пенькове». В фильме прозвучали две незабываемые песни на слова Доризо. Ах, какие же это были песни, какие не умерли и спустя шестьдесят лет! В нынешнем застолье эти песни поют и теперь. На эстраде их петь не пытаются уже много лет. Наверно, это и правильно, погому как у каждой песни было свое время и свой век с его людьми, какие по-своему жили, любили и умирали.

После этого фильма попробовал и я ударить нечто песенное. Где-то и когда-то слышал о сирени и черемухе, какие расцвели в городке на своих улицах, из каких одна, кажется, кликалась Николаева. Решил нечто подобное ударить и я. В той песне были свои улицы, а у меня будут мои, агадырские. Ну какой тут плагиат? Ничего подобного! У меня все мое - и сирень, и черемуха, и мой агадырский народ.

На Абая улице расцвела черемуха,
А на Кыздарбекова расцвела сирень,
В вечеру в поселке поутихли шорохи,
Не шумят деревья и не скрипнет дверь.

От трудов поселок тихо успокоился,
Машины свое место в гаражах нашли,
Солнце за горою к горизонту клонится,
Но молодые люди на улицы пошли.

У молодых, как водится, и сердце молодое,
Им покой и отдых вовсе не нужны
У них и настроение трепетно-живое,
Какому поцелуи и любовь важны.

А в закат вечерний молодежь встречается -
Это их природа и жизненный процесс,
Оттого, наверно, и жизнь не кончается,
Что в ней есть сила жизни и мира интерес.

В Агадыре и правда зацвела черемуха,
Тут же распустилась и белая сирень,
У кого-то желтые красились подсолнухи -
Это наша жизнь и наш новый день.

Агадырь, 29 мая 2017 г.

Прочитал, увлекся. Ничего близкого со старой эстрадной песнью, какую пел новосибирский ансамбль «Веселуха». Ну, у «Веселухи» были свои слова, а у меня - свои. Положи музыку на мои, и моя песня тоже взиграет. Таких отважных композиторов в Казахстане вряд ли найдется, так что моей лесне просто не жить. Может, когда я откинусь, найдется какой-нибудь смельчак и на мои стихи положит музыку. Положили же музыку на слова Есенина, когда он давным-давно почил. Могут нечто подобное сделать и со мною, когда я буду с отброшенными копытами лежать на местном кладбище.

А в целом, чтобы родить такие песни, как у Исаковского, Доризо, Боква, Танича, Пришелеца и многих других, надо родиться истинно поэтом. Себя я таковым называть не могу, поскольку обо мне молчит пресса и молчат большие поэты, какие могли бы во мне рассмотреть начинающего первопробника, никогда не писавшего стихов и только на старости

лет рискнувшего ринуться на литературное поле. Ну, а что он там на нем вырастил, показывают восемь моих книг, какие я даже подарил в нашу поселковую библиотеку. Библиотекарьша говорит, что их никто не читает, что лично меня просто раздражает. Ладно, пустья не Есенин, но какие-то нотки его во мне есть?

Конечно, хотелось бы мне стать и Твардовским, и Исаковским, так для этого надо обладать их поэтическим талантом, какого у меня, долбаного дедугана, не было в молодости. Старческие мои поэтические заскоки еще не говорят, что я поэт. Поэтом надо родиться, а я родился всего лишь железнодорожником, чему и посвятил всю свою жизнь. Одна из девяти богинь-источников поэтического вдохновения, однако, меня находила и доставала, но не в мои молодые годы, а когда я стал глубоким стариком, перешагнувшим свои семь десятков. Первые мои стихи и родились в пределах этого возраста. В пределах этих моих семидесяти пяти и родились у меня две книги, о чем я уже говорил.

Оценить такой феномен не могу. Удариться в стихи в семь десятков? Так ведь я их не писал, а они меня находили сами, хватали и будили даже по ночам, на что моя Гульчатай наложила крест и стала стелить мне постель на диване в зале, оставаясь одна в своей спальне. Так я и теперь живу на своем диване и со своими долбаными поэтическим творениями, какие собираю, вычитываю и komponую в новый сборник. Насколько у меня хватит духу осилить его — не ведаю, только стихи сыплутся из меня, как из рога изобилия. Сейчас я не знаю, о чем они. Одно стихотворение так раскусил поутру, и оно вот что сказало:

Пусть будет усердным товарищ медбрат,
Какой и глаза мне закроет,
А за окошком пусть дети шумят
И в поле волчица завоет.
То будет по мне предпрощальная боль,
Я, может, и тем успокоюсь,
Я в жизни исполнил нелегкую роль,
Пред вами о чем и откроюсь.

А толкнула на это стихотворение не менее как тихая смерть моего брата, заснувшего в мае 2012-го и не проснувшегося. Признаться, такой смерти себе бы я не желал. Я хотел бы умереть в памяти и чтобы видеть пе-

ред собой людей - доктора и мою Гульчатай. Никого мне больше не надо, Не знаю, каким будет мой последний час, только не хотел бы я повторить последний час моего брата. Не хочу я заснуть и не проснуться, хотя ка-воят, что это самая легкая и красивая смерть. Пусть она будет хоть ка кой легкой и безболезненной, только я хочу умереть так, как надиктовали мои стихи. Хочу умереть с любой болью, но в памяти. Остановится сердце, остановится и моя память, а коль человек не мыслит - он не живет.

С этими мыслями я живу и теперь. С Гульчатай ими не делюсь, просто ношу их в своем уме и в своем сердце. Не знаю, понравятся ли они «Клас-сику», только я не стал бы их вычеркивать. Может, в них есть какое-то зер-но. Умереть в памяти... Это значит, что осознаешь свою смерть и просто миришься с ней. Не ведаю мыслей, кто идет на суицид. Ну и придумали этот чертов суицид! Да скажите по-русски: идет самолично умирать, са-молично накладывает на себя руки... Наложил же на себя руки большой писатель Александр Фадеев? Наложил. А Маяковскому чего не хватало? А чего не хватало нашему современнику Пуго? Политик не понял политику? Так живи, черт возьми, и жди, чем будет жить твой новый век...

По поводу этих мыслей прямо в сей же момент вылупились у меня та-кие строчки:

Герои наших дней-ночей,
А то и вовсе прошлого,
Были, есть и будут-
Ведь это жизнь людей.
Хватало в этой жизни
Плохого и хорошего,
Не только в СССРе,
Но, видно, и везде.

Не знаю, как там «везде», только СССР загубили политики. Загубили без пуль, взрывов и жертв. Сели три главных политика за круглый стол, политик России, Украины и Белоруссии, сдвинули карандаши-ручки с рюмками и подписали вердикт: СССРа больше не будет! И не стало еди-ного, большого, многомиллионного Союза Советских Социалистических Республик, существовавшего целых семьдесят лет, боровшегося с внутрен-ними и внешними врагами, разгромившего их и построившего большую и красивую страну с ее красивыми и счастливыми людьми, какие ладили

свою жизнь и жизнь своей страны, своего великого Советского Союза, какого уже нет и какой неизвестно когда возродится, чтобы вновь стать единой большой страной...

Анализируя вышесказанное, я никогда не мечтал о какой-то славе. Мне претило желание выделяться из круга моих друзей. По работе я, однако, выделялся, но это происходило естественно, потому как я делал работу от души и даже с какой-то любовью. А это наверняка замечало деповское начальство и меня вместе со всеми вешали на доску почета.

А на «дембеле» какая нужна известность? Пенсионеру и подавно. Большинство нашего пенсионного братства живет тихой и незаметной жизнью. Встречаются пенсионеры друг с другом редко. Иногда, правда, вижу их по гаражам, где они кучкуются и дают «родимую», от какой их тянет на песни и пляски. В целом же я вижу вживую, что пенсионеры больше отсиживаются по домам и если только выползают из них, то больше за спичками да сигаретами. Курящих пенсионеров у нас в поселке много, курит как бы не каждый из них. А все, наверно, потому, что они были железнодорожниками, а у железнодорожников работа без сигареты редко обходилась.

На минувшем Дне железнодорожника в местном парке пенсионеров особенно много. Встречались, жали друг другу руки, рассаживались на лавках у летней эстрады. С удовольствием слушали концерт, с удовольствием хлопали всем выступающим, среди каких были и пенсиснеры. | Пенсионеры умеют, оказывается, петь и плясать, могут даже классно читать стихи, что сделал и мой друг Алексей Петрович Чеботарев, какому стукнуло уже восемьдесят восемь. Несмотря на свои немалые годы, Алексей Петрович обладал удивительной памятью, чему я просто завидовал. Он читал стихи времен очаковских и современных авторов, одно из каких прославляло машиниста поезда, приведшего поезд в Москву перед самым Новым годом, в 23.00. А ведь поезд шел с большим опозданием, какое машинист сумел каким-то образом наверстать.

Такого декламационного дара во мне отродясь не водилось, хотя меня не раз тянуло ударить нечто свое собственное со сцены. А были это стихи к женскому дню, ко Дню Независимости, к тому же Дню железнодорожника, ко Дню Победы. Написал я стихотворение даже по случаю 1 сентября, когда дети пошли в школу. О первоклашках так я писал с особой любовью и снисходительностью. К школьному зданию я пришел и на этот раз, где

во дворе проходила большая школьная линейка и звучал первый звонок. Так было и на этот раз. Мероприятие незабываемое.

После этой линейки я и родил что-то о школярах, особенно о перво-клашках, какие пришли с папами да с мамами, а то и с нашим братом-пенсией, что означало - с дедушкой или бабушкой. Советую и вам когда-либо побывать на подобном мероприятии - не пожалеете. А главное, вы вспомните и свою школу, и свой первый класс и, может быть, даже поклонитесь за то своей памяти.

Я так действительно благодарил свою память за мои первые школьные годы. когда началась и шла война. В восемь лет так я встретил Победу, а уже в четвертом классе, когда мне стукнуло десять лет, и сразу после двух лет после Победы наша семья оставила мой аул Кенбидаик. А дальше вживание на новом месте, где были новые люди и новые друзья.

У моей жизни была своя мерка, свои движения, свои достижения и тревоги. Однако я умел с ними справляться, потому как надеяться было не на кого. Матушка занималась своей работой на комбайне, убирала хлеба, а в зимний период вместе со всеми занималась ремонтом тракторной и комбайновой техники. О том, что я с десятого класса лодался на целину, я уже говорил. Что было после целины, вы тоже, друзья, в курсе. Ну, а то, что на «дембеле» начал заниматься литературной деятельностью, вы знаете и подавно.

О том, что «Душевная повесть» - моя последняя книга, я тоже уже говорил, и повторяться просто незачем. Заметил: в рассказе о себе повторы просто естественны. Это я заметил и у Руссо, и у Щеголихина, и у того же Семена Гершберга.

А стихи меня не оставляют и сегодня. Как с ними поступать - не ведаю, записывать же - записываю. Хотелось бы нечто подобное предложить и вам, друзья:

В нашем поселке огни не погашены,
Что и заметил поэт,
Окна повсюду цветами украшены,
Чего у других просто нет.

В нашем поселке эпоха такая —
Люди к гармонии идут,

Песней хорошей себя согревая,
Тихо до зорьки поют.

Вместе с зарею до дому расходятся,
Когда уж поют петухи,
А у хозяек коровушки доятся,
А кто-то слагает стихи.

В поселке с зарею народ просыпается
И на работу спешит,
От песни работа всегда покоряется,
Ей отдано пламя души.

В вечер так гармони снова скликают,
Все тот же у них перезвон,
Только с зарею гармони смолкают,
Таков здесь извечный закон.

Поселок у нас - наша жизнь и счастье,
Раскинулся он во всю ширь,
Пусть обойдут все земные ненастья
Мой дорогой Агадырь.

Прочел, увлекся - что-то в стихотворении было. Гульчатый показывать не стал, думаю, обойдется. А то начнет свое старое; «Брось ты эти стихи, лучше отдыхай, а то пойдешь да с мужиками во дворе забей «козла» в домино или в «дурака» сразись... Проводят же мужики время за картами да домино, а ты ударяешься в Пушкина да Лермонтова. В твои восемьдесят надо отдыхать, на свежем воздухе быть, а ты у журнального столика отираешься!».

Что часто и густо я отираюсь у журнального столика - верно, только отказать себе в том пока не умею. Не знаю, как там писали Блок, Лермонтов да Есенин, только стихи достают меня и ночью, о чем я тоже уже говорил. Ночью моя голова вообще работает продуктивнее, чем в святой день. Может, это оттого, что я родился между двенадцатью часами ночи восемь

десятков лет назад? Теперь вот ночи не хотят оставлять меня в покое. Жен-ка меня за то по-своему наказывает, чему я не сопротивляюсь. Переселила она меня на диван, так и обитаю на нем, хотя так хочется прижаться к чему-то теплomu и согреться. Не знаю, на сколько меня хватит, только в зиму оставаться на диване я не намерен...

Если стихи по-прежнему будут донимать ночами, куплю фонарик, положу под подушку тетрадь и карандаш, а там уж проще простого. Она будет дрыхнуть, а я тихо и мирно с фонариком записывать, что будет диктовать мне моя голова. Если начнет щевелиться и просыпаться, выключу фонарик, и все шито-крыто. «Хочешь жить - умей вертеться», - не нами сказано, а мудрецами.

Эти же мудрецы когда-то подсказали мысль, что человечество должно кланяться любой женщине, какая, по сути, и родила человечество. Откуда все-таки взялся человек? Не из земли же он вышел и не из воды, а из женского материнского тела. Продолжается это действие с момента появления человека на Земле. Путь он произошел от обезьяны, потом как-то переродился, встал на ноги, освободив передние конечности для добывания пищи и защиты от врагов. А потом у человека начали возникать пары, какие и рождали человека - первобытного питекантропа и того же неандертальца.

Как бы там ни было, а без женщин не было бы и человека. По этому поводу меня так нынешней ночью и посетила ну просто борзая мысль о женщине, о ее первозданном значении. Наверно, собакам не спится ночью, так они просто лают в темноту на любые шорохи. Такое положение и у меня: не спится, как и псу у нас во дворе. Пес полает-полает и успокаивается, так уподобляюсь ему и я. Он лает, а я пишу и так же к утру успокаиваюсь. А успокоился я, когда записал вот эти строки:

Я старик, а женщин все же примечаю,
Гляжу на их фигуры, на лицо и груди.
Господи, они же давали всем начало,
Они же мир рождали, рождать и нынче будут!

Они, по сути, создали земного человека,
Они его родили и грудью же вскормили.
Так было от рожденья космического века,
Когда лишь на планете только звери жили.

А потом, конечно, и человек родился,
Какого только женщина могла родить.
Ребенок лишь у матери у груди возился,
А дальше жизнь учила, как надо в мире жить.

Женщине Земли давайте все поклонимся,
Она ведь родила земное человечество,
Какое нынче даже с космосом знакомится
И славит свой народ и свое отечество.

Женщине Земли человек обязан
Из золота отменный памятник отлить,
От рожденья человек к женщине привязан,
Без женщины он просто не будет в свете жить.

Все-таки давайте для себя признаемся,
Что без мужчин бы не было на Земле детей,
Потому мужчины испокон общаются
С женщиной в житейской совместной суете.

Человечество должно бы и памятник отлить
Из золота простому мужику-мужчине.
Женщина с мужчиной будут вечно жить,
Жить для человечества, а не для причины.

Утром почитал свое ночное бдение и понял: женщине и впрямь должны поклоняться, Как бы там ни было, а женщина рождает детей и без мужчин, о чем знает белый свет и человечество. Понятно, тут работают какие-то медицинские хитрости, однако факт остается фактом: женщина родила человека. Без женщины не было бы и ребенка, как без кобылы — жеребенка, без коровы — теленка, без верблюдины — верблюжонка, без овцы — козленка, без волчицы — волчонка, без ишачки — ишачонка. Женщина — это природа, это начало всех начал, потому человечество и должно отлить из золота женщине величественный памятник. Конечно, такого же памятника достойны и мужчины. Было бы более справедливо, если бы отлить из того

же золота памятник в едином парном ансамбле, а не по отдельности. Он и смотреться будет величественно и горделиво, потому как будет символизировать нерушимый союз женщины и мужчины, какие не могут друг без друга и какие идут по жизни только своей и только одной дорогой - человеческой.

Я со своей Гульчатой иду этой дорогой уже шестьдесят лет. Друг мой Алексей Петрович так шел со своей женкой только сорок лет, поскольку болезнь жены увела ее в могилу уже целых двенадцать лет назад. Печально, но Алексей Петрович не хочет изменить жене ни при ее жизни, ни после ее смерти. Дочери его проживают в нашей южной столице, навещают отца, как и отец навещает их. В свои восемьдесят восемь Алексей Петрович не теряет бодрости. Не теряю этой бодрости и я, только мне все-таки далеко. А все, наверно, потому, что по молодости я курил и закладывал за воротник, да закладывал с друзьями так, что часто и густо не узнавали друг друга. Только после женить бы на моей нынешней Гульчатой с куревом и рюмкой я завязал, и если только она сама ставила на стол бутылку в честь какого-либо торжества, то опрокидывал рюмку и я.

А в заначке у моей Гульчатой, какая знаю, есть и коньяк, и шампанское, и всякие красные и белые вина. Однажды взял да спросил:

- Не для любовника какого-нибудь, Батима Калкеновна, готовишь?
- Сейчас как шваркну сковородой по голове, так забудешь про слово «любовник»! Мы в молодости с тобой были верны друг другу, хотя ты учился на заочке шесть лет, а я - пять. И нам абсолютно никто не нужен был, кроме нас друг другу. Так что, Темирбай-оглы, насчет какой-то измены мы может друг друга поздравить. А бутылочки - пригодятся! Вдруг кто-то придет из твоих друзей или из моих? Надо же бежать в магазин, мы же русские люди, и нарушать извечную русскую традицию не можно.
- За это я тебе, Кадиша Калкеновна, ставлю пятерку. Мне возлияния не нужны, а угостить гостей - долг любого хозяина!

Подумал: все-так знает моя Гульчатая жизнь. Были же времена в молодости, когда приходили внезапные гости, и в магазин приходилось и впрямь рвать когти. Обычно это поручалось мне, чему я подчинялся неукоснительно. Приносил то, что женка заказывала, а дальше она распоряжалась без меня. Все шло как надо, но магазин отнял у нас и у гостей драгоценное время. Вот жизнь и научила мою Гульчу иметь нужные запасы.

Эту традицию она соблюдает и теперь, когда мы состарились и поседели, как старик Хоттабыч.

А гости и правда хоть редко, а заглядывают. Чаще всего делает это Алексей Петрович. Просто ему скучно быть одному дома. Оба мы с ним «железке» отдали по сорок лет, и вспоминать нам было чего. Мы пережили десять начальников агадырского депо. Одни из них уже давно на том свете, а другие здравствуют на своем «дембеле». В Агадыре, правда, ни один не остался, но и Бог с ними. Как там они поживают в своем далеке, не имею представления. Что удивительно, ни один из них не клюнул мне на мое перо. Или они не были достойны того, или мои мысли были далекие от их жизней и их судеб.

Но это всего лишь мои старые мысли, старые воспоминания. Без них мыслящий человек вряд ли может обойтись. Вот не мог я обойтись и без новых своих стихов, какие претендуют даже на песню. А что? По телеку вчера ансамбль Бабиной ударил хорошую лирическую песню, в какой были слова:

Ой, гармошка, выручай,
Ой, какие сложности,
Полюбила невзначай,
Вышло по серьезности...

После этой песни на меня тоже наехало вдохновение, и я разродился своими строчками:

Ой, гармошка, жарудай,
Как было по старинке,
Всех веселых приглашай
К нам на вечеринку.

Разверни, гармонь, меха,
Улади нас песнею,
Приглашай в круг жениха,
Да с красой-невестою.

Ах, гармошка, не скупись
Нотками веселыми,

Ну-ка, круг наш расступись,
Дай нам пляски новые.

Выходи на общий круг,
Парочка влюбленная,
Вас поддержит общий друг -
Песня окрыленная.

Ах, играй, играй, гармонь,
Радуй нас и осень,
Всколыхни ты нашу кровь,
О чем мы кнопки просим.

Ой, гармошка, выручай,
Тебя люди просят,
Свои песни не кончай,
Они их в сердце носят.

Первоначально в строке «тебя люди просят» у меня стояло «агадырцы просят». Подумал: к чему это назойливое местничество? - и агадырцев убрал. Сравнил куплеты Бабкиной и свои - ничего схожего, кроме первой строки. Конечно, мои стихи нужны композиторам, что зайцу вытрезвитель, однако я как-то отыгрался на своих лирических заскоках...

Вечерами, когда Гульча моя укладывалась в своей спаленке, я перелистывал свои виршевые наброски. Что-то где-то радовало, а где-то и раздражало. Задумывался: а раздражало что-либо Лермонтова или того же Есенина? Вряд ли, поскольку это были большие поэты, до каких мне, как Митрофанушке до Ломоносова.

Как бы ни было, а я все равно считал себя поэтом. Пусть маленьким, начинающим, первопробником, но все-таки поэтом. Ну ведь никто до меня не сказал:

Давайте женщине как матери поклонимся,
Как богине, но только лишь земной.
Ее отрадой и нежностью наполнимся,
Ее любовью великой и святой.

Да разве только это? А об этом хоть один человек сказал:
Вновь шагнула школа по родной стране
С шумной и веселой, красивой детворой,
Их сегодня много в столичной Астане,
Где каждый ребенок - волшебник и герой.

Они не просто школьники - хозяева земли!
С романтикой, мобильником и красотой одежды,
Они к нам не иначе как с небес сошли,
Неся с собой свет солнца, мечтания и надежду.

Я видеть рад такую малышню,
Ах, сколько в ней мечтаний и огня!
Оттого, быть может, и Астану люблю,
Что она столица солнечного дня.

Думаю, что о женщине у нас к 8 Марта говорят много и говорят исключительно хорошее и даже возвышенное. По-иному и быть не должно, потому как сказано о нашей женщине, о наших матерях, женах, наших дочерях и наших бабушках, какие прожили жизнь, а все равно болеют за всех нас - своих детей, внуков и правнуков. По этому поводу что-то и я ударил свое:

Вот давайте, мужики, по-мужски поклонимся
Бабушке-старушке, женщине, девчужке,
Заодно же просто за них же и помолимся,
Чтоб удевчужки были лучшие игрушки.

А у бабульки чтобы жизнь не кончалась,
А женщина чтоб не была в жизни одинокой,
Чтоб у женщин счастье вечно продолжалось,
Чтоб от них детишки не были далеко.

Пусть они гуляют и бунтуют в хате,
Пусть роняют кукол и игрушки бьют,
Пусть как-то развлекаются в мамином халате
И сырую воду из-под крана пьют.

А потом попросят обыкновенной каши,
Ну, а что постарше - так даже куырдак,
От этого у мамы лицо светлей и краше,
Для нее входящий - друг ей и кунак.

Женщинам поэты должны писать посланья,
А мужчины так дарить лучшие цветы -
Символы любви, счастья, обожанья,
Женского величия и женской красоты.

Пусть будет так всегда в день 8 Марта,
Пусть женщину цветы повсюду окружают,
Ну, а мужики в лице, в лице любого брата
Женщину, как Божью мать, любят-обожают.

Просто лишь за то, что богам подобна,
Что она способна жизнь на земле рождать,
Она в своей природе от мира бесподобна,
Она способна миру человека дать.

Ну, а человек - то живые люди,
Их на земной планете не счесть, не сосчитать,
Наверняка земляне и на Марсе будут,
Нам лишь остается это время ждать.

Вот и судите, друзья, есть ли во мне поэтическая жилка. Я считаю, что есть, но далекая от лермонтовской и есенинской. А зачем, в конце концов, равняться на них? У них было свое время и своя эпоха, был свой слог и своя литература. У нас же нынешних все свое, измененное, которое служит своему человеку. Я как бывалый человек хочу вписаться в сегодняшние, которые посылает нам наш век и наше время. А вписываюсь я в него своими стихами и своими мыслями, какие насаждаю в свою «Душевную повесть». Просто хочу поделиться ими с вами, друзья, потому как я ваш земляк и ваш современник. Чем больше мы будем знать друг о друге, тем наверняка станем хоть чем-то ближе. Поэт и читатель вообще должны быть дружны. Хотя я поэт не ахти какой, но все же я поэт. О том говорили

обо мне и в «Классике», сказали и несколько друзей. Мне достаточно и этого признания.

Большой мир обо мне никогда знать не будет, как не будет знать сама Караганда и ее поселения. А все как на двадцать экземпляров слишком не разгонишься. Делать сто или двести просто нерентабельно, мне их некому раздать. Если бы за то взялась торговая сеть, но как это делается, я не знаю. Говорят, что это дело слишком дорогое, на что я пойти не могу, потому как я и сейчас не знаю, как выглядят три рубля. Ведомо, что это старое сравнение, но нечто подобное бывает и в нынешней жизни. В целом, друзья, давайте будем читать друг друга и как-то общаться, отчего мы станем еще ближе друг к другу.

А закончить эту главу, друзья мои, хотелось бы тем, что я видел на школьной линейке 1 сентября. А видел я первоклашек - ну, таких маленьких, красивых и беспомощных созданий, какие уподоблялись маленькому и красивому миру. Конечно, пройдут годы, эти маленькие граждане подрастут, вытянутся, пополнеют и станут еще красивее и привлекательнее. Неведомо, что им приготовит жизнь, только сейчас они просто дети, удивительно маленькие и удивительно беспомощные. А ведь придет время, и они вырастут. Конечно, будут где-то учиться и постигать азбуку жизни, в какой, возможно, кто-то станет Сатпаевым, кто-то Кунаевым и Назарбаевым, а кто-то будет простым работягой со своими мечтами, надеждой и судьбой.

Так я думал, глядя на маленьких, красивых и вертких первоклашек. Как бы ни было, а им предстоит творить наш век. Кто-то из них и впрямь достигнет жизненных высот, а кто-то, может, даже умчит в космические дали, на тот же Марс и ту же Венеру. Наверно, так оно и будет в будущем, почему я и завидую нынешним первоклашкам, каким удостоено видеть более развитый и красивый мир, начало какому дало мое время и мое поколение.

ГЛАВА 13

Нечетную тринадцатую главу я решил написать без всякого принуждения. Вспомнил, как в далекие мои годы одна цыганка нагадала, что мне будет вести на нечетные числа. Аргументировала свое утверждение тем, что родился я в нечетный год, в нечетное число и в нечетный месяц. Ушел я на «дембель» тоже в нечетный 1999 год. Творческие заскоки начали доставать меня в мои нечетные семьдесят пять...

Не представляю, что я вложу в эту тринадцатую, только я ее все-таки начал. Благо, я уже не просыпался по ночам, а после чаепития и утренней прогулки, отнимавшей у меня добрый час, я сажусь за свою общую тетрадь и пичкаю тем, что задумал и что приходило в голову. А приходило то, о чем уже мною где-то говорилось. Школьные и целинные годы отбрасывал, отбрасывал и свои рабочие деповские годы. Остался мой «дембельский» порог и вся моя «дембельская» дорога длиною на сегодня в восемнадцать лех

«Дембель», в общем, не дает мне старческого покоя, Мои поэтические заскоки прежде не давали покоя ни мне, ни моей Гульчатай. Противостоять им не могу по сей день, о чем говорит и моя «Душевная повесть». Пока я ее закончу и «Классик» сделает из нее «человека», пройдет, видно, не один день, да и не один месяц, а там как раз и подкатит 2018-ый. Мне же хотелось, чтобы повесть моя ударилась о мою книжную полку именно в нынешнем нечетном. Может, у повести появится больше читателей и о ней будет сказано больше теплых слов, чем прежде. Я не падкий на всякие восхваления, однако читать о себе нечто хвалебное, по Белинскому, готов с благодарностью. Хотя хвала меня по головке не гладит, однако читать ее приятно, отчего я молюсь за здоровье моих оппонентов.

По моим прикидкам, я хотел бы что-то лестное о себе не слышать, а читать. Слышать - это значит видеть перед собой говорящего, какой смотрит на тебя и в твои глаза. Переносить подобное я не могу, не могу, хоть ты тресни. То ли во мне сказывается мое аульное воспитание, а то и мой век, когда о людях вообще не говорят тепло.

О передовиках производства нынче вообще не кричат, как это было при знаменитом шахтере Алексее Стаханове, как было при Хрущеве и Бреж-

неве, в нынешний СНГэвский век о передовиках производства не приня- кричать. В газетах и на телевидении глаголют, правда, о полицейских, какие предотвратили дорожное происшествие, раскрыли кражу, угон ав- томобиля. О толковом слесаре, машинисте, шофере, ткачихе да поварихе нечасто прочтешь и услышишь. Не превозносят их, как было в далекие Коммунистические годы, хотя такие толковые, передовые производствен- ники есть и теперь.

Да что там говорить, мы нынче не те, что были и тридцать, и сорок лет назад. В СНГэвский век мы вообще во многом изменились. Люди стали какие-то другие. У них какая-то другая психология, другие мечты и на- мерения. В мои рабочие годы мы понятия не имели, как бы ухватить у го- вударства побольше денег, урвать нечто лишнее и дармовое. Работали на вовесть, и что нам платили помесечно, то получали и довольствовались тем. Давали премиальные - благодарили, влезать в государственный кар- ман- понятия не имели, не то, что теперь приходится видеть и слышать. Выходит, люди крепко изменились, изменились и преобразились...

А все, наверно, потому, что мы ступили на капиталистическую тро- пу, где есть и миллионеры, и даже миллиардеры. А в мой век, когда мы производству и работе отдавали всех себя, деньгами нас не баловали, мы жили, наверно, как все человечество. Не голодали и не ходили голыми, но и деньгами не разбрасывались, не то, что мы видим теперь у себя и в белом свете. Что удивляло, производство твое, а значит, и государство выделяло для тебя путевки на курорты и в дома отдыха, а то и путешествие в загра- нку, за что ты практически ничего не платил, а если платил, то сплошную символику. Было это и со мною, и с моей Гульчатой, каких наше родное депо выпроводило аж в Германию в 1985-ом, где нам, провинциалам, Гер- мания казалась сказкой.

Сейчас такой лафы нет, и вряд ли она когда-нибудь возвратится. СН- Гэвские республики сегодня живут сами по себе при своих границах, при своей армии, при своих законах и Конституциях. О прежнем СССР уже давно не говорят и вроде даже не жалеют, что он развалился и умчал в тар- тарары. А что? Тогда ведь все дела и все законы писала Москва, а теперь каждая республика делает это сама по себе, на свой вкус и цвет. Главное, их никто не осуждает и не качает им права.

А вот что стало главной претензией, так это таможни, какие обшмона-

ют тебя с головы до пяток и только потом впустят в свою страну, и то на установленный срок. Свет белый не знал, не ведал об этих таможах, так СНГ выродило его, укрепило и лелеет по своим правилам.

Отъявленные политики так говорят: помельчал человек. В нем отчего-то больше ненависти, чем любви, и не только к чужаку, но и к своим сестре-брату, отцу-матери. Живут они своей страной и своей политикой, что вроде всех устраивает.

Не хотел я удариться в политику, но мысль почему-то толкнула на нее, отчего я с политикой завязываю. О том меня и женка предупреждает: поменьше трещи о политике, а то тебе могут такое приписать, что из-за решетки будешь смотреть на белый свет и гадать, где ты, что наговорил или написал противоправного. Сейчас, правда, не 37-ой, но говорят же, что время любит возвращаться. Кто знает, что будет через двадцать-тридцать лет, в том же 2030-ом или 2040-ом? Ведь к тому времени народится новое поколение, и кто знает, как оно будет смотреть на новый мир, на новый век и на новых людей.

Может, так же, как смотрел на свой мир Сталин, его окружение и его эпоха. Главное, из того зловещего времени никто из сталинского окружения, кто судил «врагов народа», кулаков и прочих, по сути, никто не пострадал, разве что кроме Берии, какой специальным решением Верховного суда СССР был расстрелян. Неутомимый Лаврентий был одним из главных организаторов различных обвинений невинных людей, отправлявших их на смерть. Никого не расстреляли из судебных троек и прочих судей, какие приговаривали к смерти и вечным поселениям, откудаживыми возвращались немногие.

Был на таком поселении даже Сергей Павлович Королев, будущий космический стратег. Чем он не угодил сталинскому режиму и лично Берии, я не представляю, как и не представляю, чем провинилась певица Лидия Русланова, какая лишь умела петь в больших советских залах на своих концертах. Сталинские прихвостни, однако, нашли к чему придраться у Сакена Сейфуллина и у тысяч других, какие просто сложили свои головы ни за что. А все как тому содействовала политика вождя, какого осудили и, может, даже проклинали только после его смерти. Его надо было еще при жизни четвертовать принародно, как Стеньку Разина, в неповадность другим, так ведь сталинское окружение положило его даже

рядом с Лениным. Ничего кощунственнее мир не встречал, а Советский Союз такое сотворил...

Но, друзья мои, то было все в прошлом. После хрущевского разоблачения деяний Сталина выжившие репрессированные им люди готовы были сплестись на могиле Сталина, но Сталина лишь вынесли из Мавзолея и по-Коронили тут же у его стен. Я старик, и прошлые мысли меня донимают. Не хотел их затрагивать, но чертова натура давит, как давит свое окружение гора Алатау. Молодые писатели так подумали бы, о чем писать, а мой старческий ум не иначе как стал заходить за разум, и он бросает на бумагу то, что ему приходит в голову.

Разозлившись на себя, решил что-то доброе написать о своем поселке, благо что нынче ему в нынешнем августе стукнуло восемьдесят. Юбилей солидный, почему и хотелось бы рассказать о моем Агадыре нечто приятное, даже сакраментальное. Походил-походил по поселку, полюбовался его тротуарами, выложенными цветной плиткой, привокальной плиточной отделкой вместо традиционного асфальта, какой приходилось видеть в той же Караганде и той же Астане. Агадырцы, оказывается, шагнули дальше их, выложив такой же плиткой железнодорожный парк и припарковые входные площадки с обеих сторон.

Да, строители знали свое дело, принесли поселку свою красоту и удобство. Радовался этой красоте и я, только портила изящную картину пустующая четырехподъездная пятиэтажка, такая же пустующая из красного кирпича двухэтажка с большой трехэтажной больницей, с переходом по второму и третьему этажам в поликлинику.

Двадцать лет назад, когда Агадырь был центром Агадырского района, в этих домах жили люди. С гибелью Агадырского района в 1997-ом жилой народ из этих домов куда-то разбежался, оставив квартиры без окон, без дверей и без деревянных полов. Все было сорвано, куда-то увезено или продано, а может, просто пропито, о чем не знают ни местные власти, тем более окружающее человечество. Надо бы на прежних жильцов наслать поисковые бригады, какие бы изловили их и спросили: куда вы подевали жилую утварь? Ничего подобного не было сделано ни тогда, ни теперь. Теперь говорят: ничего бы им не предъявили, поскольку квартиры по тому времени были приватизированы. Однако мне как простому жителю Агадыря неясно: где были власти, какие позволяли средь бела

дня грабить государственные жилые здания на глазах всего человечества?

О том я спрашивал больше у себя, поскольку спрашивать-то больше было не у кого. В поселке были и есть больше и малые власти, какие и пальцем не пошевелили, чтобы спасти эти дома от разграбления. Теперь они просто стоят и пустыми окнами глядят на безучастных людей, каким целых двадцать лет судьба дарила такие большие и красивые прежде дома с балконами...

Возвратившись домой после вояжа по своему поселку, я засел за злую статью, какую озаглавил «Что имеем - не храним». Прочтите ее, друзья, и вы. Может, и вам станет больно за все агадырские инсинуации.

Статью стиснули в «Индустриальной Караганде» 12 августа, она прошла без сокращений. Копию ее я затормозил просто для себя и для сверки. Сокращать авторов в редакциях умеют, потому как мы, пишущие, часто и густо несем семь верст до небес, хотя в статье просматривается какое-то зерно. Резали и меня, и я считаю, что правильно делали. Допусти нас со своими марашками на страницы без правки, так мы и впрямь можем целый огород нагородить!

Так вот, «Что имеем - не храним» пошла без сокращения и правки. Не сказать, что я газетный ас, но какие-то литературные заскоки у меня открываются. Больше я буду использовать их в моей «Душевной повести», какой и планирую завершить свою писательскую деятельность. Пора и правда притулиться к дивану да к телевизору и с ними проводить время. Наверно, и правда надо завязывать с писаниной. Тринадцать книг - это уже что-то. Белый свет о них не ведает, но ведает «Классик», а это уже какой-то прогресс в моей старческой жизни. Выйдут в свет остальные мои пять «чебурашек» - я уж точно запою и даже лично себе напишу поздравительное послание.

В общем, друзья мои, давайте-таки окупемся в ту самую мою статью, о чем мы говорили выше.

«Пустующие дома и сегодня приходится обозревать нередко. А ведь были у них когда-то двери, и окна, и полы, и жизнь в них шла своим чередом. Проезжая на поезде в сторону областного центра, даже из окна вагона вижу брошенные пятиэтажки. В Актасе близ известного Карагандинского цементного завода насчитал около десяти «красавиц» с пустыми глазами-

цами. Покинули люди это место, и хорошие прежде жилые дома нынче просто пустуют. Удивляет: как мы остаемся равнодушными к такому богатству? И кто дал право прежним жильцам разворовывать жилой фонд? Куда смотрели власти? Пусть квартиры были приватизированы, но ведь строило дома исключительно государство. Почему никто не позаботился о сохранности дорогого-таки жилого фонда? Со своей личной хибарой из самана или кирпича делай что угодно, ты хозяин, а чужое - не тронь.

Проезжая Караганду в южном направлении, на пути встречается другой поселок - Кулайгир с его большим и известным щебеночным заводом, где я насчитал около десятка таких же пустующих пятиэтажек. Неизвестно, страдают ли здесь люди без жилья, только и эти пятиэтажки надо бы было сохранить «живыми». Пусть бы они стояли в ожидании новых жильцов, чего хотелось бы пожелать и жителям Актаса.

Подобная картина с пустующими домами наблюдается и в моем Агадыре. Со смертью Агадырского района в 1997-ом, просуществовавшего двадцать пять лет, начал потихоньку гибнуть без стога и боли его жилой массив. Неведомо почему, но прежде оголилась большая четырехподъездная пятиэтажка с восьмьюдесятью квартирами. Построили ее не железно-дорожники, а районные власти. Здание и сегодня выглядит эффектно, но нет в нем ничего для жизни: исчезли паркетные полы, красивые двери и такие же окна в рост человека. Двадцать лет как нет Агадырского района, двадцать лет пустует и пятиэтажка. За это время сменилось как бы не полдесятка акимов и их замов, а с пятиэтажкой ничего не изменилось. Также она стоит красивая, гордая и неприкаянная, глядя на мир и на равнодушных людей пустыми балконами и пустыми сквозными окнами.

На окраине поселка построили большую трехэтажную больницу с крытым светлым переходом в поликлинику. Честно и добросовестно служила она агадырцам все время со дня ее постройки до падения Агадырского района, после какого медицинский штат куда-то разбежался, как разбежались и все больные. Здание с тех пор пустует. Верхние этажи стоят без окон и дверей, а на первом занято несколько комнат переселенцами из Монголии. К больнице у больших и малых властей района и области до сих пор не доходят руки. Что будет с этой больницей - неведомо, благо железно-дорожные власти в свое время построили большую двухэтажную больницу с отдельной поликлиникой, какие служат агадырцам и по сей день.

Что удивительно, прямо напротив акимата расположилось двухэтажное общежитие железнодорожного народа. Здание красивое, из красного кирпича, также пустует. Оно красуется прямо за окнами кабинета акима. Не раз задумывался: неужто не болит душа у мэра Агадыря? Я так поставил бы на ноги весь белый свет, и здание бы зажило своей жизнью, как жило оно до этого. Были здесь и холостяки, и женатый народ с детьми. Сейчас в здании традиционно нет ни окон, ни дверей, как нет и тех же полов. Куда все подевалось - Бог весть. В период приватизации было модным растаскивать государственное имущество, потому как оно при каких-то бумажках о приватизации считалось твоей собственностью. Ну, а коли это мое, буду поступать с ним, как мне вздумается. Интересно, что исчезали прежде всего окна, двери и полы. Куда они потом девались - загадка, какую не сможет и теперь разгадать ни один полицейский страны.

В общем, над вопросом сохранности зданий я насчитал полдесятка разных складов, контор, контейнерных площадок со складами и подъездными путями истинно гулливеровских размеров. А они ведь когда-то работали, служили человеку, тем же агадырцам... Почему бы им не послужить и теперь? Если суммировать все ныне пустующие агадырские когда-то жилые массивы, то выльются они как бы не в две сотни квартир, в которых надо только застеклить окна, навесить двери и настелить полы. В двести квартир можно заселить полтыщи благородных жильцов.

Имей местные власти права и средства, коммунальная сфера зажила бы новой жизнью, и не было бы безглазых домов. Что удивляет, нынче не встретишь, как прежде, башенного крана и простого автомобильного, что говорит о нашей инерции. Если что-то строим, то свое с размахом, в четыре и пять комнат, с водой и канализацией, с асфальтовым покрытием дворовой площади. А все это потому, что стали мы жить кучеряво. Скота у нас море, акша - столько же, а все как наступил капитализм со своей частной собственностью.

А строительные краны - это же расправленные плечи народа, символ богатства и здоровья державы. А по сути, радоваться у нас пока нечему, поскольку идет не строительство нового, а крушение старого, честно и праведно служившего людям долгие и долгие годы.

А в том же Агадыре свадьбы играют как бы не еженедельно. Ах, каким бы подарком для молодоженов стали ключи от квартир, ныне пустующих,

но восстановленных властями всех рангов, появивсь соответствующие нормативные акты! Наши отцы оставили нам немало квадратных метров доброго, красивого и недорогого жилья. Мы-то, господа, что оставляем своему потомству?»

Конечно, под статьей стояла моя фамилия и мой Агадырь. Не знаю, какие эмоции вызвала статья у агадырских властей, только минула целая неделя после нее, а мне никто не звонил и вызывал на приватную беседу. Наверняка считают, что разговорами делу не поможешь. Тут нужны большие и вообще хорошие деньги государства, какому Агадырь на сегодня нужен, как зайцу вытрезвитель. У государства большой размах по «ЭКСПО» и другим начинаниям, а до мелких поселений у него не доходят руки. Конечно, наступит время, когда во внимание государства попадут и провинциальные поселения, в каких живут люди и работают на государственных предприятиях. Агадырь - железнодорожный регион, а железнодорожники всегда были опорой государства. Так что агадырцы живут надеждой, что государство не оставит их в забвении.

А я после этой статьи вновь ударился в стихотворное бормотание. Правда, ночами я теперь уже не соскакиваю со своего дивана, а святое утро начинается для меня где-то в половине седьмого, а то и в шесть, когда Гульчатай моя похрапывала и понятия не имела, какой дурью я занимаюсь. Новых стихов на ум не приходило, а листая старые, хотел бы что-то из них убрать, а что-то добавить. Наверняка это такая философия у стихотворцев, за что их не следует осуждать.

Не осуждаю себя и я, когда под руку мне подвернулось вот это старое стихотворение. Его можно найти в моей первой книге «Мои агадырские зори». Сегодня я сделал его вот таким:

Конечно, годы прошлые с нынешними разнятся,
У нас в стихах война и голод отражаются,
Наши годы были далеко не праздные,
А нынче на разгул да на тенге бросаются.
В целом же наш стихотворный торт пахнет эрудицией,
А значит, он дойдет до своего читателя,
В нем литературная сохранена позиция,
Так нужная читателю, поэту и писателю.

А своим издателям со старческой позиции
Я пожелаю счастья, здоровья и друзей!
Дома ж я в своей ухоженной светлице
Буду ждать набора всей «лапши» моей.
Ну, а коль она выльется в книжонку,
Я уж точно песню в экстазе запою,
Порадую друзей, а прежде мою женку,
Я за победу эту за ценой не постою!
А закончу я, друзья, свое душеизлияние,
Пусть оно в издательстве коснется мудрецов,
Я так приложил, друзья, старания и знания
И ставлю свою подпись - Николай Слепцов.

На другие стихи внимания обращать не стал - читатель наверняка меня не поймет. Чего трогать старое издание? Создавай новое, тем и довольствуйся. А новое как раз и обходит меня стороной. Может, потому что я с каждым днем старею? У молодых и мысли молодые, а у старика уже не ум, а мякина. До восьми десятков я сработал целых тринадцать книг, а в перерыве на девятый десяток стихи и прочая творческая какофония стали потихоньку от меня отходить, не ведая, радоваться мне тому или огорчаться.

Меня так больше тянет огорчаться, потому как я все равно с ручкой и бумагой не расстаюсь. Все равно поэт — он и в Африке поэт, потому, думаю, исправить меня невозможно, покая не скovyрнусь и не закрою глаза перед доктором, а то и без него. Как-никак, а я все-таки зажился. Мои родственники так давно поотбрасывали копыта, а я кувыркаюсь, бодрюсь, хожу свои ежедневные километры и даже что-то сочиняю в степном раздолье. Тетрадка с ручкой всегда со мной в маленькой походной сумке, какая хоть как-то занимает руки. Идти и просто размахивать ими, как солдат в походе, непривычно и неприлично, что заметила и моя Кадиша Калкеновна:

- Возьми ты в руки хотя бы палку, а то идешь, как бомж! У мужика в руках должно хоть что-то быть, как и у женщины. Ну, мы с сумками не расстаемся, это традиция, мужику тоже надо как-то под нас подделываться.

- Возьму, Кадиша, твои слова на заметку..

И действительно взял, за что и благодарен своей Дариге Калкеновне. А

мои степные прогулки не могли меня обойти и не затронуть своими поэтическими вкраплениями. Их я тут же записал, присев на какой-то степной камень.

Я шел, а солнце выше поднималось,
Как будто спрятаться хотело в синеве,
И с высоты мне нежно улыбалось,
И искрилось бисером в траве...

А степь катила ковыли седые,
Как море катит легкую волну,
И я, расставив руки молодые,
Подобен был плывущему челну.

Увидеть край земли не удалось мне,
Но я был рад седому ковылю,
С тех пор я степь с ее разноголосьем,
Ее простор, как Казахстан, люблю.

Ну, Казахстан не любить я не могу, поскольку я здесь родился, вырос, учился, работал и стал тем, кем и должен стать пожилой человек, разменявший свои шесть десятков. Конечно, стал я пенсионером и заметным человеком в литературе. Издали меня не видно, а вблизи кто-то да усекает. Усек меня Алексей Петрович, усекла и библиотекарша. Не усекли, правда, читатели библиотеки, но, видно, в наш интернетовский век так и должно быть.

О нынешней нечитающей публике нынче говорят много и повсеместно. Я разговоры только слушаю, но никогда и ничего не поддерживаю. Лить воду и грязь нынче мы умеем. То ли мы тому учимся у Запада, то ли друг у друга, только сие не красит ни тех, ни других. Литература никак не умерла, как не умерли и книги, какие-таки в свет появляются, и мы обязаны их читать хотя бы бегло, хотя бы искоса, чтобы знать, чем живет нынешний мир и нынешний пишущий человек.

А они должны жить своим временем, своим поселком, своими заботами. Наверно, я все-таки ими живу, о чем и пишу. Наверно, то же самое делает и всякий пишущий человек. Алексей Петрович так заметил мне од-

нажды, что он завидует мне, просто завидует белой завистью. Он прожил более меня на целых восемь лет, больше чего повидал, потому как родился в Саратове, видел Волгу, ее суда и ее рыбаков, пять лет служил на море, на корабле в Севастополе, избороздил Черное море, и в памяти осталось столько виденного и слышанного. Умей я писать, говорил он, я бы мог выродить хороший роман о прошлом, потому как ему встречались необыкновенные люди, какие сегодня просто перевелись. Об этом и телевидение говорит, и лолитики, и Жириновский.

Не знаю, о чем говорят политики и Жириновский, только я остаюсь при своем мнении - книги надо читать и писать.

— Согласен, дорогой, с тобой. Но как мне научиться писать?

— Не могу, Петрович, знать, потому как не знаю, учит ли хоть один вуз на земле писательскому делу. По-моему, писатели и поэты рождаются от природы. Родились же поэтами Пушкин, Лермонтов, Есенин, Блок, Исаковский да Твардовский. А Маяковский, а Анна Ахматова? А наши Олжас Сулейменов, Любовь Шашкова, Валерий Михайлов? Нет, поэтом можно только родиться, а не стать им.

— Вот и я о том же думаю. Рожденный ползать летать не сможет, ему и небо не поможет... По секрету, я делал несколько набросков об армейской жизни, о смелых и боевых моряках, каким сам был целых пять лет, но у меня получалось нечто бомжовское, какой говорит, не зная о чем. В голове мыслей и фактов много, а положить их на бумагу не могу. А все от моей тупости по писательской части. У тебя так два романа вышли, две очерковые книги, вышла повесть «Судьбы натянутая нить» и три поэтических сборника. Считаю, что это достижение, достойное настоящего писателя и поэта. Так что давай, Андреич, за твои книги ударим по сто тридцать!

Ударили по сто тридцать коньячку, пять звездочек, и я пообещал рассказать, с чего и как я начал бы его старый служебный роман...

После той встречи с маленьким возлиянием и разговорами о писательских делах прошло немало времени. Как и обещал, я втолковывал и советовал Петровичу, с чего бы я начал его служебный роман. Петрович слушал-слушал, что да как, что-то даже записывал, а потом просто сказал мне:

— Правильно ты заметил, что писателем надо родиться. Я же вначале родился моряком, а после перерос и стал железнодорожником, какой слу-

жил своей «железке» сорок пять лет. Хотя и на «дембеле» я, а меня депо все равно приглашает вести занятия на курсах помощников машиниста. Я не отказываюсь, потому как железная дорога - это моя жизнь и судьба. Мечты о романе - это просто бред сумасшедшего. Вот если бы ты написал по моим материалам, и меня бы поместил в тот роман под другим именем и фамилией, что в литературной среде и делается... И ты прославишься как писатель, и меня прославишь, хотя буду в романе другим человеком. Себя я узнаю, своих друзей-моряков и мою родню с гражданским народом, какой ставил меня на ноги после армейской службы и корабельной п.;лубы на железнодорожные рельсы.

Послушал я Петровича и сказал, что в мои нынешние восемь десятков я вряд ли смогу осилить такую ответственную ношу. Посоветовал найти кого-либо помоложе и пошустрее меня.

- А кого искать, Андреич? В Агадыре из одиннадцати тысяч гавриков только ты один и занимаешься писаниной да литературным творчеством. Я, к примеру, не ведаю, кто есть еще такой смелый и боевой с писательской натурой. Может, кто-то и есть из национальных авторов, но я их не знаю. Видел, в нашем клубе награждали аж двоих писателей-поэтов, какие что-то выдали на родном казахском языке. Книги их не переведены, и я не знаю, что там в них и о чем они. Так что о моем романе мне надо забывать. Ты ссылаешься на свой возраст, а я-то в свои восемьдесят восемь на что пригоден? Сморозить житейскую ересь можно попытаться, но мы-то жизнь повидали, и потому рука не поднимется толочь в ступе воду..

- Бог, я вижу, Петрович, дает тебе мысль и движение, и коли поднапрячься, то можно и родить нечто похожее на роман. На мой взгляд, ты, Петрович, можешь уложиться в солидную повесть, в какой ты просто и оповествуешь о своей жизни. Не все же боги горшки обжигают, на что-то можешь решиться и ты. Читай больше классиков, у них есть чему поучиться и что-то перенять. Попробуй ударить «Герой нашего времени» Лермонтова. Посмотри, какой красивый и сжатый язык без всяких привычных украшений! Пришвин так мог о природе, о луне да солнце глаголить на целую страницу. То же самое он писал о дожде, о траве и той же березе. Начни читать «Войну и мир» Толстого, так просто запутаешься в его словесных хитросплетениях. Нажми на Лермонтова, можно ударить и по Тургеневу и на его «Отцы и дети». Они как-то проще читаются, чем толстовские творе-

ния с его войной, «Анной Карениной», «Живым трупом», «Воскресением», «Хаджи Муратом» и прочими вещами. Я лично почему-то от них устаю.

- Конечно, писатель писателю не может быть равным. У каждого, наверно, свой стиль и свое умение. Лермонтов так умел растягивать свою мысль на километры, когда она вмещается в двух-трех строках, где все коротко и ясно. Есть писатели, какие любят много лить воды, думая, что она лучше взрастит его поэтическое растение. Я тоже сталкиваюсь с такими творениями разных авторов и просто удивляюсь, как разнообразна наша литература. Нынешний век наверняка родит своих писателей, у каких и правда будет свой стиль, свои повадки и своя семантика. Конечно, в мои восемьдесят восемь за ними не угнаться, но я все равно хотел бы родить роман о моей мирской жизни. Пусть он будет небольшим, как, скажем, «Цемент» Гладкова, но в нем будут живые люди, с какими я служил пять лет и у каких набирался опыта жизни. Ты меня, Андреич, все-таки натаскивай, и я, возможно, разрожусь книгой о себе и своих друзьях.

— Если, Петрович, себя хорошо мобилизовать, можно родить и роман, и повесть. Последняя, думаю, предпочтительнее, по себе знаю. Елавное — с чего ты начнешь и сколько у тебя будет по мысли героев. Если ты приведешь целую деревню, как у Толстого, то в повесть можно и не уложиться. Я ведь не знаю твоих планов и наметок, а потому придется тебе крутиться самому. Не думаю, что тебе роман дастся сразу. Будешь ты в нем крепко плавать, зато у тебя могут быть чистые берега. Можешь начать с того, что тебе говорили на призывном пункте и сразу ли тебе сказали, что пойдешь на флот. Начнешь с этого малого, а дальше как развивались события. Мелочи можно упустить, а сосредоточиться на каких-то главных моментах. Их нужно бы вспомнить и втиснуть в твой роман. А дальше больше налегай на людей: как познакомились, откуда кто призывался, кто остался дома — мать, отец, женка, детки. А прочую пятилетнюю службу можно сжать и выбрать в ней основные вехи. Как плавали вы до самой Новой Земли, что вы там видели и что слышали...

— А слышали, что там якобы испытывали атомную бомбу? Местные моряки говорили, что даже видели ядерное пламя из воды.

— Возможно, что-то и было, но нам того знать не следует, поскольку уже и лет-то минуло более шестидесяти. Теперешние испытания не секрет не только у нас, но во всем мире, хотя бы у тех же корейцев...

На этот раз Петрович особенно разговорился. Может, потому что дал я ему какую-то наводку на его роман. Как он будет с ним крутиться, я не представлял, а в душе прикинул: романа не будет. Я бы так наверняка что-то бы да сообразил, потому как у меня есть уже кое-какой опыт. Начинать же Петровичу не с чего. Не представляю, какой надо иметь задел. У меня так болтаются какие-то черновики, записи, наброски, а у моего товарища й восемьдесят восемь лет? Не знаю, он со мною о том не делился.

О творческих возможностях Петровича я ничего не знаю и не представляю, как можно удариться в литературный процесс, не ведая ни его истоков, ни прошлого, ни текущего состояния. Я хоть что-то о том почитывал в специальной литературе и в текущих литературных журналах Казахстана «Простор» и «Нива», в каких выступали и выступают литературные асы, преподаватели гуманитарных институтов и университетов. У Петровича никогда не видели дома ни одного из них, поскольку он их в глаза не видел и вряд ли даже знал об их существовании. Учебников по тепловозу и электровозу у него не хватало, а чего-либо близкого к поэзии и литературному творчеству отродясь у него не было.

Что его вдруг надоумило сесть за роман, понятия не имею. Скорее, натолкнули его на эту мысль мои книги, какие я ему подарил с надписью «Кто в поселке знает Слепцова как поэта? Каракесеков, Быков да Чеботарев. Остальному миру не до этого, ему бари-бер, кто это таков». Каракесеков и Быков тоже были моими друзьями, и обойти их своими книгами я не мог. Петрович наверняка прочел оба мои романа «Годы Орлиные» и «Жизнь моя забубенная», и у него тоже проклюнулась мысль написать нечто подобное. Ему так больше помнился его корабль и пятилетняя служба на нем в Севастополе, какие и натолкнули мысль на роман о них.

Ну, желания от возможностей в корне отличаются, о чем я ему уже говорил. Кроме своего маленького железнодорожного образования, такого как железнодорожное училище, я ведь имел еще и университетское с гуманитарным уклоном. Нашему алматинскому КазГУ я отдал шесть лет, а это хоть что-то да значило в моей жизни. Пусть сорок лет я работал не по дипломной профессии, но университетские знания начали меня доставать только уже на моем «дембеле». Что из того получилось, вы знаете.

А Петрович имел чисто железнодорожное образование, такое же, как у меня, заочное, и «железке» он отдал аж сорок пять лет. Гуманитарией тут

и не пахло, однако я не спрашивал, как он хочет переключить свой ум с «железки» на пушкинский и толстовский путь. У себя так подумывал: восемьдесят восемь наверняка как-то загоняют ум набекрень. Мои старческие тоже сдвинули меня по фазе, и я ударился в есенинские и шолоховские забавы. По есенинской тропе я проехался четырьмя стихотворными сборниками, по шолоховской - тоже четырьмя, но большими форматами и в твердой обложке. Выглядят они эффектно, так что они тоже могли заразить Петровича писаниной.

Между прочим, вспоминаю, что Петрович был активным рабкором и писал статьи в газеты. Писал он больше о людях, с какими работал и с какими постоянно общался. Читал я такую его статью о машинисте Пышном. Писал он статьи о помощниках и даже об одном машинисте-инструкторе - кажется, Ковальковском. Писал он о машинисте Викторе Вербе, какой оканчивал вместе со мною Акмолинское ЖУ. Как мне кажется, ударился Петрович и в поэзию. Выходило, что мысль о романе строилась не на пустом месте. Я, конечно, о товарище своем знал не все, потому и не поддерживал его романного намерения. Теперь я мнение свое изменил и думаю, что Петрович даже может осуществить свое намерение с романом. Коль обратится ко мне за какой-то помощью, непременно откликнусь и сделаю, что смогу. А если роман и на самом деле нарисуеться, я помогу ему пробиться в «Классик» и издать его. В общем, жизнь покажет...

Со своей писаниной в общем я решил завязать окончательно. «Душевная повесть» должна подвести итог моей писательской деятельности, на какой я наконец-то поставлю жирную точку. Все, что я хотел, я сказал, каких героев мне хотелось и кто был достоин, я вывел. О жизни своей поведал, как положено, о своих литературных вещах говорил и даже оповестил их названия. Последние пять или даже шесть книг я жду не дождусь, но меня заверили, что они будут жить. Издательскому «Классику» я верю как себе.

А в целом на меня наплывает и сегодня нечто поэтическое. Мне ничего не остается, как записывать, только они белого света не увидят никогда. Закрою глаза - кто-то да кинется, если прикоснется к моим бумагам, хотя сделать это в моем поселке некому. Если только кто-то на мои похороны из «Классика» приедет, то будет какой-то толк, а так гнить моим стихам, как и мне, в земле сырой. Но не такой уж «Классик» богатый, чтобы раз-

езжать по своим авторам, какие отбрасывают копыта. Отброшу их, конечно, и я, но когда? А я не хочу делать этого хотя бы еще лет десять, когда мне стукнет девяносто. А что это, человеческий предел? Так люди живут до самых ста и за сто! Мне все равно и в мои восемь десятков, и в девяносто будет хотеться видеть моих читателей или хотя бы чувствовать их присутствием душой, телом, мыслью и сердцем. Хотел, чтобы и читатели таким же образом чувствовали и чтители меня.

ГЛАВА 14

Последними строками тринадцатой главы думал и закончить свою «Душевную повесть», свое душевное повествование, а если надо, и душевную исповедь, с какой пришел в писательский мир триста лет назад Жан-Жак Руссо, озаглавив свое душевное откровение просто и изысканно — «Исповедь». Но, перелистывая первую свою книгу, почему-то привлекло стихотворение «О нас и СНГ». Вот привлекло, хоть ты тресни!

Читатели наверняка его тоже читали на 21-ой странице. Не ведаю, как они отреагировали, только мне захотелось сунуть его и в эту книгу, какую я считаю последней в моей жизни. Думаю, пора и меру знать. А вот стих чем-то затронул, чем-то возбудил. Подумал: а не перебарщиваю ли я свою «Душевную повесть» стихами? Они ведь могут читателю надоест и снизить художественность всего произведения. Стихи хорошо идут к стихам, в стихотворной подборке, а в прозе они искажают художественную выкладку.

Это я так думаю, а как думает читатель - не соображу, не знаю, ни в зуб ногой. Не знаю, что скажут и рецензенты, только от этого стиха отказаться я не могу. А в целом, не такая я уж шишка на ровном месте, чтобы обо мне распространялись литераторы большого и малого пошиба, какие обитают в большой печати. А большая печать - это, конечно же, наши республиканские журналы «Простор» и «Нива», с какими я дружу много лет и даже появляюсь в них своими виршами и прозаическими заскоками. Правда, эти журналы не тиснули ни одного моего большого материала,

хотя я их туда посылал, кроме «Нивы», какая тиснула мой роман «Жизнь моя забубенная». Читатель усек роман в июньском и июльском номерах 2015-го, а в августе какие-то политические силы страны журнал закрыли, наверно, на веки вечные, поскольку заканчивается уже 2017-ый, а журнал не возобновлялся.

Молодец «Нива», что решилась на подвиг напечатать роман какого-то Ваньки с пивзавода агадырского производства! Я кланяюсь «Ниве» и теперь, и сегодня, и сейчас, хотя ее уже два года уничтожили, как врага на рода. О том я даже написал нашему премьер-министру Бахытжану Сагинтаеву, но письмо к нему его окружение не допустило, отчего я не ведаю, возобновится ли наш казахстанский общественно-литературный журнал, какой я сравнивал с «Современником» далеких пушкинских и Некрасовских лет.

Сравнивая себя с пишущим братством нашей страны, нашего большого и красивого Казахстана, я спрашивал себя: ну кто я есть в прошлом и теперь? Работяга, слесарь, потом снабженец, снабжавший всем необходимым строителей второй железнодорожной ветки «Караганда - Чу» и ее электрификацию. То же самое я делал и для моего депо, каким я жил, гордился и какое выпроводило меня на «дембель». Признаться, мне и сегодня хочется сказать словами писательницы прошлых лет Галины Николаевой, автора романов «Битва в пути», «Жатва», многих рассказов, стихов и повестей, которая в «Литературной газете» за 22 сентября 1954 года заметила: «Хотелось бы быть там, где жизнь в данное время всего напряженнее и всего горячее».

Ну, мало ли чего мне хочется... Оно хоть и хочется, да ведь и колет. Хоть я и старик, я вижу, что нынче и впрямь жизнь стала «напряженнее и горячее». Наверно, и впрямь жизнь была таковою, на какую указывала Галина Николаева. Время-то еще было сталинское, 1954-ый, когда Сталина только что схоронили, и он лежал в Мавзолее рядом с Лениным.

Конечно, подобной жизни, о какой мечтала писательница, я не хочу. Что жизнь стала «напряженнее и горячее», мы видим нынче внутри и снаружи. Напряженка, по сути, достала всех и каждого в любой республике СНГ, а горячность жизни, ее накал придают сами люди. Нынче они более деятельны, более экспансивны и менее любвеобильны. Нет в них прежней привязанности к семье, к женщине, к детям, да и к своей стране.

Послушаешь телевидение и Интернет, считаешь прессу и диву даешься: какими мы стали равнодушными друг к другу, к человеческим недугам, страданиям и несчастьям! Мы научились красть детей и продавать их за большие и малые деньги, научились даже новорожденных бросать на помойки, в туалеты и просто оставлять в безлюдном месте. Мы научились налегать на стариков и обманывать их, отбирая у них квартиры, машины, ценности и деньги. Мы свободно можем закопать этих стариков в снег, в землю, утопить в болоте и в речной воде, чтобы все их богатство, их дом, квартира, машина досталась только нам.

Телевидение говорит об этом постоянно, говорит правдиво, с болью и назиданием. Телевидению хочется верить, потому как оно у нас правдивое. Телевидение и средства массовой информации у нас государственные, а государство у нас не может обмануть народ и идти против него. За это мы и должны любить свое государство, свою республику и все, что в ней живет и дышит.

Как-то я обещал не влезать в политику и в ее политические дебри, однако вновь влезаю, как кот под мое одеяло. И все же за все, что пишу нынче и говорят, надо поблагодарить наш век и тех, кто делает нашу политику. Старое время себя наверняка изжило, потому нам приходится приспосабливаться к новому времени. А вот приспосабливается ли время к нам? Наверно, вопрос неуместный, однако время — тоже живой организм, и оно имеет право на жизнь, как люди. Риторика тут, наверно, неуместна, как и все риторические рассуждения в этом плане. О напыщенности наших рассуждений говорить не будем, хотя Гульчатай моя меня в этом упрекнула. Я, однако, никакой напыщенности и возвышенности не нахожу, а просто рассуждаю целенаправленно. Если где-то и промелькнули риторические нотки, то их можно списать на мою старость.

Решил в этой главе меньше говорить, а больше делать. Ну, делать те же стихи, какие я обещал. Из всех хотел бы остановиться на «О нас и СНГ». Кто не прочел его в «Моих агадырских зорях», пусть прочтет в этой книге, может, даже не пожалеет. Я так перечитываю, и ничего, не сгорбился и не покатылся по наклонной. Хочу, чтобы прочли его и вы. Что вы вынесете из него, то пусть останется с вами и при вас, я буду рад даже тому, что вы это мое стихотворение прочли.

Я забыл, как волнуется море
И какая при ветре волна.
И целуются ль с волнами зори,
Когда всюду стоит тишина?

Не бывал я на море лет двадцать,
В том вина не моя - СНГ!
Нынче в Сочи иль Ялту податься
Можно только лишь в радостном сне.

Ах, зачем СССР развалился,
Все республики враз разделив?
Вместо них СНГ родился,
Породивший болючий нарыв.

Три славянских политика в роще,
Авторучки и рюмки сомкнув,
Посчитали: республикам проще,
Кто свободе своей присягнул.

Вот и стали, вкусив ту свободу,
Нынче каждый - солнце в себе!
Своему оно светит народу,
Оно в каждой стране и судьбе.

Его флаги свой ветер колышет,
Все в республике каждой свое,
Чем питаются люди и дышат,
Землю славя свою и житье.

Мир своей проживает отрадой
И своею надеждой живет,
СНГ же, как будто в ограде,
В мир со всеми попутно идет.

Казахстан и Москва с Украиной
Ускоряют по миру шаги,
Остальные в пространстве невинном
Нарезают пока лишь круги.

Где конец их крутого круженья?
Даже Бог с поднебесья не зрит.
СНГэвцы не ждут одолжения,
СССР их никак не манит.

Союз прежний устраивал каждого —
Та же воля и та же любовь,
Жизнь смыкалась во всем не однажды,
И не раз лилась общая кровь.

СНГ ж в большинстве непонятен:
Двадцать лет и в сегодняшний миг
Обтекаемый он, неохватный,
Полный всяких шарад и интриг.

СНГ, как космический сгусток,
Лишь названьем в народе живет.
В нем, посмотришь, и скучно, и грустно,
И куда он на деле идет?

Станет он преподобной Америкой
Иль, как прежде, большим СССР?
Или жить станет новыми мерками
На свой страх и свой новый манер?

Жить своею крутою свободой,
Независимость в мире храня?
Все же больно сегодня народам
Видеть только родные края.

Видеть только в снегах Алатау,
Павлодарский в разливе Иртыш,
Задымленный, но свой Темиртау,
С кем по-дружески ты говоришь.

Ну, а как не любить свое небо,
Что зависло над Астаной?
Здесь давно я хозяином не был
И не знался с красою земной.

А как не зреть здесь степное раздолье,
И в зеленом потоке Ишим,
И бескрайнее хлебное поле?
Тут любой zalюбуется им.

Ну, а как обойти Кокчетая
Иль его Боровской регион,
Где туристы живут, отдыхают
И отвешивают низкий поклон?

А разве можно идти мимоходом
И в шахтерских домах не бывать?
Караганда вечно была хлебосолом,
Она шахтерам есть добрая мать.

Мне, однако, и нынче сдается,
Что наш прежний Союз возродится,
СНГ же с копыт кувыркнется
И куда-нибудь в космос умчится.

Комментировать стих, думаю, не стоит. Положения, затронутые в нем, для нас не новы. В каком направлении пойдет дальше СНГ - неизвестно, как неизвестен и век СНГ в мировом пространстве. Век СССР длился как бы не все восемьдесят лет, а век СНГ мир прикидывает, гадает, вычисляет. Жил будто под спудом, а потом вдруг вынырнул и теперь просто булты-

хается на мировых волнах и на мировой арене. Отторгать его вроде никто не собирается, потому как на мировой арене он не имеет веса. СНГ я не понял, потому и ударил его своим стихом. Знаю, что была одна страна, одна большая, общая для всех столица и один для всех президент, общая для всех Конституция, какая решала людские планы, намерения, задачи, в целом их жизнь и судьбу.

Вот так, друзья мои, давайте на том и расстанемся. Если я начну что-то вспоминать новое, я просто утомлю вас. Главное я, кажется, сказал, а жизненные мелочи просто захлямят книгу. Рассказать о себе что-то больше могли только большие люди. Лев Толстой так ударился в «Детство, юность, отрочество», где без всяких секретов говорит, где родился и где крестился. А маршал Жуков так в своей книге «Воспоминания и размышления» с первых строк прямо сказал: «На склоне лет своих трудно вспомнить все, что было в жизни. Годы, дела и события выветрились из памяти многое, особенно относящееся детству и юности. Запомнилось лишь то, забыть нельзя».

А дальше говорилось о его доме в деревне Стрелкове Калужской области, где этот дом стоял и как он выглядел. Мог бы нечто подобное сказать и я, так ведь не сказал, потому как на мелочи не обращал внимания, думая, что они просто утомят читателя. А Жуков указал на них, и они во все не оказались лишними. Они просто обрисовали картину тогдашней жизни, когда существовали царь и помещики, по многим деревням гуляла бедность. Тогда еще и Жуков-то не родился, а когда родился в 1896-ом, в семье только прибавился лишний рот, какого надо было поить, кормить, одевать, учить и направлять на какую-то жизнь.

Как кратко, четко и правдиво сказано в нескольких строках, а я не могу сделать это во всей книге, что наталкивает на мысль: не в свои сани не садись! А я как раз сел не в свои сани, и меня повез не мой литературный конь, какой был у Пушкина, у Лермонтова, да и у всей писательской братвы прошлых лет и современных.

Словом, своей писательской деятельностью я недоволен. Наверно, мне надо было обращать внимание и на мелочи, какие охарактеризовали бы главные положения повествования. Переделывают же писатели свои произведения, что-то добавляют, а что-то вообще убирают. Об этом писатели и говорят самолично, и что в других изданиях более выиграло. Я не пред-

ставляю подобных действий, какие, может, даются только гениям. Мне до них, как до Лондона пешком, потому я и буду довольствоваться тем что выдаст мне «Классик». Что есть лишнее, «Классик» уберет, неверную мысль исправит. Пока меня «Классик» не резал, и я считаю, что благодаря тому же «Классику» я буду жить на литературном поле. Если я буду жить, значит, будет жить и мой читатель.

Союз между нами должен быть, какой живет уже пять лет. Я люблю своего читателя, но не знаю, взаимна ли эта любовь. Я так говорю о своей любви прямо и вслух, а что говорит обо мне читатель, не ведаю.

Как бы там ни было, а обо мне никто никогда не скажет: «Начало большого пути: о поэтическом творчестве Г. Николаевой», назвав мою фамилию. Я знаю, что такого не будет ни при мне, ни после меня. А о Николаевой говорила некто Лушицкая, говорила самыми красочными эпитетами.

Хвалебных эпитетов я не жду и не дождусь. Мне бы только хотелось, чтобы меня читали тихо, молча и без слов. Не признавали же когда-то Маяковского, а ведь он вошел в литературу большим поэтом. О себе речи не веду. Ну кто будет меня признавать, когда я выхожу в свет двадцатью экземплярами? Я так лично доволен собой, и себя я признаю как писателя и как поэта, а окружающий мир, конечно, меня не знает. В агадырской библиотеке я есть целиком, однако меня не тронул ни один читатель.

Обидно? Да я что, с неба, что ли, свалился? Шестьдесят лет блуждаю по агадырским улицам, хожу по магазинам, в клуб и в прочие общественные места, где встречаюсь с друзьями и прочим агадырским народом. Так чего же ни один из них не сказал мне: «Знаешь, дорогой, прочел я твои книги, и, поверь, они мне очень понравились. В них есть живая жизнь, живые люди, в них есть прошлое и нынешнее, век старый и сегодняшний, какой мы делаем своей жизнью. А в стихах у тебя своя поэтическая манера, какая была и у Есенина. Стихи хороши в любом из твоих четырех сборников. А я бы так потосоветовал их тиснуть в наших журналах «Простор» и «Нива», какие по тысячу экземпляров каждый. Представляешь, сколько бы читателей тебя прочли?».

Ни один встречный-поперечный мне этого не сказал и, видно, никогда не скажет. А все как нынче не читабельный век, а интернетовский. Подумаю: а для кого я, черт возьми, пишу? Для себя, для детей, для своей Гульчатай? Так что с писаниной надо завязывать. Может, в 2018-ом и завя-

жу. Мне как раз стукнет восемьдесят один, а в эти годы голова уже не так варит, хотя во мне не менее как сидит мой поэтический черт. Вот сидит, подлюка, и донимает днем и ночью, в святое утро и в тихий вечер, когда телевизор ведет последние известия. Я ухожу от них, оставляя телевизор и мою Гульчатай. Что я там накропал, не скажу и не покажу, пусть оно умрет и сгниет со мною - так будет справедливо и ко мне, и к читателю.

Читателя вообще надо уважать, поскольку, как где-то указывал поэт Михаил Исаковский, у него «повышенный общепризнанный интерес к искусству поэзии, с нашими неслыханными тиражами стихотворных книг, с переполненными залами литературных вечеров. Так необъятно велика читательская армия в нашем обществе, что постоянные читатели, любители поэзии, именно стихов, при всем том, что уже сказано, составляют лишь отдельную часть этой армии».

Речь шла о большой читательской армии, какую Исаковский любил и просто поклонялся ей, что делаю и я к своему читателю, какого у меня практически нет. У Исаковского была совсем другая эпоха, у какой, конечно, был свой читатель - умный, изысканный, практичный и доверительный.

Нынче читатель, конечно, изменился. Изменился не сам по себе, а сделало его таким время. Сделало меня поэтом и мое время. Когда оно было для меня несладкое, поэтом я не был, ничего не видел и ничего не писал. Теперь же, когда для меня время подсластило, когда я на «дембеле» и у меня все есть, когда в стране наша Независимость, какая дает мне все, что нужно для жизни, ко мне и приходит лирический настрой со стихами и даже песенным напевом. Мне ничего не остается, как только сказать: «Менын бас истейде, аягым истейде, Гульчатай шай береде - тагада маган не керек?».

Правильно делал Исаковский, что поклонялся своему читателю. То же самое делаю и я, но печать мои поклоны не принимает. У нее, наверно, свои правила и традиции, потому и дает мне от ворот поворот. В редакциях и издательствах, видать, своя философия общения с читателем. Одни должны что-то творить, другие так воплощать эти творения в жизнь. Так было при Пушкине, Лермонтове и Белинском, так на верняка должно быть и теперь. Хотя у нас другой век, но литературное творчество всегда должно стоять на своих позициях, какие идут от Гомера, Плутарха да Аристотеля

до наших Пушкина, Лермонтова, Абая, Сейфуллина, Джансугурова, Ол жаса Сулейменова и его современников.

Я тоже хотел бы, чтобы моя лирика, мои стихи несли в себе какие-то задатки жизни, а то и всю жизнь с человеческими чувствами — от болезненных до душевных и любовных. Не скрываю, что часто хочется воспеть наши бескрайние казахстанские просторы, ее степные дали и бывшие целинные поля, какие нынче просто поросли бурьяном, ковылем, травой и осотом. от какого даже скот отворачивается.

А я когда-то любил целину, ее просторы и черный распаханный пласт. Любил и писал о ней стихи. А какой был целинный народ! Сейчас такого природа просто не рождает. Он крепко умел работать, любил землю и все, что она рождает и посылает своему покровителю. Время, наверно, сделало так, что целина себя изжила, как изжили себя колхозы и совхозы. Уже два десятка лет мы без них, и ничего, живем, трудимся и рожаем детей.

О целине, между прочим, я даже планировал написать роман. О людях земли у нас не так уж и много книг. Одна из них, кстати, и попала мне в руки, какую я прочел и проштудировал. Это оказался роман Галины Николаевой «Жатва», какой и отбил у меня охоту писать о целинниках, о земледельцах. Конечно, я восхищался председателем колхоза Василием Бортниковым и старался находить его черты в руководителях целинных совхозов. Что-то в них тоже бывало, но они все равно чем-то уступали Бортникову.

Я понял: моя «Жатва», какой я планировал дать название «Колос земли и неба», никак не сравнится с таким талантливым произведением известной стране и миру писательницы. Бортникову крепко помогал свой колхозный, районный и областной партийный аппарат, в каком я ничего не смыслил. А на него все равно пришлось бы опираться, потому как целина была детищем Хрущева, какой как-никак, а являлся главным партийным богом, главным и притом большим коммунистом. По партийной линии я плывал, а без этой линии романа у меня бы не получилось.

Хорошо, что мысли о моей целинной жатве умерли во мне навсегда, когда я уже подрос, стал коммунистом, руководителем снабженческой организации, долбаным пенсионером, когда и начали наваливаться на меня прозаические и поэтические дожди, какие мочили меня как бы не круглосуточно. Тринадцатая глава как раз и касалась политики, в какой я не

понимал и не знал логику и философию партийного руководства, потому и не брался за романы с какой-то большой общественной жизнью. В моих прежних романах «Годы Орлиные» и «Жизнь моя забубенная» речь шла только обо мне, моей семье, моих личных делах и жизни моих друзей. «Душевная повесть» же - это мое душевное откровение, моя исповедь, о чем Я уже говорил. За повтор извиняюсь, это старику можно и простить.

О логике и философии партийного руководства надо было обратиться В то далекое коммунистическое время к первому секретарю Агадырского райкома партии Ивану Андреевичу Колбасину, какой меня знал по моим публикациям в нашей районной газете «Агадырская новь». Писал я обо всем, что делалось в районе полезного и возвышенного. Как-никак, а я все-таки был выпускником журналистского факультета КазГУ, хотя на журналистскую работу в газету меня не влекло. Вот не влеюто, хоть ты убейся, хотя во мне таились какие-то журналистские дарования. Я почему-то был прикован к железной дороге. То ли я сам к ней приковался, то ли у железной дороги были свои силы, какие умели привлечь к себе. Скорее всего, сыграло роль последнее.

К Ивану Андреевичу я так и не попал, и у нас адекватной беседы не состоялось, отчего, может, и не родилась моя целинная «Жатва», о какой я так мечтал по молодости. Свою «Жатву» сделала Галина Николаева, а я свою просто похоронил, о чем теперь жалею и за что готов себя казнить и разорвать на части.

А почему бы и мне не удариться в подобную земельную тематику, какую я знал и видел с самого детства? Отец был вечным трактористом кенбидаикского тракторного парка, с ним я даже катался на его тракторе и даже держался за руль. Когда отец ушел на фронт, на его трактор села моя мамуля, какая с началом войны окончила курсы трактористов и комбайнеров. С матушкой я тоже катался и тоже держался за руль. Матушка пахала весеннюю пахоту, забирая и меня на свой полевой стан. В хлебную косовицу бывал и на матушкином комбайне «Сталинец», на каком катался и ловил ладонями зерно, сыпавшееся в бункер.

Так что к земле я был привязан с детства. А в целинную годину я так вообще подался на целину, когда мне было уже восемнадцать. Хрущевская целина сорвала с мест разных людей большого Советского Союза, среди каких оказался и я. Удивительно трудовой народ был на наших целинных

просторах. Он умел работать, умел и веселиться. Чего бы не написать о таких людях? Не написал. А Галина Николаева написала свою «Жатву», прославив себя и свою страну на весь крещеный мир.

Это я теперь жалею, когда иду по своему девятому десятку. Теперь целины нет, нет о ней и памяти. Теперь подобную свою «Жатву» не напишет ни один писатель нашей страны, СНГ и мира, хотя есть земля, какая нас кормит тем же божественным хлебом, какой выращивает тот же хлебороб. Конечно, у «Жатвы» Галины Николаевой было свое время, о каком она и оповестила в своей книге. Вот бы мне так научиться писать, только такого мне, видать, самой природой не дано...

А в свою районную газету «Агадырская новь» я ударялся чуть ли не в каждый номер. Она меня брала, тискала, а редакция даже приглашала на постоянную работу. Я отказывался, говоря, что я дорожу своей работой снабженца. Так минули все двадцать пять лет, какие существовал Агадырский район (1973- 1997 гг.), в какие я так и остался верен своему снабженческому креслу и беспокойной снабженческой работе, какая породила-таки книгу о ней - «Мои дороги».

У меня как у снабженца дорог этих было немало. О них я где-то даже упоминал, но о каждой из них рассказали «Мои дороги». Себя так благодарю, что не сорвался на работу в редакцию, хотя книги редакционных работников я почитывал и завидовал им белой завистью. Ну как было не позавидовать правдисту Семену Гершбергу, какой написал и выпустил в свет свою книгу «Работа у нас такая»? В ней все о сотрудниках газеты «Правда», ее делах и об ее вторжении во многие вопросы нашей жизни 30-ых годов, когда шла индустриализация страны и возрождались первые колхозы.

«Правда» всегда стремилась быть в первых рядах свидетелей знаменательных дат страны. Вот она попала на конкурс домен, мартенов и шахт страны и оповестила, что домны Советского Союза 29 января 1932 года впервые в истории отечественной металлургии выплавляли 17 тысяч тонн чугуна в сутки. Не знаю, что это за цифра, но правдисты подали ее как небывалый трудовой подвиг металлургов страны. После этого сообщения появился и лозунг: «20 тысяч тонн чугуна в сутки, не меньше!».

Правда, и было чему позавидовать. Завидовал народ, завидовала страна, завидовала и мировая общественность. Что важно, правдисты всюду

поспевали и сообщали обо всех добрых технических свершениях. Подумал: уйди я в газету, разве смог бы я быть таким оперативным? Да ни в жизнь! А в своей снабженческой работе я был истинным оперативником. В редакции я бы так не крутился, как в снабженческом деле, просто у меня на то не хватило бы умения, сноровки и сил. Понял одно - газетчиком надо родиться.

Вот описали же правдисты в те годы челюскинскую эпопею, которая гласила о том, что льды Чукотского моря раздавили советское судно «Челюскин», из какого 104 человека вынуждены были высадиться на лед. Конечно, правдисты сообщали, как шло спасение людей с большого ледяного поля - безмолвного, холодного и устрашающего своей удаленностью от земли и от людей. Как пишут или как писали правдисты, все люди были спасены, среди каких было десять женщин и два ребенка.

Журналист Гершберг затронул в своей книге и рекорд Алексея Стаханова, и встречи с Михаилом Кольцовым, и выступления в печати Алексея Толстого и Александра Фадеева, из чего я понял, что журналистом надо родиться. Я им не родился, за что, может, и стоит поблагодарить свою судьбу.

Как бы ни было, я все равно благодарен своей судьбе за то, что она сделала со мной, что она мне дала и до чего довела. А дала она мне мою такую красивую и неповторимую женку, дала нашего сына, внуков и правнуков и довела нас с женкой до нашего «дембеля», какому мы скоро будем справлять двадцатилетие. Между прочим, женка его уже справила, а я так удаюсь в него только через два года. Через два и мне стукнет восемьдесят два, а это, друзья, все-таки срок Льва Толстого, какой прославил Россию и сам прославился на всю планету. Себя равнять с таким человеком - Боже упаси, только и я что-то да написал. Если бы писанина моя ничего не значила, на нее «Классик» не обратил бы внимания и просто бросил бы в урну или на помойку. Этого как раз и не произошло, за что кланяюсь «Классику». Трижды поклонюсь и за последние мои книги. Когда они выйдут - белье мое, но меня заверили, что они выйдут.

К своим книгам я почему-то пристрастен. Может, оттого, что мне много лет и я не успею их увидеть живым? Ну чего там кочевряжиться! Ну старый я, ну древний, только мысли меня пока не покидают. А это, как говорят бабки, приходит конец, конец всему, чем я занимаюсь и чем живу.

Я в том признаться пока не думаю. Вот не думаю отбрасывать копыта ни сегодня, ни завтра! Единственное, чего бы я хотел, так отбросить копыта раньше моей Гульчатай. Со всеми похоронными делами ей помогут справиться люди, что обычно и бывает, а дальше о своей судьбе пусть заботится сама. Сын наверняка постарается ее перетащить к себе на Алтай и там досмотрит ее старость. Я на то же пошел бы даже без всяких советов. Жить человек одиноко не привык и не может, такова его логика и философия жизни.

А это мой сын Валерий с дочкой Мариной и сыном Артемом.

Заканчивая эту главу, не думаю, что ставлю в этой книге точку. Хотя она уже давно напрашивается. Анализ же книги говорит, что чего-то я недосказал. Раз это исповедь, значит, надо исповедаться до конца. Я почти ничего не сказал о том, как жил мой поселок, когда он был районным центром. А был он в коммунистическую пору, когда мы жили по Хрущеву и по Брежневу. Годы те минули, но след-то они оставили? След в памяти, в жизни, а то и в самой судьбе... Нынче мы это не анализируем, но у пишущей братвы есть такой синдром — что-то вспоминать и о том оповещать мир. Наверно, подобное делаю и я, и потому не ставлю точку на этой главе.

ГЛАВА15

Как бы ни давили и ни крутили меня мои мысли, я все равно налягу на пятнадцатую главу, какой и закончу это повествование. Насчет же нечетного числа что-то еще в молодости говорила старая цыганка, какая предрекала постоянную удачу и везение. Какого они будут характера, я не представлял, но пока мне и правда по жизни на нечетные числа везло.

Не знаю, как кому, а мне Агадырь пришелся по душе. Мои собратья по Акмолинскому ЖУ отработали в Агадырском депо положенные четыре года и все коллективно смотались. Из двенадцати гавриков с корками тепловозных слесарей в Агадыре я остался только один и только один добываю свой век.

Самые близкие мои друзья, каких я любил как братьев, Николай Дудич и Павел Крашановский, какие делили свой век со мною в Агадыре, все равно покинули его через десяток лет после всей братии. Николай так обосновался в Караганде на заводе РГТО, а Павел так подался на ридну Украину, в Кривой Рог. С Николаем я общался, когда меня заносило в Караганду, беседовал о жизни, работе и семейных делах и даже ночевал у него в его шикарной четырехкомнатной светлице.

Честно, прожив век, я не встречал четырехкомнатных квартир. Агадырь таковых отродясь не имел, а город, оказывается, мог поставить большое и удобное жилье даже самому Рокфеллеру. Так вот, друзья мои, Николай и Павел ушли из жизни молча и безболезненно, в разные годы. Николай, так возвращаясь с работы домой, просто заснул в автобусе, заснул и не проснулся, пока его не потревожили билетерша и шофер. Николай в кресле уже начал стынуть. Случилось это в 1994-ом, когда Николаю было только пятьдесят шесть. Павел же умер в 2016-ом, тоже молча и безболезненно, но в семьдесят девять лет.

У Павла я бывал у него дома на Украине аж дважды, когда мы еще были учащимися ЖУ. Поезд катил нас от Акмолы через все степи и города Казахстана до самой Москвы, а оттуда уже через российские города мчали

через Харьков, Киев, Фастов, Тетерев до самого Коростеня, где мы сходили и автобусом добирались до его маленькой и зеленой Веселовки Жиюмирской области. В нас жил дух путешественников, отчего мы не отказывались и от второго подобного вояжа в эту самую Веселовку. Павла тянуло домой, потому как тогда жили в Веселовке его отец и мать, еще два брата и три сестры. Всех мы с Павлом видели, бывали у них, где проявлялось истинное украинское гостеприимство с неизменной горилкой и красивыми украинскими песнями.

До Павла я белого света не видал и не знал, как ездят в поездах, где дают и чай, и постель. Нынче годы те лишь вспоминаются, но доброй памятью. О других выпускниках нашей слесарной группы, приехавшей в Агадырь и покинувшей его, я понятия не имею по сей день. Как сложилась их жизнь, кто сегодня жив и где обитает, понятия не имею даже приблизительно. Времени прошло шестьдесят лет, так что возвращаться к прошлому теперь просто нет смысла. Просто во мне, наверно, разыгрались старческие чувства и мои писательские намерения что-то знать и что-то писать. Когда мы учились, нам было по двадцать, а теперь каждому, если он жив, шибануло бы по круглой восьмерке с нулем. Я так иду по этой восьмерке, а как остальные, мне, видать, не узнать никогда. Так, наверно, у нас у всех написано на роду.

Вот на моем роду так написано написать восемь книг. Я их сделал, ударил, издал, обнимаю и целую. Написано - ударить еще шесть. Вновь их ударил и только жду от «Классика» их появления в свет. А вот на этой последней, седьмой по счету «Душевной повести» я так ставлю жирную точку и с писательством завязываю. О том я обещал сделать в тринадцатой и четырнадцатой главах, но не сделал, за что готов себя высечь и посадить на хлеб-соль без воды и без чая.

Вернувшись же к этой главе, понял: есть у меня еще порох в пороховницах, и я даже готов своим творчеством взорвать литературный мир. Может, я зря раздухарился, но возможности человека, говорят, беспредельны. У Лермонтова сколько было возможностей? Наверно, не так уж и много, потому как он служил, был военным человеком, а в какие-то десять-двадцать лет написал столько, что не вместишь в ряд на одну полку. Если выйдут последние мои книги, то белый свет насчитает их аж четырнадцать!

«Душевная повесть», завершающая мою писательскую деятельность,

так составит благодатную для меня нечетную цифру. Разве это не возможности восьмидесятилетнего человека, какой и писать-то начал всего лишь какую-то шестерку или семерку лет назад? Ладно бы только проза давила на меня, так ведь и поэтика постоянно пасется у моего литературного поля. Она не дает мне покоя и теперь, когда я иду по своему девяностому году.

Что делать с этими стихами, ума не приложу. Решил: в этой главе печатить их не буду. Читатель, может, даже меня за это поблагодарит и скажет: коп рахмет, аксакал! Прозу читать как-то легче, а тут надо переключаться на стихи, как-то перестраивать свой ум, чтобы как-то сосредоточиться на рифме. Не знаю, как быть, а стихи все равно меня ловят, давят и сгоняют в постели. В отместку я взял да записал последние черными чернилами, Чтобы впредь им неповадно было.

Как бы время ни крутило
И стихи ни давали заснуть,
Понял я: в моих старческих жилах
Кровь находит свой творческий путь.

Не представляю, что делать мне с этими долбаными строками? Не хотел ведь писать, а вот, хоть убейся, слово тянется к перу, перо - к бумаге. Коль я не писал стихов в молодости, то теперь они начали донимать меня даже на моем девятом десятке. Почему не писал стихов ты, прореха на человечестве? Да разве я знаю! Ведь не приходила ни одна складная мысль ни когда учился, ни когда влюбился, ни когда женился, ни когда сын родился и я бережно его нес на руках. Что ж ты, отбросок человечества, тогда не написал ни одного радостного стиха? Замкнуло, что ли, от радости? Да, такое бывает только с прорехой на человечестве, о чем, кажется, говорил какой-то юморист, какого я поддерживаю и даже кланяюсь.

Если правильно посмотреть на мою жизнь, я не должен был стать писателем и поэтом ни в молодости, ни в старости. А все как в моем роду не было ни одного, кто мог бы хоть как-то расписаться даже в платежной ведомости. Бабушка моя так вообще не умела ни писать, ни читать, а у матушки было всего лишь четырехклассное образование, и только отец, кажется, перевалил за пятый класс. Их родители и вовсе знали только землю, что на ней сеют и когда оно всходит. У кого в детстве мне следовало набираться ума? Аульная наша братва тоже умом не блистала, потому я и

оставался маленьким аульным дервишем. Слава Богу, хоть что-то да дала школа, какая научила писать, читать. А вот сочинять стихи она научить не успела. Она успела научить только их читать наизусть, что я умел делать. классно и с дорогой душой.

Пролистывая страницы моей жизни, я ни разу не заикнулся ни на одном стихе собственного сочинения, ни разу не ударился о есенинскую колыбель. Ну почему бы мне не сморозить что-либо поэтическое в мои боевые и деятельные от двадцати до семидесяти? Почему, сгусток ты человеческого отребья?

Сидим мы с моей Гульчатай и гадаем. Я не могу вспомнить, кто начинал свою творческую жизнь в преклонном возрасте. Может, в миру кто-то и рождался такой, только я того не знаю и не слышал о таких. Выходит, я являюсь в Агадыре, в Казахстане, а то и во всем СНГ неким феноменом? Коль это так, я даже проголосую за себя и скажу: дед, ты вундеркинд, ты герой кверху дырой! Может, так я отброшу копыта. Наверняка когда-то да скажут, когда мои книги переиздадут в больших экземплярах, а не в двадцать, как теперь. Будущее поколение будет щедрее нынешнего.

Но это только мои мечты и домыслы. Ну, мечтать у нас никому не возбраняется. Могу делать это и я в свои восемь десятков. А в целом я не могу знать, будут ли меня вообще читать. Это рассуждения старика, что ему можно и простить. В этом плане на меня набежало еще одно стихотворение, какое я вам не покажу. Боюсь, что вы пнете мою книгу с этим стихом, и она будет лететь по полям и пескам до самого Павлодара, где ее и утопят в Иртыше.

Женка прочла эти строки и сказала: а почему этой книге не докатиться до Каркаралинска, где ее могут принять и прочесть, потому как там очень грамотные люди, наследники традиций Сакена Сейфуллина, какой в свое время бывал здесь? А насчет новых стихов отказываться не собираюсь. Засыпать их песком, наехать на них бульдозером или наброситься на них, как Александр Матросов на амбразуру? Ну, для этого у меня не хватит смелости, а потому стихи буду хватать всюду, где бы они ни валялись. У меня к стихам страсть, какую изжить я не смогу даже на смертном одре.

Как-то полистал воспоминания об Исаковском. Как-никак, а большой поэт, труженик, Герой Социалистического Труда. Как он смотрел на сти-

хи? Может, я чему-нибудь научусь у него? Но, чего не ожидал, подвернулся вдруг Сергей Есенин вот с этим стихом:

Какого я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да я и сам, пожалуй, здесь не нужен.

Ах, ну тютелька в тютельку обо мне! Восемь моих книг лежат в местной библиотеке, какие, со слов библиотекарши, не взял ни один читатель. А книги мои, как и другие рядом, лежат на хорошем виду. Я часто захожу в библиотеку и просто люблюсь своими книгами, какие издательство «Классик» и типография «Арко» сделали такими красивыми и просто неузнаваемыми, к каким руки должны бы у читателей тянуться сами. Так ведь не тянутся!

Библиотекарша так ссылается на нынешний нечитабельный век, какой взамен заполнен Интернетом и прочей нынешней показной и говорящей аппаратурой размером даже со спичечный коробок, но умеющей говорить, показывать себя и видеть собеседника. Конечно, читатели что-то да читают, иначе они не приходили бы в библиотеку.

Я не спрашивал у библиотекарши, что больше всего в ходу у читателей — поэзия, проза? И какой автор больше всего удостоивается чести читателей? Не хочу показаться назойливым, поскольку она все-таки знает меня как автора восьми книг. Не знаю, читала ли она меня сама. Думаю, не читала, поскольку могла бы хоть об одной из них сказать свое одобрительное или же ругательное слово. Нет от нее ни то!о, ни другого. Не сказала она мне: мынау жаксы, а мынау жаман, я бы этому герою дала бы другой статус, а этого так вообще бы послала в Каркаралинск набираться ума и здоровья...

Как бы ни было, а мне по душе стихотворение Исаковского, от какого я просто млею.

И вечерами, примостившись к свету,
Не ты ль стыдливо просишь у снохи
Прочесть тебе ту самую газету,
В которой сын печатает стихи?

Меня просто потянуло написать «в которой я печатаю стихи». Как быть со стихами дальше, не ведаю. Надо бы отказаться от них навсегда, но они

меня все равно достают. Стихи, считаю, сами по себе не приходят - их диктует жизнь. Лучше, наверно, и не скажешь. С жизнью не поспоришь, и потому буду записывать все, что она диктует. Может, она надиктует на новый сборник. А что? «Классик» падок на стихотворные закидоны, потому не откажется сделать мне подарок даже к моему восьмидесятидвухлетию. Пока я соберу все эти стихи, скомпоную их, пройдет время, какое стукнет и по моему восемьдесят первому году, и по следующему за ним.

Насчет же партийного руководства в мое тогдашнее хрущевско-брежневско-горбачевское время я планировал сходить и побеседовать с тогдашним первым секретарем Агадырского районного комитета партии, но не пошел, посчитав, что такой большой человек вряд ли согласится беседовать с какой-то букашкой. Будь я областной или районный журналист, дело было бы другое, а так какой-то там Ванька с пивзавода напрашивается... Сейчас о том жалею. Может, он наставил бы меня на путь истинный и рассказал, какую большую роль несли коммунисты во время войны, какие убеждали солдат не жалеть себя ради Победы и ради жизни большой России. Может, тогда и я проникся бы уважением и любовью к коммунистической партии и к коммунистам. Я тоже был коммунистом и плыл на волнах коммунистических лозунгов, как и прочий коммунистический народ. Работу свою выполнял, передовиком числился, на доске почета висел.

А быть коммунистами нас в депо заставлял и агитировал секретарь партийной организации депо, некто Шибает. Он просто заставлял писать заявление о приеме в партию, давал учить партийный устав, и только потом мы допускались до райкома, где с нами беседовали и экзаменовали. Я был с коллективом деповчан из семи человек, на вопросы отвечал четко, и на вопрос «Что вас заставило стать коммунистом?» я по-ленински отпартортовал, что хочу быть ближе к народу, знать его тревоги и желания и во всем помогать людям. Всех нас приняли и выдали на руки партийный билет, какой служил мне и какому служил я до ухода компартии с политической сцены.

Каким я был коммунистом, не знаю, но на партийных собраниях я молчал, как рыба, не вмешивался ни в какие партийные дебри и решения. Голосовали все - голосовал и я. Личных партийных заданий мне не давали и не поручали какого-то контроля над кем-то и над чем-то. В душе же я к партийным богам относился с уважением и видел, что они все-таки

делают большую работу. Работа с людьми, наверно, самая трудная и ответственная. Ею умел пользоваться Ленин и его окружение. После коммунисты вообще заимели свою силу, какая даже начала внедряться в другие страны, далекие от советской коммунистической идеологии.

Потом наступил 2000-ый, и о коммунистической партии начали забывать, как и о тех же коммунистах, какие, не жалея своих сил, отдавали себя народу. Я уже четыре года как был на «дембеле», когда до агадырцев дошла новость о смерти ее первого когда-то секретаря Агадырского районного комитета партии. Старый коммунистический свет знает, что это за ответственная в миру должность. Смерть Ивана Андреевича Колбасина произошла 4 августа 2004 года, на семидесятом году жизни. Я, недолго думая, тут же сел и написал об Иване Андреевиче статью, какую назвал «Право на гордость». Привожу ее целиком.

«Скончался прекрасный товарищ, первоцелинник, опытный партийный и советский руководитель Иван Андреевич Колбасин. Кем бы ни был и на каких постах ни работал бы Иван Андреевич - трактористом, заведующим РММ, главным инженером совхоза, председателем Жанааркинского райисполкома, первым секретарем Агадырского, а после и Приозерского райкомов Компартии Казахстана, главным специалистом-уполномоченным государственной инспекции охраны окружающей среды по Актогайскому району, он всегда являлся примером служения своему народу.

Его отличали высокий профессионализм, деловитость, обязательность, честность, умение работать с людьми и оказывать помощь в первую очередь тем, кто в ней нуждался. Он заражал коллег по работе своим оптимизмом, умением находить решения в трудных условиях. Именно эти качества служили критерием у трудящихся районов, которые он возглавлял для неоднократного избрания его в районные и Жезказганский советы народных депутатов.

За большой личный вклад в развитие сельского хозяйства И. А. Колбасин был отмечен высокими государственными наградами: двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Знак Почета, многими медалями и почетными грамотами, являлся почетным гражданином Агадырского района. Светлый образ и благодарная память о Иване Андреевиче Колбасине

навсегда сохранятся в сердцах тех, кто знал его и трудился рядом с ним.

Вспоминая теперь встречи с Колбасиным, из памяти не изглаживается его умение убедить собеседника, указать на ошибки и посоветовать, как их исправлять. Насколько помнится, Иван Андреевич не превозносил нашу коммунистическую руководящую силу, обмолвившись как-то, что она любит дифирамбы в свой адрес, однако называл ее ленинской, а все великие достижения страны относятся к нашему героическому народу, назвав это достижение подвигом.

Целина - тоже народный подвиг, и его, молодого энтузиаста, податься из российской глубинки в Казахстан на поднятие целины поднял его партийный долг. Были с ним люди, какие не приняли целину или целина не приняла их, только ему по сердцу пришлось необъятная ширь жанааркинских степей, их безбрежный простор, сливающийся с небом на горизонте. Работа мужала, закаляла и учила трудности преодолевать упорством и терпением, а больше верой в дело, которое делал и в людей, какие были всегда рядом. Иван Андреевич не раз советовал друзьям и подчиненным чаще общаться с людьми, у которых не грех что-то перенять полезное, чему-то поучиться. Народ ведь мудр, в нем неиссякаемый кладезь энергии и человеческой добродетели.

В Агадырь дороги приводили Ивана Андреевича не раз. В последний раз он был как доверенное лицо кандидата в депутаты мажилиса по Балхашскому избирательному округу Ерлана Нигматуллина.

При встрече с Иваном Андреевичем Колбасиным даже негласно вспоминали прошлое и просто самоотверженных людей. Истинно таковыми остались в нашей памяти Ахмедия Смагулов, Николай Дудич, Петр Васильев, Владимир Стороженко, Николай Демидов. Они стояли у истоков становления Агадыря, его роста и процветания, какому - удивительное совпадение! — 4 августа агадырская общественность отмечает 70-летие своего поселка. У истоков его становления был и Иван Андреевич Колбасин.

Не хочется верить, что нынче с нами нет нашего бывшего руководителя, друга и советчика Ивана Андреевича Колбасина. Он был всегда с людьми, какие подпитывали его своей мудростью и живительной энергией. Он и сам отдавал им тепло своей души, делился опытом жизни, был наставником и другом, товарищем и таким же мудрым советчиком, какой знал

жизнь, прошел ее школу и делился всеми явлениями человеческого устройства. Сердце его всегда было наполнено добротой к человеку, к его жизни и к его судьбе. Такое не забывается, как не забудется и наша память о Иване Андреевиче Колбасине».

Статья моя была быстро схвачена районной газетой «Заман», где по-местился и портрет Колбасина. Статью мне принесли друзья, поскольку газету я не выписываю. Прочел, остался доволен. В который раз пожалел, что не встретился с Иваном Андреевичем, когда он был агадырским секретарем. Через какое-то время его перебросили в Приозерск, где он жил и работал и где ушел на «дембель». Его тогдашние советы о партийном руководстве, возможно, и позволили бы мне написать роман о целинниках, о каком я мечтал, когда работал на целине и когда ее покинул. Теперь целина- это уже история, которая осталась в памяти, в душе и в сердце. Такою она осталась для меня...

Перечитывая мои старые газетные материалы, я удивлялся: голова, оказывается, у меня варила. Тому наверняка помогал дух моего университетского ученичества, когда был я на целых десять-двадцать лет моложе. Колбасин так умер в семьдесят, а я и в восемь десятков копчу белый свет. Ладно бы просто ходил по поселку, встречался бы с такими же пенсионерами, так КазГУшные, жизненные и прочие духи навалили на меня всякие писательские изобретения, такие как стихи и проза. Зарекался их просто проглатывать и хоронить в себе, так не хватало на то решимости и старческой смелости. Напротив, я даже ударился в новую книгу, пятнадцатую по счету, в мою «Душевную повесть», какую стряпаю уже как бы не полгода. Благо уже виден конец, какой и предвещает мне вот эта глава.

То, что еще находит моя память в пройденной мной жизни, я стараюсь отбрасывать и не показывать читателю ни в темноте, ни при свете. Не раз удивлялся и удивляюсь возможностям человеческого ума: часто он выхватывает из памяти такое, какое, казалось, навсегда забылось временем и жизнью, не представляя ни человеческого, ни жизненного интереса.

Ну какой может представить интерес, когда ко мне шестьдесят лет назад примчала в Агадырь моя тогдашняя двадцатилетняя сестренка с шестимесячным мальцом на руках? А примчалась потому как убежала от мужа-москвича, какой приехал на целину, но в ней не задержался, а уда-

рился в большую мужскую компанию, которая строила асфальтированную трассу «Жалтырь - Астраханка». Жалтырь - большая железнодорожная станция, куда поступали все целинные грузы и уже развозились отсюда по вновь возникающим совхозам. К тому же Жалтырь являлся моей второй родиной, куда нас привезли с матушкой ее братья, вернувшиеся с фронта в 1947-ом, а Астраханка - районным центром. Не прошло и трех дней, как за моей сестрой примчал муж Валентин с намерением ее увезти. И увез, поскольку она согласилась на его обещание не делать того, что он делал прежде в своей дорожной шарашке.

А делал он, как рассказывала мне после сестренка, то, чего не следовало бы делать никому и никогда. Строители дороги получали большие деньги, какие не пропивали, а проигрывали в своих жилых вагончиках. После работы в степном раздолье молодые парни кучковались и играли на деньги. Не было над ними ни начальства, ни какого-то контроля, отчего игры затягивались нередко до святого утра. Это продолжалось как бы не целую годину, когда муж сестры приносил кучу денег и когда у него в карманах ничего не звенело. Он прямо и заявлял, что не знает, как три рубля выглядят.

Кончилось все это тем, как поведала мне сестренка, что муж ее проигрался в доску и даже что-то задолжал. Закон игры заставлял расплатиться, но муж сестры сделать этого не мог, отчего и накинул себе петлю на шею. У милицеских органов хватило тям, ума и опыта расхлебать это дело, какое дало право фирму разогнать и самых заядлых засадить за решетку.

Сейчас моей сестренке семьдесят восемь, ее сыну - пятьдесят шесть. Сестренка проживает в Чебоксарах, а сын в Астане. Совершенно холостой уже много лет, хотя имеет взрослую дочь, живущую своей семьей, своим мужем и своими детьми.

Своего отца сын не помнит, а у сестры о нем осталась только память. Мой племянник в Астане в магазине «Артем» имеет свою торговую точку, торгуя гитарами всякого калибра, размеров и фасона, балалайками и домбрами, транслируя перед покупателями их звук и насыщенность аккордов. По правде, не раз удивлялся его музыкальному таланту, какой дала ему Целиноградская музыкальная школа, но по классу баяна. На баяне он вообще шарил пуще Гридина, а то и самого Маланина времен войны, когда он выступал перед бойцами в больницах и перед боем. Валерий так играл в каких-то целиноградских ресторанах и кафе, а с наступлением нашей ка-

питалистической формации с частной собственностью стал своеобразным фермером.

Его мечта — перевезти мать к себе в Астану, потому как она в Чебоксарах совершенно одна-одинешенька. Муж ее - военный человек, был на дембеле и умер уже семнадцать лет назад. Вот столько лет она и живет одна. В Казахстане так у нее есть брат, то есть я собственной персоной, моя Гульчатай, мой брат Анатолий, его жена и его дети со своими детьми, дети братьев нашей матушки, также с детьми и с детьми дочери. Родни целая орава, а в Чебоксарах ей даже кружку воды подать некому, если ее свалит какая-нибудь болезнь, какая в ее семьдесят восемь может нагрязнеть, когда ее совсем не ждешь. Податься к сыну она хотела и раньше, но боялась уплотнить его однокомнатную светлицу в районе старого дома Правительства и ЦУМа, напротив каких и стоит эта большая изысканная пятиэтажка и двадцатидвухэтажное изобретение не то общежития, не то какой-то торговой фирмы, чего я не уяснил до сих пор, когда по стране давно гуляет СНГ.

Как будут разворачиваться события у сестры и ее сына, не могу представить, но 2017 год не принес для обеих сторон какого-то облегчения или просвета. В Чебоксарах какие-то затруднения с продажей квартиры и якобы с ликвидацией контейнерных перевозок - как в России, так и в Казахстане. Прежде все было довольно просто: бросай в контейнер все свое нажитое за твою жизнь имущество, и контейнер доставит тебе в твой город все твоё имущество в целости и сохранности. Сейчас, говорят, этого нет. Поверить на слово не могу, а узнать точность - не знаю, где и как. К сестре якобы приходил покупатель квартиры, но сказал, чтобы сестра все свои холодильники, телевизоры, диваны да кресла с шифоньером и всякими тумбочками вынесла на помойку. Сестра отказалась делать это, а покупатель отказался от квартиры.

Вот такие дела у моих родственников. Мне их жаль, а помочь нечем. Хотелось бы только узнать: правда ли отменены контейнерные перевозки для простых людей, для мирных обывателей?

Такие вот накрутились мысли под конец книги. Не хотел их выставлять, но они сами выпирают из души и из сердца. Планировал на этой главе закрутить последнюю гайку, а там пусть время разбирается с тем, что я написал. Прослышал: то ли в Караганде, то ли в Костаное два парня

дали дуба по пьяной лавочке. Нечто подобное случилось и в Жезказгане. Телевиденье так сказало: не по пьянке, а это в наступившем веке молодой народ умирает часто и густо. Наверно, правда, и по пьяной лавочке, а где-то и из наследия века, только не знаю, прошлого или нынешнего.

А я, по правде, не хочу отдавать концы ни в 2017-ом, ни в 2018-ом, ни даже в 2028-ом, а уж в 2029-ом, когда ступлю на свою жизненную сотню, сам попрошу Аллаха, чтобы он подточил мои копыта, и я отбросил бы их, глядя в потолок без боли и сожаления. Жизнь я прожил большую, написал пятнадцать книг, на последней, «Душевной повести», на ее пятнадцатой главе и ставлю точку. Издательству «Классик» и типографии «Арко» кланяюсь, как кланяюсь и всем моим читателям, какие умеют не только судить автора, но и говорить о нем нечто теплое, как говорил Белинский о Лермонтове: «Каждое его слово - он сам, вся его натура во всей глубине, в целостности своей». Говорил Белинский и такие слова: «О, это будет русский поэт с Ивана Великого!». Ну, до какого-то Ивана Великого мне как до Лондона пешком, только я выдал современникам то, что диктовало мое сердце, какое я хочу отдать лишь моему читателю.

А я, друзья, остаюсь со своей аурой, со своими старческими мыслями и со своими годами, отпущенными мне жизнью и судьбой, дающими мне право сказать себе: не тормози, сникерсни, будь всегда красивым, счастливым и судом народным несудимым!

ГЛАВА 16

Как бы ни было, а «Душевную повесть» я добыю, но на шестнадцатой четной главе. Не хочется расставаться с книгой, как и с моим читателем. Я, по сути, начинаю к нему привыкать и даже проявлять к нему родственные чувства, хотя я для него просто мелкая сошка, поскольку нашей пишущей братии нынче развелось, как у бабки Аксиньи цыплят, каким она просто не знает счета. А как их сосчитать, когда каждая клушка-несушка выводит по десять и более цыплят, а этих клушек-квочек у бабки целый сарай? На этих цыплятах так бабка сделала свой бизнес, принесший внуку машину,

а внучке квартиру. Сама бабка так считает себя Салтычихой со всем ее богатством и намерениями.

Начиная эту последнюю главу, всерьез призадумался: а чего я в нее положу? О том, что писал книги, уже говорил, где родился и где крестился - тоже, о том, что добиваю последнюю книгу и ее последнюю главу — так вообще даже надоел читателю. Думал-думал и додумался, что я, по сути, ничего не сказал о своем сыне, какому нынче стукнуло аж пятьдесят шесть и какой, на мой взгляд, заслуживает теплого слова его друзей, а отца так и вовсе.

Где родился и где крестился он, мною как-то говорилось, а вот как приводили в армию - упущено. Два года сын наш отслужил в коммунистическую еще пору не где-то на Урале, на Севере, а то и вовсе в каком-то дальневосточном Приморье, а рядом с родной столицей, с Алма-Атой. Служил, как положено, все два года в 1982-ом дембельнулся. Дома в Агадыре так жил с отцом-матерью, водил поезда, а в 1983-ем заявил, что в Алматы его ждет девушка, он готов привезти ее в Агадырь и жениться на ней.

Все так и получилось, как мечтал наш сын. Сыграли свадьбку, да не где-то в ресторанах и кафе, а в нашей собственной квартире. Народ какой? Друзья нашего сына, с кем учился в школе. Многие поразъезжались в институты да техникумы, кого-то забрали в армию, делали свою жизнь не дома в Агадыре, а где-то на стороне.

Маленький железнодорожный Агадырь мало чем мог порадовать молодой и деятельный народ. Работа давалась только на железной дороге, а большие, по сути, и пойти было некуда. Молодые после свадьбы жили у нас в своей комнате, а мы с бабкой в своей. Все работали, жили дружно и просто ждали, что нам грядущий день готовит. Как положено, родилась девочка, наша внучка, какую коллективно нарекли Мариной.

Годы бежали один за другим, девочка подрастала, начала бегать, и ей не хватало простора для игр и беготни. Работая начальником снабжения в строительной организации «ГОРЕМ-29», аховски строивший в Агадыре целых два микрорайона, квартиру детям я организовал - двухкомнатную светлицу, в какую они переселились чуть ли не с плясками.

А дальше все шло, как и должно быть. У снохи Веры закончился декретный отпуск, и она вернулась на работу в детский садик, где была и ее дочурка Марина. Муж ее, наш сын Валерий, по-прежнему водил поезда.

Мы с бабушкой тоже пахали, и наш дом наполнился тишиной и достатком.

Годы шли, подкатил и 1990-ый, какой послал Вере сына Артема. Радостей было не счесть и нам, и им, У Веры вновь декретный отпуск. Внучка больше пропадала у бабушки, какая ее отводила в садик и забирала ее оттуда. Дед с бабушкой внучку баловали и доставали ей то, что она желала. Разных кукол у нее было как подруг в садике.

Жизнь шла своим чередом, но тут вдруг развалился большой СССР, и у многих агадырцев появилось желание покинуть поселок и саму страну, что сделал и наш сын. В 1994-ом сын с семьей упаковал чемоданы и прямым поездом «Караганда - Новокузнецк» очутился на Алтае. В Барнауле сына водить поезда не взяли, отчего ему пришлось обосноваться на станции Укладочная и поступить в ПМС. Нашлось его семье и добротное жилье в четырехэтажном общежитии, где проживал и семейный народ. В этом общежитии сын мой проживает и сегодня, в большой трехкомнатной светлице со всеми удобствами. Правда, вместо привычного городского газа у них в общежитии установлены электрические плиты, на какие жители не могут нахвалиться.

Наверно, и правда электричество лучше, чем газ, поскольку за газом надо постоянно следить, включена или выключена конфорка, а тут нет никакой разницы: оставил включенной - нагонит лишнее тепло, а коль выключена - включай по надобности.

Вот такие у нас с бабушкой были события тех лет, какие теперь только вспоминаются. Когда мы с бабушкой ушли на «дембель», то детей навещали чуть ли не ежегодно. Нам это не составляло труда, тогда как дети наши работали, трудились, растили и учили детей. Как бы ни было, а в 2005-ом, когда мы с бабушкой тунейдствовали уже целую пятилетку, сын и сноха пригласили нас к себе на свадьбу своей дочери Марины. Конечно, поехали, отгуляли, отпелись и отплясались, тряхнули стариной. У сына теперь холостым остался только сын Артем, какой пока видел свет только влюбленными глазами.

Подшло время и для Артема, какого забрали в армию в столичный уральский город. Как положено, службу Артем отслужил, возвратился домой в Укладку, где проживает и поныне с родителями. Как бывшему армейцу Артемке нашли работу на железной дороге, на какой он и сегодня водит поезда, что делал когда-то и его отец. Заработки у железнодорож-

ников очень неплохие, какие и позволили Артему купить легковушку. Артемка холост по сей день. Когда на отдыхе, возит на машине друзей и девчонок. Ездят вдоль Оби и в лесные заросли, отдыхают и любят свою алтайскую природой. Артем не курит и не прикладывается к рюмке, какая недопустима, особенно у тех, кто водит поезда.

Насчет же женитьбы так Артем говорит, что это от него не уйдет. Придет время - встретит свою судьбу. Так и не женится до сих пор, спешить же и людей смешить он не намерен. Он хочет, чтобы у него все было хорошо, а коль у него все будет хорошо, то и у родителей, которых он любит преданно и самозабвенно.

А у Марины давным-давно на свет белый появилась Настя, какой в августе 2017-го исполнилась первая десятка. Когда ей было шесть лет, появилась на свет и пришла к ней сестренка Карина, какая нынче уже под стол пешком ходит и в детский садик. Родителям радость и заботы, поскольку старшую надо отправлять в школу, а маленькую в садик. С мужем операции распределены, и пока все идет по плану. Бывают, правда, и нарушения плана: муж маленькую ведет в садик, а мама - старшую в школу, тогда как по плану было наоборот. За ребенком в школу ходить все равно надо, поскольку в Барнауле машин тыщи, и скорости у них адские. Ребенок не всегда идет по тротуару, потому как и тротуары эти не везде проложены.

Ладно, это спасение от машин, от каких оберегают мама или папа. Ладно, идет школьница своей тропинкой, далекой от машин и движения, так ее встречают какие-то дяденьки, угощают конфетами, сникерсами, а то и бананами и уводят с собой. После детей находят мертвыми, а то и вовсе не находят. А все, говорят, потому, что наступил непонятный миру СН-Гэвский век со своими жизненными апробациями, какие народ часто не понимает и не принимает, но жизнь-то идет и что-то такое несет в себе, с чем сталкиваться приходится не раз и не два. Увод детей, идущих из школы домой, как говорят о том печаль и телевидение, происходит во многих городах большого СНГ, в том числе в Москве, Питере, в том же Киеве и том же Минске, в Алматы и прочих столицах.

Читая и слыша о подобных жизненных неурядицах, с бабушкой моей в который раз мы благодарим себя за то, что не сорвались на уговоры нашего сына переехать к ним в их Новоалтайск. Городок небольшой, компактный, Обь протекает, так что старость можно прожить и у них на Алтае. «Вы и так

в Агадыре уже шестьдесят лет, надо хоть под старость сменить обстановку и место жительства, сменить воздух степи и казахстанского неба на более легкий и воздушный, наполненный лесным одухотворением и прохладой Оби. Вы, дорогие мои старики, так просто закисли в своем Агадыре, и у вас уже нет прежней энергетики».

Ну, сын говорить умел. Не знаю насчет энергетики, но мы с женой считаем, что Агадырь как раз и дает нам эту энергетику. Болезни нас обходят, с бабкой хорошо двигаемся и хорошо думаем, мечтаем и даже строим какие-то планы, в какие входит отослать детям наши пенсионные накопления, и пусть они с ними делают, чего хотят. Коль мы глаза закроем, есть депо, какому мы отдали свои жизни, оно и распорядится нашим последним часом. Такие вот у нас с женой темные старческие мысли, какими мы ни с кем не делимся. Дети наши о том вообще ни сном, ни духом, ни гу-гу.

Отбрасывать копыта в восемь десятков я и близко не собираюсь. Гульчатая моя так говорит: что Бог пошлет, то она и примет. Я с нею не соглашаюсь, потому как мы Богу безразличны, поскольку понятия не имеем, как это — перекреститься после еды и перед сном, что делают бабки, коротающие свое время на завалинке. Они-то как раз крестятся и уговаривают делатъто же самое мою Гульчатая. Не знаю ее мыслей по этому поводу, но, думаю, ее высшее образование должно как-то уберечь от бабкиных замашек, среди каких есть такие, какие не знают, сколько будет дважды два.

А в своих ежедневных прогулках я все равно заворачиваю и прохожу мимо школы, чтобы увидеть тех же первоклашек, какие выбегают на школьной перемене на школьный двор и играют в какие-то свои детские игры. Вспоминаю свои первоклассные игры. Не такими они были у нас в наше время. Мы были страшно бедны, плохо одеты и обуты, к тому же в нас постоянно гуляло чувство недоедания, а то и вовсе голода. А все как еще шла война, потому как пошел я в школу в 1994-ом, когда наши войска изгнали фашистов со своей территории и гнали их по соседней Европе. Били повсюду, а в 1945-ом так дошли до самого Берлина и до его Кремля - Рейхстага, где и водрузили красное знамя страны Советов. Когда пришел День Победы, я так уже был во втором классе и соображал, что такое победа. Это значило, что я поборол Юрку Анищенко и оказался наверху, а он, поверженный, лежал внизу.

Соображал я и то, что после Победы кто-то вернется домой живой, ка-

кого пули и жизнь сохранили. Мой отец так точно не вернется, поскольку у матушки в сундуке лежала похоронка на отца за 1943 год. Не знаю почему, но с такой же любовью я останавливаюсь и у нашего агадырского детского садика, где во дворе разные вертушки, качалки, пластмассовые горки, с каких дети катаются сидя и лежа. Останавливаюсь и просто люблю и восхишаюсь детьми. Такое отношение к ним, скорее, только потому, что это просто дети, притом такие маленькие, красивые, верткие и такие беспомощные, ждущие близких теплых рук и ласки.

А они, трех-, пяти- и шестилетние, такие разодетые, разобутые, с куклами и игрушками, возле каких крутятся-вертятся воспитатели и всякие няньки. Адети шумят, резвятся, бесятся, гоняются друг за другом, падают друг на друга, смеются, веселятся. Для них радостным является весь мир, для них светит солнце, стихают ветры и жизнь кажется сказкой, какую им читает нянечка, а дома — мама и папа.

Такого счастья мое поколение было лишено, отчего, быть может, мы быстро и состарились. В семьдесят многие мои ровесники шлюндрают с клюками да какими-то палками, сгорбленные в три погибели, морщинистые да затурканные, без всякой радости на лице, когда можно радоваться весне, первым почкам и первым зеленым листьям. Не радует их цвет черемухи и сирени и первый прилет птиц. А все как по нам, по нашему детству ударила война. А эти дети уж точно будут с неба звезды хватать, будут жить в богатстве и довольстве. Богатство может их даже развратить и натолкнуть на бой между собой, как это было при Олеге и Игоре, при Юрии Долгоруком и Ольге, при Иване Калите, Дмитрии Донском и Иване Грозном, при последующих царях вплоть до Петра Первого, положившего конец междоусобицам. Так якобы говорит история, а на деле — кто его знает...

В целом я вижу нынешний мир во многом обновленным. Нынче и люди другие, и дети другие. Мы так жили своею жизнью. В целом наше поколение боролось за выживание, а нынешнее от богатства, роскоши и бездействия, как говорят старые бабки, просто бесятся. Их бешенство в незнании, куда себя деть. В доме у многих богатство и прислуга, свои няни да учителя, садоводы да пчеловоды, свои хлебосолы, повара и даже личные шоферы. Господи, говорят бабки, ну все как было при Иване Калите да Иване Грозном, и даже раньше — при Дмитрии Донском, разбившем монголо-татар на реке Вожа. При битве на Куликовом поле на Дону Дми-

трий показал чудеса храбрости и воинского руководства, за что и получил звание Донской.

Может, у меня и правда ум за разум заходит, только наше нынешнее поколение во многом отличается от моего прежнего, которое родилось перед войной, жило во время войны и после нее. Тогда, как помнится, в третьем классе мы писали на газетах, а не в тетрадях, поскольку таковых ни в магазинах, ни в школах в глаза не видали. Все классы до десятого тоже понятия не имели о тетрадях. Не знаю, как в городах, а в нашем ауле в 1945-ом и 1946-ом тетрадей не было. Их заменяли газеты, обычные газеты, какие ученикам давала школа. Дома матушка их разрезала, сшивала, и они служили мне, как и всем другим, весь учебный год. Чернильная запись на газете виднелась, и ее можно было читать. Учителя собирали эти тетради, просматривали и ставили соответствующую оценку.

Скажи сейчас об этом - засмеют. Может, не всех коснулась эта газетная какофония, но лично я, весь мой класс и вся моя школа аула Кенбидаик это испытали на себе в 1945-46 годы. А в 1947-ом я уже покинул свой аул, и на новом месте, в Жалтыре, в школе были обычные тетради в клетку и в линейку. Не знаю, почему сюда не докатилась война, а до нашего аула она докатилась и голодом, и холодом, и теми же газетными тетрадками.

Вспоминать старое не хочется, но куда от него денешься? Оно происходит, захватывает, наваливается да накладывается. И как только голова удерживает всякую всячину? Есть же вещи поважнее и поинтереснее, а вот у меня так лепится всякая ерундистика. Ладно, тут моя память, которая для меня что-то значит, а читателю она нужна, тем более нынешнему? Нужна, как собаке пятая лапа и зайцу зеленый светофор.

В мои восемьдесят надо бы о чем-то интересном вспомнить. Не может быть, чтобы его не было. День Победы отмечали? Отмечали. Бешбармаком объедались? Объедались. Конфеты лопали? Лопали. Баурсаки совали по карманам? Совали. Кумысом опивались? Опивались. Песни слушали? Слушали. Домбристам и айтыскерам хлопали? Хлопали. Вот о чем писать надо, а не о том, как голодали да холодали, писали на газетах да ходили с пацанвой на паслен, за щавелем да степным луком.

Голод заставлял считать все, что годилось в пищу. У войны были свои законы, ау простого народа - свои. У народа была одна задача - победить войну и жить, у войны - покорить тех, к кому она пришла.

Интересно было для нас, пацанов, то, что сметали все, что хоть как-то утоляло голод. И ни один из нас не дал дуба, не заболел, никого не мучили живот или рвота. Все были здоровые, как телята, каким и нужна была только лишь какая-то сиська. У пацанвы и правда все шло как по маслу, потому, наверно, что организм не был приучен к манным кашам, котлетам да украинским борщам со сметаной и масальгой в человеческую руку. Ничего этого не было, а была простая болтушка, простая затируха, часто даже без хлеба. На том и росли во время войны и сразу после нее.

А после, когда отменили карточки, жить стало лучше и стало веселей. Появились и хлеб, и мука, и мясо, и колбасы, и конфеты с печеньем и всякими ватрушками. Живи, питайся, но для этого упирайся на работе рогом во все свои силы. И упирались, залечивали раны войны даже там, куда она не докатилась. Как-то все смирились со смертью «отца народов», трудились, а там пришли Хрущев и целина.

Целина так многое перевернула в сознании и в жизни людей. Каким-то своим крылом она зацепила и меня, восемнадцатилетнего десятиклассника, комсомольца, посредственного ученика, который получал пятерки только по литературе да русскому языку, а по остальным предметам из троек не вылезал, что говорило о моей природной тупости. Другие как-то четверки и даже пятерки схватывали, а я понятия не имел ни в дробях, ни в логарифмах да в степенях. Был я в них дуб дубом, и, может, только пятерки по литературе да русскому заставляли учителей как-то натягивать меня натройку. Я это чувствовал и просто удивлялся, почему меня учителя терпели.

Как бы там ни было, а что-то я да делал, что-то учил, над чем-то корпел, в чем-то даже разбирался, но не более как на присущую для меня тройку. В общем, вся математика у меня шла на трояк, а разные истории, физики да химии я шарил даже на четверки, а то и пятерки. Не знаю почему, но математику я не любил, а литературой я просто жил. Жил литературным временем от Олега и Игоря, Дмитрия Донского, Ивана Калиты и Ивана Грозного, жил веком Ломоносова и всем, что шло от него к Пушкину, Лермонтову, Белинскому, Щедрина, Некрасову, Тургеневу, Гончарову, Толстому да Чехову до наших Островского с его Павкой Корчагиным, Шолохова, Фадеева с молодо гвардейцами, Твардовского с Василием Теркиным и Исаковским с его Катюшей. Писательский мир всегда брал меня в плен,

в каком я остаюсь и теперь, в мои восемь десятков, когда на меня давят и Семен Гершберг со своими книгами «Работа у нас такая» и «Завтра газета выходит», и Садовский с «Записками актера», и Коненкова с «Моим веком», и «Добрый заступник моряков» Юхана Смуула, «О литературном труде» А. Фадеева, «Для остроты сюжета» Валерия Буренкова, «Японские записки» Николая Федоренко, «Об искусстве и литературе» Мариэтты Шагинян.

Не сказать, что всем им я кланялся, а вот «Героя нашего времени» Лермонтова я перечитываю и теперь и просто кланяюсь такому далекому, самобытному и неподражаемому автору. Писать без прищивинского увлечения природой, ее описаниями надо уметь, что умел и Лермонтов.

Прочел я «Корень женьшеня» Михаила Пришвина и где-то даже устал. Может, оттого, что я старик долбаный? А комментатор Петр Киселев так на двадцати страницах возносил Пришвина до небес за его любовь к природе и умение говорить о ней особым писательским языком. Любить природу и говорить о ней особым специфичным языком - особый дар и особый талант, каким у нас владеют немногие. Я так в плане описания природы вообще дуб дубом. А хочется иногда что-то приметить, приметить тихий дождь и утреннюю зарю, когда просыпаются всякие букашки да таракашки, муравьи и цветные гусеницы. Они, возможно, меня как-то да видят и даже слышат, а я только вижу, что они ползут, куда-то спешат, у каких своя жизнь, как и у меня. Пришвин наверняка нашел бы, что сказать о них, а у меня не нашлось ни одного доброго слова об этом маленьком животном мире.

А это не иначе как говорит о бедности моего ума, а значит, и моего литературного языка. Настоящий писатель, а не самозванец, как я, обязан знать литературное поле целиком. Хотел бы и я знать это поле, так оно мне с трудом дается. А все потому как мне идет девятый десяток, какой просто обязывает на все моей писанине поставить точку. Мною об этом уже говорено не раз, но конца этой говорильне пока еще не видно.

Говорил и мечтал я закончить «Душевную повесть» на тринадцатой главе, потом на четырнадцатой и на пятнадцатой, отчего даю честное слово закончить на этой четной главе. Потому как я черным по белому напишу: «КОНЕЦ». Читатель чему-чему, а этому поверит.

Не знаю, как он примет эту последнюю главу, только она меня поче-

му-то вымотала. Где-то я не находил нужных слов, где-то грешил повторами. Нового, по сути, ничего не сказал, а Гульчатай так заметила, что я наступил на свои старые грабли и на былое ремесло - толочь воду в ступе. Читатель такой прием не приветствует, поскольку он нынче более грамотный и более требовательный к литературе и к ее художественности.

Понимаю это и я, но переделать себя не могу. За Пришвиным мне не угнаться, как не угнаться ни за одним писателем современности, каких печатает издательский мир нашей страны. Не угнаться мне и за теми, кто печатается в «Просторе» и в «Ниве». Это литературно-художественные журналы Казахстана, государственные журналы, куда попасть очень непросто, поскольку в этих журналах истинные Некрасовы и Белинские, какие были и в далеком-далеком «Современнике». Так что попасть в эти журналы простому дедугану вроде меня совсем непросто. А то, что меня где-то печатают, так это мои старческие заскоки, какие выливаются из меня ручьями и реками. В них, говорят издатели, проскакивает и что-то ценное, за что их благодарю и кланяюсь им.

Ну, а давайте друзья, договоримся, что на этой четной главе я и впрямь завязываю с «Душевной повестью» и вообще с писаниной. Поскольку я иду по своему девятому десятку, надо на писанине ставить настоящий крест. Мало чего там диктуют проснувшиеся память и дела давно минувших дней! Пока я живу, они наверняка будут меня донимать. Просто хоронить их в себе не резон, отчего и приходится их тискать в своем дневнике.

Чего я не сказал или просто упустил, так это то, как я обращался со своею родней и близкими мне людьми. Матушку я схоронил сорок лет назад, и все сорок лет после нее я никого не называю «мама». Родителей моей Гульчатай, когда они были живы, я называл по-своему: тещу звал «мать», а тестя - «отец». Они не обижались, считая, что их грамотный зять знает свое дело и поступает правильно, хотя другие зятья, как я знал, звали свою тещу и тестя так, как и положено мужу их дочери, для какой отец и мать всегда были мама и папа. Я им просто завидовал, потому как они делали это просто и естественно, с душой и сердцем.

Сноха же моя Вера, мама Марины и Артемки, с первых дней замужества за нашим сыном нас с Гульчатай и по сей день называет «папа» и «мама». Для внуков и правнуков мы самые дорогие и близкие люди, какие и живут далеко и навещаются редко. А приезжая, так для них не скупятся ни на

какие подарки. Мы от них за тыщи верст, а все равно к ним тянет. Понятно, у стариков психология и философия жизни такая, за что их и не стоит осуждать. Не были на этот раз у детей на Алтае мы с моей бабушкой аж целую пятилетку, какую намечаем нарушить в 2018-ом.

А в 2017-ом на мои восемь десятков приезжал наш сын. Как положено, отметили мой юбилей, и сын тут же укатил на своей «железке» - МПС (министерства путей сообщения), какого у нас нет как бы не целое двадцатилетие. МПС у нас нет, зато есть «Казахстан темир жолы». В целом «железке» я отдал сорок лет, почти столько же моя бабушка, которая пришла на нее сразу же после десятого класса. «Железка», или тогдашний МПС славился от Бреста и до самого Владивостока. Наша кровная «железка» вывела нас с Гульчатай в люди, дала нам работу, дом, почет и «дембель» и, что важно, не забывает даже на «дембеле» поздравить с днем рождения, с Днем железнодорожника и другими праздниками.

Насчет прочих вещей и моих творческих заскоков надо бы отметить мое любование детьми всех возрастов. Детсадовские и маленькие перво- и второклашки вообще вгоняют меня в отцовскую любовь. К чему такое - не представляю, о чем посоветоваться не с кем. Спросить бы у какой-нибудь цыганки, такони вообще в миру перевелись. Я не встречаю ни цыган, ни цыганок уже лет пятьдесят, и только редкие ромэновские певцы иногда проскакивают на экране. К бабушкам моей Гульчатай обращаться не решаюсь, поскольку среди них есть особы с высшим образованием, какие могут мысленно и словесно накатить свои злые осудительные баллоны.

Лично я так объясняю свою любовь к детям - обычным старческим синдромом. Обычный же жизненный анализ говорит, что старость моя скучает по детству, а это не иначе как символ отбрасывания копыт. Вспоминая моих сверстников, покинувших этот свет, считаю, что я несколько зажился. В нынешний атомный и космический век, чтобы идти по девятому десятку, надо быть Тарзаном и обладать его комплекцией и его здоровьем.

Нынешнее поколение о Тарзане понятия не имеет. А я-таки видел фильмы о нем лет шестьдесят пять-семьдесят назад. В титрах перед началом кино, как помнится, писалось: «Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома фашистской Германии и падения Берлина». Что там еще писалось, не помню, а эти две строки втемяшились в памяти по сей день.

Не знаю, как со здоровьем Тарзана и сколько он протянул со своими обезьянами, только актер Вайсмюллер до моих лет не дотянул. А я вот кручусь, кувыркаюсь, бодрствую и даже пишу свои воспоминания в моей «Душевной повести», какой и хочу завершить все свое писательское ремесло и свой затянувшийся жизненный век. Своего же читателя я люблю и просто преклоняю пред ним колени - просто за то, что он есть, строит в новом веке свою жизнь и жизнь своей страны. Он непременно будет свидетелем новых открытий и свершений человечества, устремленности этого человечества в будущее, какое он будет строить своими руками, своим усердием и своим особым человеческим умом, какой непременно рождает каждый новый человеческий век.

ГЛАВА 17

Нет, не могу закончить свою долбаную «Душевную повесть» на четной главе. Получатся, иду против своей воли. Обычно я завершаю свои литературные выбросы на нечетных страницах, а тут вдруг споткнулся на шестнадцатой... Что-то против меня и против моей воли. А ведь старая цыганка далеких коммунистических лет предрекала мне удачу только на нечетные числа. Мою своеобразную исповедь, «Душевную повесть», хотелось бы на нечетной главе закончить и поставить жирную точку.

Не представляю, чего я буду в эту главу положить. Обо всем вроде сказал. Зацеплены большие и малые стороны моей жизни от первого класса до «дембельских» седин. Они, эти седины, как раз и натолкнули взяться за перо. До этого я не делал подобных шагов, и литературных выбросов у меня не было, кроме каких-то газетных поползновений, а вот в семьдесят пять на меня наехала не иначе как поддтая муза, какая терзает меня, подставляет подножку и валит плашмя и навзничь. Будь она трезвая, она могла бы разобраться, где старик, а где безусый молодец, ищущий себя и литературный талант в себе. Так нет же, она по пьяни накатила на меня и вот не отпускает уже целую пятилетку.

А у меня, Хоттабыча, нет сил бороться с таким наваждением, как лите-

ратурные и творческие заскоки. Они меня достают, донимают, запихивают за журнальный столик. У старика нет сил сопротивляться слову, какое тянется к перу. Все остальное выливается на дневниковые страницы, а оттуда уже кочуют в издательский дом «Классик», какой меня еще как-то видит, как-то приветствует и даже выпихивает на белый свет. Пока я его усилиями плыву по Агадырю восемью книгами, а дальше жизнь покажет. Меня заверили, что оставшиеся шесть уже в работе, а коль это так, значит, недалек тот день и час, когда что-то да засветится для меня на горизонте.

Шесть произведений - это не шесть стихоплетных надумок, а шесть больших полновесных книг, какие ждут работы над собой - творческой, художественной, корректорской, редакторской. Работа большая и кропотливая, какую знают только спецы, для каких этот трудоемкий и бесконечный цикл - их жизнь и их судьба. Читатель берет в руки «Тихий Дон», того же Павку Корчагина, того же Абая или Джансугурова и вряд ли задумывается, сколько было занято людей, чтобы выпустить в свет эту книгу. У меня же они есть, крутятся, шевелятся, блуждают, потому как я не только читатель, но и какой-то косвенный писатель.

Я представляю ход книги от рукописи до редакторского стола. Ход этот тернист и нелегок. Тут поистине нужны большие головы с большими знаниями литературы и произведений всех времен и народов, чтобы автор не увел забытое чужое, выдавая за свое собственное. Такое, говорят, в жизни уже встречалось, встречается даже теперь. Издательский народ на то и существует, в каком кроется талант и ум Белинского, какой уже точно знал и видел итицу по полету. Творческий народ «Классика» усек и во мне какую-то птицу, которая расправляет крылья и может подняться на определенную высоту.

Как-никак и худо-бедно, а своими восемью книгами я как-то да взлетел и до сих пор нахожусь в полете. Выйдут оставшиеся шесть, так я еще поднимусь на какой-то небесный покров, а там, может, докачусь до самого горизонта. А все как мне будут светить мои агадырские зори и мои агадырские рассветы, освещенные большим лучом издательского дома «Классик». Без его света не было бы и моего творческого рассвета и моего агадырского зарева.

Вот так, мои дорогие друзья. Такие вот мысли нахлынули на меня с первых строк этой семнадцатой главы. Начало сделано. А что дальше? Что ты,

уважаемый автор, можешь положить в эту главу? Может, вновь заставишь ее своими виршами, какие читателю нужны, как зайцу вытрезвитель? Читатель нынче не падок на стихи, он их просто опускает и перескакивает на прозу. Я и сам нередко делаю то же самое, но только чтобы глубже окунуться в произведение, в его ауру и в его семантику. К стиху я все равно потом возвращаюсь и уже связываю его с прозаическими выкладками. Читать произведение ведь тоже надо уметь. Об этом и в КазГУ говорили, когда я там учился целых шесть лет. Что-то из того я отложил в моей памяти, а что-то уже и выветрилось, поскольку минуло после того целых пятьдесят лет. Пятьдесят лет назад я был обычным студентом, ничем не выделялся, тогда как другие на месте могли рвать подметки.

А все как они были газетчиками, работали в различных редакциях и выдавали в свет свои аховские писательские и газетные вещи. Я же, по сути, ничего не мог предложить и показать свои печатные вещи в деканате, поскольку я один из всех был слесарем локомотивного депо. Была у меня, правда, заначка из статей и очерков о железнодорожном народе, какие печатались в районной газете. Нового я ничего предложить не мог, но мне верили и за старые письма, почему, может, и допустили на факультет журналистики, на каком я прокантовался с 1962-го по 1968-ой. Единственное, что мне сказали в деканате: пора переходить в газету, поскольку я слесарю и так целых три пятилетки. Газетного опыта набираться все равно надо, ибо зачем тогда идти на журналистский факультет? Коль такая страсть к железной дороге и к слесарному делу, надо бы идти в «железный» институт, где с вас не спросят ни историю, ни литературу, ни сочинения, а спросят только математику.

Мне ничего не оставалось, как слушать деканат и что-то мотать себе на ус. Как бы ни было, а КазГУ я добил, защитился, получил диплом журналиста, какой и сегодня валяется где-то в далеком старом сундуке. С этим самым дипломом я слесарил еще одну хрущевскую пятилетку. После слесарничества упирался рогом на других железнодорожных должностях. Мой диплом мне нигде не понадобился, и в газетном деле я и теперь разбираюсь, как свинья в апельсинах.

Так сложилась моя до КазГУшная и после КазГУшная жизнь. Образование имел журналистское, а пахал простым слесарем и простым снабженцем, простым Ванькой с пивзавода. Другьям, моим однокурсникам, зави-

давал, читал их вещи в областной газете и в республиканских журналах «Простор» и «Нива», Завидовал белой завистью. Товарищ мой однокурсник так в газете «Индустриальная Караганда» стал заместителем редактора. Мы встречались с ним, беседовали, вспоминали наши КазГУшные года. Интересное было время. Интересны были у нас и преподаватели Барманкулов, Колосов, Редкин. Сейчас их уже нет на свете, а мы здравствуем. Не стало в 2011 -ом и моего друга Димы Зинчука, этого самого зам редактора...

А ведь мы были с ним одногодки. Не знаю, почему так распорядилась жизнь. Работа была не грязная, сверлом да зубилом. Он ушел, а я по сей день кувыркаюсь на своем девятом десятке. Сколько я еще протяну - не ведаю, только жизнь несправедлива к журналистам. Надо, чтоб они и на «дембеле» жили-поживали и рожали бы свои воспоминания наподобие «Исповеди» Руссо и Алексея Крылова, выдавшего в свет четырехсотстраничную книгу «Мои воспоминания». Увлекся, читал, восхищался людьми прошлых лет. Родился Крылов в 1863-ем и умер в 1945-ом, встретив великую Победу, на которую работал неустанно. За свою долгую жизнь он повидал и Октябрьскую революцию, и сталинский режим, и войну 41-45-ых годов, которую он осуждал и для Победы в которой отдавал свои силы.

Алексею Крылову было что сказать в своих воспоминаниях, поскольку он видел много знатных людей, среди каких были Капица и Калинин, какой самолично вручал ему Звезду Героя Социалистического Труда. Был он даже участником экспедиции на пароходе «Метеор» в 1913 году. Как ученый, как профессор Крылов читал лекции в морской академии. С болью в сердце Крылов принял начало войны 1914 года, объявленной России Германией. О всей своей жизни Крылов и рассказал в книге «Мои воспоминания», к чему стремлюсь и я в своей «Душевной повести».

Родниться моя книга с крыловской не может, поскольку у меня беден мой литературный язык, да и в жизни я, по сути, мало чего видел, чтобы заинтересовать читателя. До десяти лет я даже понятия не имел, как выглядит железная дорога, паровоз и что такое высотные дома в два, три и пять этажей. Что улицы покрывают каким-то асфальтом, и они не пылят, и лохиади не оставляют на них свой след, тоже не знал.

Крылов не имел гуманитарного образования, а выдал такую красивую, смелую и грамотную литературную вещь! Я понял: то, что мною затеяно с моей исповедью, просто старческие заскоки. Много ли может вспомнить

и сказать старый человек, шагающий по своему девятому десятку? Как пишет член-корреспондент АН СССР А. П. Капица в 1978 году о книге Крылова «Мои воспоминания», книга являла собой «удивительный образец мемуарной литературы».

Верю, о моей «Душевной повести» во всем белом свете никто не скажет подобной похвалы. Просто не скажет, потому как книга эта не заслуживает подобных слов и подобного отзыва. У меня, по сути, тоже своеобразные мемуары, но они так далеки по языку и литературной выкладке от крыловской книги. Так что мне остается одно - завязывать с писаниной и просто молиться, чтобы «Душевная повесть» выскочила на свет. От меня уже мало чего зависит. Если бы мне сказали, что убрать, что сократить, я готов разорваться, а сделать, что от меня требуют. Пока же от меня никто ничего подобного не требовал. Не знаю, делается ли не что подобное в сегодняшнем мире? Я готов за это разбиться и даже пойти в рабство. Пока же мои книги выходили такими, какими я и предлагал.

Опыта говорить о себе, как говорили Жан-Жак Руссо и Алексей Крылов, у меня нет, и не думаю, что он когда-либо появится, потому как я наступил на свой девятый десяток. В эти годы уж точно думают не о писанине и каких-то литературных воздыханиях с языковыми высотами, а о том, как бы внезапно не отбросить копыта, что почему-то сегодня случается сплошь и рядом. Копытятся мужики часто без звука и боли даже в теплой квартире, сидя надиване у телевизора. Агадырь такой эпизоду себя знает. Знали мы и этого мужика, какой даже близко не успел нажиться на «дембеле».

Об этом мне надо больше думать, а не о книге. Так я же больше ударюсь в книгу, а о копытах просто забываю. Бабки говорят: это хороший синдром. Не думать о смерти не каждый может. Тот, кто не думает, тот дольше и протянет. Ко мне так по утренней заре и перед сном навязывается коварная мысль: жить, жить, жить!.. Хочу жить, чтобы писать, чтобы видеть людей, видеть друзей, школярят, и детсадовскую мелюзгу, отчего, кажется, и я сам молодую. Болезни меня обходят десятилетиями, голова работает, ноги передвигаются и даже бегают, Гульчатай чаем потчует - чего еще надо? Надо, чтобы все болезни и несчастья обходили и мою Гульчатай, мою бабульку, с какой мы вместе уже почти шестьдесят лет.

Насчет моей Гульчатай так мне хочется высказаться о ней хотя бы от-

дельной статьей очеркового характера. В молодости у меня эти очерки так получались классные. Сейчас я посерел и не знаю, справляюсь ли с задумкой очерка о моей женке, моей Гульчатай, какую я всегда хочу видеть с собой рядом.

О моей Гульчатай можно высказаться даже отдельной книгой, отчего в голове она есть, в кратких записях тоже, а вот целого законченного героя нашего времени не просвечивается. После «Душевной повести», возможно, и ударюсь в свою Гульчатай и прославлю ее, как Лермонтов Печорина. Такие мысли донимают меня с каждым разом, когда я сажусь за очередную главу «Душевной повести». На этой нечетной я уж точно поставлю точку, напишу «КОНЕЦ», сдам книгу в издательство и засяду за книгу о моей Гульчатай-Кадише-Райхан-Зауре-Жанар-Дариге-Винчеции. Жизнь ее знаю от рождения до «дембеля», точно как и свою, только о себе я поведаю не иначе как исповедь, а о Гульчатай сказано в нескольких строках и на нескольких страницах. Не знаю, как будет складываться жизнь, только перво-наперво я хочу увидеть живую мою «Душевную повесть». Вот веду ее к концу, а там уж будет работа «Классика». В каком плане она будет идти - не представляю, но то, что она дождется завершения, не сомневаюсь.

Перечитывая черновые главы «Душевной повести», заметил: о себе сказал все, о сыне и о снохе - тоже, поговорил и об их детях, и о друзьях, с кем жил и работал, а о Гульчатай, с кем прожито шестьдесят лет, не сказано почти ничего. Да разве она не достойна теплого слова о себе? Свое повествование о своей женке хотел бы озаглавить в расширенном очерке или даже в повести под названием «Мой ласковый и нежный зверь». Таким «зверем» моя Гульча была для меня всю жизнь, за что я ее любил, ценил и оберегал от всех жизненных потрясений.

Моя женка Раиса-Гульчатай-Кадиша-Жанар-Дарига и так далее как бы не целых полста лет мой первый главный редактор, читатель и почитатель всей моей пробы пера, и на этот раз она набросилась на мое ночное творение. Привлек ее необычный заголовок из старого телефильма по Чехову. Смотрел эту ленту и я тоже, проникся к ее героям необыкновенным душевным волнением.

В фильме сюжет и герои чуть ли не полуторавековой давности, а все равно, черт возьми, они чем-то увлекают, притягивают и привораживают. На досуге подумывал: бывает ли в жизни такое сегодня? Вроде ничего

подобного не встречается, хотя нечто схожее в жизни проскакивает. Это тамечание моей жены и ее товарок, таких же боевых и грамотных бабок, но с пионерской душой, собирающихся на причудливой лавке-скамейке, сработанной каким-то дедом-доброхотом в округе четырех двухэтажек, составляющих тихий и замкнутый двор без машин и без проезжих дорог. Бабки на своих посиделках находят свое отдохновение, а в праздники так расппеваются задушевными песнями своей молодости, какие, по-моему, белый свет не слыхивал и не представляет, что жизнь способна создавать такое душевное созвучие.

С песнями у пенсионерок разгорались и разговоры о своих прошлых профессиях. Раньше о них не стеснялись говорить громко, самозабвенно и с почтением, теперь же этого просто нет, просто не слышно, чтобы кто-то похвалялся своей работой и своей профессией и с почтением относился к тем, кто эту работу придумал и изобрел. А ведь было время, когда шахтер о своей работе говорил самозабвенно, металлург - с почтением, хлебороб - с поклоном к хлебу, земле и колосу, железнодорожник - с восхищением, шофер- с неиссякаемым пафосом. Ему есть чем восхищаться, потому как за долгую шоферскую жизнь повидал немало городов в своей стране, в соседних республиках и даже на западных границах. Города - это что, а вот каких людей приходилось встречать!..

С вожделением и поклоном отзывается о своей прежней работе и моя боевая старушка Раиса-Гульчатай-Кадиша. Как ей помнится, сразу после выпускного десятого в 1957-ом пришла она в депо, где ее оформили ученицей токсировщика. Что это была за вещь, теперь не понять и не разобратсья, а тогда эти токсировщики что-то да значили. Перед нею положили счеты, арифмометр и сказали: дерзай!

Жизнь шла своим чередом, ученица - своим. Став полноценным статистом и закончив институтскую заочку, начальство увидело в бывшей ученице перспективного работника и назначило ее начальником группы учета. Учитывать в этой самой группе было чего, поскольку сюда сходились все поездные маршруты локомотивных бригад. А маршрут - это лицо поезда! Здесь его номер, вес, всякие отцепки-прицепки от него и к нему, простой локомотива по вине бригады или прочих железнодорожных служб, препятствия на пути вроде бродячего скота и автотранспорта. В локомотивном маршруте, естественно, были фамилии машиниста и его

помошника, записи о наличии дизтоплива и дизмасла в литрах. Статисты после всяких операций с маршрутом литры превращали в килограммы, определяли пережог топлива или его экономию, после чего маршруты с прочими данными уходили в вычислительный пентр своего Карагандинского отделения.

В целом, группа учета депо выступала основным учетным звеном тонно-брутто-километровой работы за месяц, квартал, полугодие и весь текущий год, данные каких отражались в отчетных сводках самого депо, Карагандинского отделения, самой республики и всего тогдашнего МПС. Так все и катилось до самого СНГ.

Ну, а в 1996-ом Гульчата- совсем не мало. За все те годы она никогда не помышляла покинуть депо, хотя такие предложения поступали из высоких отделенческих кругов. Она не решалась покинуть и родной Агадырь, где она родилась, училась и где были похоронены ее отец и мать. На железной дороге в семье Раисы Ильиничны работали буквально все.

Отец пришел на «железку» еще в 1937-ом и считался классным путейцем, потом путеводчиком и уже на «дембеле» дежурным по переезду, где также трудился честно и добросовестно, гоня лихачей-шоферов, пытавшихся проскочить переезд перед приближающимся поездом. Ушел Илья Матвеевич из жизни в 1971-ом, оставив в своем доме, построенном своими же руками, жену Екатерину, трех дочек и сына. Теща моя пережила мужа на три года. Похоронены отец и мать моей Гульчатой на агадырском кладбище рядышком. Удивительно красивы и строги на фотографиях их лица, смотрящие на проходящих за кладбищем, в бесконечную даль до самого горизонта.

Брат и сестры Гульчатой свою жизнь тоже посвятили железной дороге, как и ее покойная матушка. Железнодорожный Агадырь, вероятно, ничего другого предложить и не мог, кроме своего железнодорожного ремесла. Это ремесло мы с Гульчатой освоили качественно и теперь на «дембеле» просто кланяемся нашей «железке».

В своей беседе с моей Гульчатой о ее прошлом предлагаю называть ее

«мой ласковый и нежный зверь». Ласки, любви и нежности в ней к нашим детям и внукам, а теперь и к их детям в ней всегда было с великую торбу, какие проявляются в ней и теперь, может, даже с большей силой и боль-

шим жизненным налетом. Насчет же зверей, так человек знает, что они являются самыми любящими родителями на земле. Ради них они готовы на любые жертвы и защиту. Такие же качества и у моей Гульчатай-Акмарал-Гульжанат-Кадиша-ханум и теперь в избытке, отчего я смело могу называть ее «мой ласковый зверь». За прошлую свою жизнь она страстно боролась за свои рабочие устои, за деповской престиж, за свой большой коллектив из восьми человек. Раиса-Гульчатай-Кадиша-ханум всегда стояла на высоте и всегда потакала повышению значимости их кропотливой счетной работы. Сейчас тому приходится только завидовать и радоваться, потому как оно осталось в душе и в сердце знатной деповчанки, моей Раисы-Гульчатай-Кадиши-ханум.

И последнее, чего бы мне хотелось втиснуть в эту последнюю главу, так это отторжение казахстанским телевидением таких передач, как «Играй, гармонь», «Человек и закон» и закрытием республиканского художественного журнала «Нива», какой существовал в стране двадцать пять лет, и в 2015-ом какие-то силы сделали журналу хакакири, оставив страну и ее писательский мир без литературно-художественного вестника. Двадцать пять лет руководил журналом, был его организатором и бессменным редактором большой поэт Казахстана и общественный деятель Владимир Романович Гундарев. После его смерти в 2012-ом журнал просуществовал только три года и был закрыт, уничтожен, как враг народа.

Из истории журнальной и политической жизни России журналы закрывались царскими властями как антигосударственные. Перечислять их можно сколько угодно, но метод был один - ни слова против царя, его политики и его сановников. Но против царей шли и простые писатели, и даже декабристы, поскольку царская власть была против большинства народа. Народ был бесправен до отмены крепостного права, хотя эта отмена, по сути, мало чего дала многомиллионному народу России.

Чем не приглянулась властям Казахстана «Нива», пишущий народ республики не знает. Против правительства страны журнал не шел, печатал классные произведения своих и зарубежных авторов. Перечислять их нет смысла, поскольку их произведения были живы в журнале, а потом зышли и отдельными изданиями. Между прочим, в июньском и июльском номерах был напечатан и мой роман «Жизнь моя забубенная», где в седьмом номере сообщалось: окончание в следующем номере. Следующий же но-

мер должен был быть в августе, в каком журнал и закрыли, и читатель так и не дождался окончания романа, не узнав, чем кончилась история с героями книги.

Насчет же передач «Играй, гармонь» и «Человек и закон» вообще хочется рвать и метать. «Играй, гармонь» так шла на казахстанском телевидении с первых же дней выхода в свет этой российской передачи в 1986-ом. Ее организатором и бессменным ведущим был известный музыкант и актер Геннадий Заволокин. Где только «Играй, гармонь» ни была! Была она и у нас в Кокчетавском регионе. Ах, как звучали баян и домбра, как сливались казахские и русские напевы!

На казахстанском телевидении передача не идет уже целую пятилетку, тогда как на российском телевидении она транслируется и сегодня в течение уже тридцати лет. В 2016-ом передача отметила свое тридцатилетие, какое состоялось, как и положено, где она родилась - в Новосибирске. Как мне говорили друзья, у кого есть телевизионные тарелки, передача была изумительная, поскольку приезжали даже те, кто выступал и при Геннадий Заволокине.

Я так прокручиваю пленки с «Играй, гармонь» и не могу налюбоваться ее веселым народом и его песнями. Ах, русская песня, русская частушка, сколько в них жизни, сколько души! В песнях и частушках «Играй, гармонь» всегда есть что-то свое, своеобразное и неповторимое. Похожими передачи не бывают, как не бывают похожими и люди. В разных краях и разные люди со своей любовью к песне, к гармонии, к заволокинской «Частушке» и к передаче «Играй, гармонь». Когда эта передача была у нас, звучали русские и казахские песни, в унисон сливалось звучание домбры и гармонии. Сердце радовалось у людей, когда звучали русские и казахские песни, когда во всем чувствовалась дружба российского и казахского народов.

Такова вот история с «Нивой» и передачей «Играй, гармонь». Исчезли они с телевидения и из печатных органов Казахстана. Кто крайний, кого винить - понятия не имею, как не имеет его и весь народ Казахстана. Не знает народ Казахстана, намного ли разбогатела республика, уничтожившая Жезказганскую область, Тургайскую и Семипалатинскую с районами Агадырский в Жезказганской области и Молодежный в Карагандинской. Первый переведен в Шетский со «столицей» в трехтысячном Аксу-Аюлы, отстоявшем от железной дороги на целую сотню верст. Молодежный так

от железнодорожного бездорожья перебросили в железнодорожную Осакаровку за целых двести верст.

И ничего, жизнь идет у тех и у других уже целое двадцатилетие. Агадырцы живут и свое счастье куют. Живут и молодежцы со своими успехами и проблемами. Без них не обойтись, поскольку наступил другой век. У Агадыря заметны свои свершения, у молодежцев - свои. Как поживают бывшие областные центры Жезказган, Аркалык и Семипалатинск - Бог весть, но, по сообщениям телевизионщиков, живут неплохо, где-то и роскошно. А все как люди надеются на себя и умеют крепко трудиться.

Вот на этом, друзья, давайте будем прощаться в прямом и в косвенном смысле. В прямом — так и понятно, поскольку я иду по тропе с первыми шагами по девятистолетию. А косвенно — вы прочтете меня, я повидаю издателей и некоторых читателей. Что-то скажем другдругу, может, даже пожмем друг другу руки. На большее я не надеюсь. У жизни свои заскоки, у меня — свои. Как мы поладим, не представляю, но всё равно жить как-то надо...

Как бы ни было, а я оставляю своему потомству свои тринадцать книг. Как оно с ними поступит - его дело. Может, кто-то прочтет, а кто-то даже решится сплясать на моей могиле - просто так и в отметку за то, что я говорил и писал не то, что требовалось для моего времени и моего века.

КОНЕЦ

Они же самые, мои друзья: Павел Крашановский и Николай Дудич.

А это я и моя женка Раиса, когда мы в трудовом
отпуске ездили на моря-океаны.

Содержание

Глава 1.....	3
Глава 2.....	14
Глава 3.....	18
Глава 4.....	24
Глава 5.....	30
Глава 6.....	40
Глава 7.....	49
Глава 8.....	55
Глава 9.....	62
Глава 10	73
Глава 11.....	87
Глава 12.....	98
Глава 13.....	116
Глава 14.....	131
Глава 15.....	145
Глава 16.....	156
Глава 17.....	167

